

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 3 (30), 2013

Санкт-Петербург
2013

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Ван Ян

доктор права, профессор (Пекин, Китайская Народная Республика)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Набережные Челны, Россия)

Константинова Татьяна Владимировна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллинн, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Мусаев Алауди Нажмудинович

доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Носкова Ирина Александровна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Сафонов Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Семикина Мария Сергеевна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Хабаровск, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Сулейманов Джаванир Исламович

доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджанская Республика)

Сыдыкова Лейла Чинтургановна

доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Харламов Валентин Станиславович

кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Хэслер Вальтер

доктор психологии (Бругг, Швейцарская Конфедерация)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Добрынина Наталья Борисовна (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. — 2013. — № 3 (30). — СПб., 2013. — 108 с.

Журнал выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д.А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название — «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224.

Факс: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» — 11285.

Тираж 1050 экз.

ISSN 2218-8576

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2013

© Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

The journal of St. Petersburg
International Criminology Club
№ 3 (30), 2013

St. Petersburg
2013

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Shestakov Dmitry Anatolyevich

doctor of laws, professor, the Honoured science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Executive editor

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputies

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mihail Grigorevich

doctor of laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of philosophy, professor, the Honoured science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galieвна

PhD in technical sciences, doctor of laws, senior researcher (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alauhanov Esbergen Orazovich

doctor of laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Gondolf Edward

Doctor of psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Haesler Walter

Doctor of psychology (Brugg, Switzerland)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of laws, professor (Naberezhnye Chelny, Russia)

Kharlamov Valentin Stanislavovich

PhD in Laws, associate professor (Saint-Petersburg, Russia)

Koretsky Danil Arkadyevich

Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Konstantinova Tatiana Vladimirovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Kury Helmut

Doctor of psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of laws, professor (Tallinn, Estonia)

Luneev Victor Vasilevich

Doctor of laws, professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Milyukov Segey Fyodorovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Musayev Alaudi Nazhmudinovich

Doctor of laws, professor (Moscow, Russia)

Noskova Irina Alexandrovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Sadykova Leila Chinturganovna

Doctor of laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Safonov Vladimir Nikolayevich

PhD in Laws, associate professor (Saint-Petersburg, Russia)

Semikina Maria Sergeevna

Doctoral candidate in Laws (Khabarovsk, Russia)

Sessar Klaus

doctor of laws, professor (Hamburg, Germany)

Suleimanov Dzhavanshir Islamovich

Doctor of laws, professor (Baku, Azerbaijan)

Van Yan

doctor of laws, professor (Beijing, China)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dobrynina Natalya Borisovna (St. Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. — 2013. — № 3 (30). — St. Petersburg, 2013. — 108 p.

The journal, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D.A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg International Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224
Fax: (+7 812) 312 99 10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal «Criminology: yesterday, today, tomorrow» is included in the list of the Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of doctorate and candidate' theses are to be published.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal
<http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» — 11285

The circulation: 1050
ISSN 2218-8576

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Э. Гондолф (Индиана, США). Основные тенденции в американской криминологии . . . 13

2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

В.В. Лунеев (Москва, Россия). Проблемы российского уголовно-правового законодательства (часть II) 18

П.И. Сащико (Минск, Республика Беларусь). О совершенствовании методики криминологической экспертизы нормативных правовых актов в Республике Беларусь 24

В.В. Куленков (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о процессуальных полномочиях дознавателя полиции. 29

Материалы беседы на тему «Закон и совесть» от 1 марта 2013 года

В.Г. Шарыгин (Санкт-Петербург, Россия). Закон и совесть 32

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Закон, совесть и покаяние Бориса Березовского 37

А. Лепс (Таллинн, Эстония). Народ Эстонии желает сам быть автором законов. 40

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия). Взываю к совести законодателя: «не соврати!» 44

Материалы расширенного заседания Совета Санкт-Петербургского международного криминологического клуба от 8 февраля 2013 года «Право противодействия преступности и законопроекты четырех кодексов в Республике Казахстан» (продолжение)

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). Одни и те же рифы поможет обойти вдумчивость (к анализу норм уголовного законодательства УК РК) 47

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

П.А. Кабанов (Набережные Челны, Россия). Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии. 56

КРИМИНОЛОГИЯ СРЕДСТВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ

А.М. Смирнов (Москва, Россия). Влияние средств распространения сведений на преступность и готовность граждан самостоятельно реагировать на неё 65

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

А.Г. Филимонова (Кемерово, Россия). Региональные особенности социально-экономических и демографических процессов как криминогенные факторы семейной сферы 70

3. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

- В.П. Соломин* (Санкт-Петербург, Россия), *А.В. Лавренко* (Санкт-Петербург, Россия),
В.Ю. Сморгунова (Санкт-Петербург, Россия). Современные уличные преступления
в отношении детей в условиях правового и социально-психологического кризиса
общества 73
- Ю.Ю. Комлев* (Казань, Россия). Рестриктивный социальный контроль: основные
положения и перспективы минимизации девиантности подростков и молодёжи
в переходном обществе 80

КОРРУПЦИЯ

- Л.В. Сердюк* (Уфа, Россия). О роли конфискации имущества в борьбе
с коррупционными преступлениями, связанными с хищением. 86

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

- Юрию Мирановичу Антоняну — 80 лет! 92
- Григорию Иосифовичу Забрянскому — 75 лет! 94
- Виталию Ефимовичу Квашису — 75 лет! 96
- Эдварду Гондолфу — 65 лет! 98
- Есбергелю Оразовичу Алауханову — 55 лет! 100
- К нашим авторам** 102
- Криминологические издания** 105

CONTENTS

GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

- E. Gondolf* (Indiana, USA). Major trends in American criminology 13

2. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF LAW

- V.V. Luneev* (Moscow, Russia). The problems in the Russian criminal lawmaking (part II) 18

- P.I. Sashchenko* (Minsk, the Republic of Belarus). On improving the methods of criminological expertise of legal acts in the Republic of Belarus 24

- V.V. Kulenkov* (Moscow, Russia). On procedural powers of inquiry officers 29

The materials of the discussion «Law and conscience» as of March, 01 2013

- V.G. Sharygin* (Saint-Petersburg, Russia). Law and conscience 32

- D.A. Shestakov* (Saint-Petersburg, Russia). Law, conscience and repentance of Boris Berezovsky 37

- A. Leps* (Tallinn, Estonia). The Estonian people wish to be the draftsmen themselves 40

- A.P. Danilov* (Saint-Petersburg, Russia). I appeal to the draftsman's conscience: «do not seduce!» 44

The materials of the extended session of the Council of the St.Petersburg International criminological club as of February, 08 2013 «The right for fight against crime and the bills of the four codes in the Republic of Kazakhstan» (continuation)

- G.N. Gorshenkov* (Nizhniy Novgorod, Russia). Thoughtfulness will help to avoid the same reefs (to the analysis of the norms of the criminal legislation of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) 47

POLITICAL CRIMINOLOGY

- P.A. Kabanov* (Naberezhnye Chelny, Russia). Typology and classification as methods of scientific knowledge of political criminals in the modern Russian political criminology . . . 56

Criminology of the means of distribution of the information

- A.M. Smirnov* (Moscow, Russia). The effects of mass media on crime and citizens' readiness to respond 65

FAMILY CRIMINOLOGY

- A.G. Filimonova* (Kemerovo, Russia). Regional peculiarities of social, economic and demographic processes as criminogenic factors of family sphere 70

3. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

JUVENILE CRIME AND CRIME AGAINST JUVENILE

- V.P. Solomin* (Saint-Peterburg, Russia), *A.V. Lavrenko* (Saint-Peterburg, Russia),
V.Y. Smorgunova (Saint-Peterburg, Russia). Modern street crimes against children
amid legal, social and psychological crisis of the society 73
- Y.Y. Komlev* (Kazan', Russia). Restrictive social control: principal clauses
and perspectives of minimization of child and youth deviant activities and
in transitional society..... 80

CORRUPTION

- L.V. Serdyuk* (Ufa, Russia). On the role of property confiscation in the fight against
corruption crimes involving theft..... 86

4. JUBILEE GREETINGS

- Yuriy Miranovich Antonyan – the 80th anniversary! 92
- Grigoriy Iosifovich Zabryanskiy – the 75th anniversary! 94
- Vitaliy Efimovich Kvashis – the 75th anniversary! 96
- Edward Gondolf – the 65th anniversary! 98
- Esbergen Orazovich Alaukhanov – the 55th anniversary! 100
- To our authors** 102
- Criminological editions** 105

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 343.9

ББК 67.51

Э. Гондолф*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ¹

Выжимка: Три новых тенденции ознаменовали недавнее расширение области американской криминологии. Первая — практика, основанная на научных исследованиях; вторая — критическая криминология; третья — попытка найти альтернативы лишению свободы.

Ключевые слова: практика, основанная на научных исследованиях; критическая криминология; альтернативы лишению свободы.

E. Gondolf

MAJOR TRENDS IN AMERICAN CRIMINOLOGY

Summary: Three recent trends have marked the recent expansion in American criminology. The first trend is the evidence-based practice; the second — critical criminology; the third — the effort to develop alternatives to prison.

Key words: evidence-based practice; critical criminology; alternatives to prison.

В последние два десятилетия криминология, особенно в США, переживает бум. В 90-х годах XX века федеральное финансирование научных исследований, посвящённых вопросам противодействия преступности, значительно увеличилось, а также увеличились расходы штатов на программы по превенции и пресечению преступлений. Численный состав Американского криминологического общества увеличился с 1900 исследователей в 90-х годах XX века до 3300 в 2012 году.

Область криминологии за последние годы значительно расширилась не только за счёт теоретических парадигм и методологий, но и за счёт охвата новых проблем и тем исследования. Среди этого разнообразия, однако, можно выделить три основных тенденции.

* Эдвард Гондолф — доктор психологии, почётный профессор социологии Индианского университета Пенсильвании, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Индиана, США). E-mail: egondolf@iup.edu

© Э. Гондолф, 2013

¹ Перевод с английского выполнен С.А. Коломенской — кандидатом юридических наук, доцентом Петрозаводского государственного университета (Республика Карелия, Россия).

Практика, основанная на научных исследованиях. Первая тенденция — это направление в сторону практики, основанной на научных исследованиях. Странники этого направления выступают за необходимость экспериментальной оценки программ уголовного вмешательства и программ по реабилитации для подтверждения их эффективности.

Как недавно писали в одном криминологическом журнале, «возникновение направления, именуемого практикой, основанной на научных исследованиях, является, несомненно, одним из самых значительных достижений в уголовной и ювенальной юстиции за последние 20 лет».² Главная цель этого движения — способствовать расширению научного исследования в части, касающейся программ по пресечению преступлений и программ по реабилитации, с целью определить самые эффективные средства, не требующие при этом больших материальных затрат.

Идеалом, т.е. «золотым стандартом», являются экспериментальные оценки, с

² Prysbylski, R. Introduction to special Issue on evidence-based policy and practice // Justice Research and Policy. — 2012. — P. 4.

помощью которых на случайной основе выбирают группу правонарушителей и определяют их как в экспериментальную группу (т.е. состоящую из лиц, проходивших подготовку по программе в тюрьме), так и в контрольную группу (т.е. состоящую из лиц, не имеющих такой подготовки), а затем сравнивают полученные результаты. Проблема состоит в том, что слишком большая доля практической деятельности уголовного правосудия основывается на противоречивых и непроверенных теориях, предпочтениях или обычаях. Практика, основанная на научных исследованиях, также применяется для того, чтобы отсортировать те программы, эффективность которых оспаривается представителями оппозиционных направлений. Например, некоторые защитники потерпевших считают специальные рекомендательные программы для мужчин, арестованных за семейное насилие, мягкой заменой лишению свободы, тогда как некоторые психологи полагают, что такие лица должны находиться на лечении в психиатрическом стационаре. Результаты экспериментального анализа рекомендательных программ могут помочь определить, какой подход является наиболее эффективным и нуждается в поддержке. Практика, основанная на научных исследованиях, частично помогает государству экономить финансовые расходы. Расходы могут быть сокращены, если финансирование будет направлено только на пресечение преступлений и программы, которые демонстрируют свою эффективность в ходе проведения научного исследования.

Это обусловило появление новой волны криминологов, чьи работы посвящены экспериментальному анализу. Недавно исследователи основали отделение «экспериментальной криминологии» в Американском криминологическом обществе; они также издают свой журнал. Более того, законодательные органы — как федеральные, так и штатов — в значительной степени опираются на результаты деятельности научно-исследовательских институтов, занимающихся экспериментальным анализом, с целью определить, какие программы уголовного правосудия нуждаются в государственном финансировании. В резуль-

тате, профессиональные ассоциации полицейских, сотрудников службы пробации, уголовно-исполнительной системы и т.д. при прохождении подготовки руководствуются тем, что именуется практикой, основанной на научных исследованиях, т.е. той деятельностью и программами, эффективность которых подтверждается экспериментальными оценками.

Неудивительно, что популярность практики, основанной на научных исследованиях, нередко сталкивается с неодобрением и возражением. Некоторые криминологи, в частности, бывший президент Американского криминологического общества Роберт Сампсон (2010) не считает экспериментальные оценки «золотым стандартом», и предлагает вместо этого множество научных методов, связанных с решением спорных вопросов.³ Самая большая проблема, с которой сталкивается данное научное исследование, это сложность его проведения. Например, попытки путём случайной выборки определить лиц в различные органы пробации или тюрьмы вызывают возражение как со стороны адвокатов подсудимых, так и со стороны потерпевших. Кроме того, низкая степень подчинения случайному определению в разные группы является проблемой, поскольку правонарушители чаще всего выбывают из группы испытуемых и тем самым срывают эксперимент.

Ещё одна дополнительная проблема заключается в том, что вмешательство полиции, судов, органов пробации или тюрем включает в себя гораздо больше сложностей, чем проведение научного исследования. И очень часто данные, полученные в ходе анализа, используются как окончательный вердикт вмешательству или программе без реального участия или комментария практического работника. Между тем предложенные практическими работниками оценки часто позволяют усовершенствовать программы и противостоять применению практики, основанной на научных исследованиях, в узком смысле.

³ *Sampson, R.* Gold standard myths: Observations on the experimental turn in quantitative criminology // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2010. — № 6. — P. 489—500.

Критическая криминология. Критическая криминология — вторая основная тенденция, обеспокоена вопросами, связанными с социальной справедливостью и социальными преобразованиями. Она включает в себя множество разнообразных перспектив, начиная с феминизма, заканчивая пост-модернизмом, а также множество методов, которые, в свою очередь, содержат коллекцию количественных и качественных данных. Как указывается в одном резюме, «неравное распределение властных полномочий и материальных ресурсов в современных обществах является отправной точкой для всех направлений критической криминологии?».⁴ Другими словами, общим в критической криминологии является то, что решающим, критическим, если не основным источником преступности являются социальные иерархии и порожаемые ими неравенства. Одних попыток простого наблюдения за преступниками явно недостаточно. Необходимо поднимать и решать проблемы неравенства, лежащие в основе преступности.

Самостоятельное подразделение или секция критической криминологии была основана в Американском криминологическом обществе, наряду со своими печатными изданиями — журналами и учебниками. Более того, избранный президент Американского криминологического общества Джоанна Белнап является криминологом-феминистом и членом секции критической криминологии Общества. Примечательно, что критическая криминология существенно противостоит узкому позитивизму, составляющему фундамент практики, основанной на научных исследованиях, т.е. сверхнадежда на данные отдельных результатов, в отрыве от широкого контекста вмешательств и влияний социального неравенства. Как объясняют авторы недавно опубликованного учебника, общим для критических криминологов является то, что они «отвергают карательные подходы, рассма-

тривающие преступность как проявление индивидуальной девиантности».⁵

В действительности, практика, основанная на научных исследованиях, в значительной степени фокусирует внимание на проверке того, как карательные подходы влияют на уменьшение девиантности.

В основе возражений против этой тенденции лежит страх общества перед насилием. Налицо открытое сопротивление общества тому, что может рассматриваться как «либеральный» подход к противодействию преступности. Это сопротивление частично связано с так называемым «индивидуализмом»: не какой-то внешний фактор, а именно преступник — главная причина совершённого им преступления. Такой подход подчас приводит к тому, что государство ограничивает доступ граждан к оружию и отправляет в места лишения свободы больше правонарушителей, а между тем такие социальные проблемы, как бедность, некачественное образование и безработица, которые могут привести к групповому насилию и убийствам, остаются без внимания.

Альтернативы лишению свободы. Третья тенденция в американской криминологии — это разработка альтернатив лишению свободы. Вероятно, самая большая проблема, с которой сталкивается система уголовного правосудия в США, это возрастающее количество заключённых и связанные с их содержанием расходы. В настоящее время в США около 2 млн. лиц отбывают наказание в местах лишения свободы, менее 10 % из них составляют женщины. Это — самое большое в мире число заключённых и самый высокий уровень тюремного заключения. Напомним, что в США из 100 000 человек 716 заключённых, в России — 502. Начиная с 70-х годов XX в. число заключённых в США увеличилось на 700 %. Ежегодно около 700 000 человек освобождаются из тюрьмы, и столько же, или даже больше становятся заключёнными. Более одной трети освобождённых возвращаются в тюрьму в

⁴ *Fredrichs, D.* Critical criminology. In J. Miller (Ed.) // 21st century criminology: A reference handbook. — 2009. — P. 210.

⁵ *DeKeseredy, W. & Dragiewicz, M.* Critical criminology: Past, present, and future. In W. DeKeseredy & M. Dragiewicz (Eds.) // Handbook of critical criminology. — 2012. — New York: Routledge. — P. 3.

течение трёх лет. Увеличение числа заключённых и расходы на их содержание связаны с рядом правовых и иных проблем. В ответ на призыв общества «решительно взяться за преступность», в 90-х годах XX в. законы штатов установили обязательное наказание в виде лишения свободы за наркопреступления и преступления, связанные с незаконным применением оружия. Результатом проведения такой политики стало увеличение числа лиц, оказавшихся за решёткой, и более длительные сроки тюремного заключения.

Расходы на тюрьмы вряд ли являются разумными на фоне сокращения федерального бюджета и бюджета штатов. Поэтому штаты предлагают множество способов сократить число заключённых и одновременно обеспечить безопасность общества. Некоторые штаты смягчают наказание, в других штатах практикуется досрочное освобождение заключённых. Самым универсальным решением данной проблемы является разработка программ по реабилитации в тюрьме, т.е. специальная тюремная подготовка заключённых к освобождению, целью которой является снижение высокого уровня рецидива преступлений, совершаемых лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Суть другой новации состоит в том, чтобы расширить так называемые «коррективы общества». В настоящее время в США разрабатывается большое количество программ по контролю, содержанию и обращению с правонарушителями вне тюрьмы. Примером тому может служить появление так называемых «наркосудов», которые выносят решения, в соответствии с которыми преступники, совершившие преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, проходят курс лечения от наркозависимости, вместо лишения свободы. К числу других альтернатив относятся: учреждение судов для душевнобольных; наблюдение со стороны органов пробации за лицами, способными совершить насильственные преступления; так называемые «частичные тюрьмы», позволяющие осуждённым в дневное время оставаться на свободе.

Всё это открыло новое научное пространство для криминологов. Нынешнее

направление исследования включает в себя изучение эффективности применения альтернатив лишению свободы, и это является более сложным, чем экспериментальный анализ, проводимый в рамках практики, основанной на научных исследованиях. Налицо также повышенный интерес к тем личностным особенностям правонарушителей, которые, по всей вероятности, успешно выполняют или, наоборот, «провалят» такие программы. Это обусловило выработку средств по оценке степени риска, направленных на выявление правонарушителей, наиболее подходящих для участия в альтернативных программах. Важной проблемой здесь является обеспечение общественной безопасности в такой мере, чтобы общество поддерживало программы, нацеленные на исправление преступников именно в обществе, а не в тюрьме. Народное образование и относящиеся к делу проверки дополняют попытки найти альтернативы лишению свободы.

Интеграционный подход? На первый взгляд кажется, что вышеуказанные тенденции идут в разные стороны, на самом же деле они дополняют друг друга. Только сочетание этих тенденций может дать более полную картину разработанных программных вмешательств и рекомендаций.⁶

В своей книге «Будущее программ для мужчин, наносивших побои своим жёнам: переоценка практики, основанной на научных исследованиях»,⁷ автором этих строк была предпринята попытка соединить элементы всех направлений в единое целое, с целью проанализировать и разработать программы вмешательства для мужчин, арестованных за насилие в семье.

Эти разработанные обществом, а не государством программы предлагают еженедельные групповые совещания вместо

⁶ Вопрос о психологических программах в связи с условным освобождением от уголовной ответственности, условным осуждением и условно-досрочным освобождением от наказания применительно к России был поставлен: *Шестаков Д.А.* Семейная психотерапия и предупреждение преступности (к вопросу о групповом уровне криминологической профилактики) // Вестник ЛГУ. — 1989. — № 6. — С. 56–61.

⁷ *Gondolf, E.* The future of batterer programs: Reassessing evidence-based practice. — 2012. — Boston: Northeastern University Press.

лишения свободы. Таким образом, эти программы представляют собой альтернативу дорогостоящим и переполненным тюрьмам. Однако защитники потерпевших правомерно обеспокоены тем, насколько эффективно такие программы препятствуют применению насилия в отношении женщин. Как судьи, так и законодатели также неохотно отсылают правонарушителей к таким программам, не имея доказательств того, что программы эффективно срабатывают.

Пять экспериментальных оценок, предусмотренных программами для мужчин, наносивших побои своим жёнам, не дали результата в части, касающейся уменьшения рецидива преступлений. Однако более детальное изучение этих оценок обнаруживает разнообразные проблемы, требующие решения, о которых упоминалось и ранее. С одной стороны, более сложное статистическое моделирование в двух мультицентровых исследованиях показывает, по меньшей мере, средний результат после прохождения испытуемыми программ для мужчин, наносивших побои своим жёнам.

Эти исследования с неэкспериментальными образцами позволили избежать проблем, связанных с их внедрением, в частности, надзор суда за выполнением правонарушителями условий программы и направление их на дополнительное психологическое лечение или лечение от алкоголизма. В ходе проведения исследований стала очевидной также необходи-

мость оценки постоянного риска и умения справляться с риском.

Наконец, критические криминологи рассматривают семейное насилие, по крайней мере, как вопрос социальной справедливости. Диспропорциональное насилие в отношении женщин, по их мнению, это проявление неравного социального статуса женщины.

Не являясь самодостаточными, программы для мужчин, наносивших побои своим жёнам, могут всё же помочь при решении проблем, связанных с социальной несправедливостью и дисбалансом полномочий, отражающихся в семейном насилии. Эти программы также дают сигнал обществу о последствиях семейного насилия, и о том, что обидчики могут и должны изменить своё поведение. Эти программы способствуют изменениям как в системе уголовного правосудия, так и в отношении общества к насилию. Эти программы — ещё один шаг к тем социальным преобразованиям, которые предлагает критическая криминология.

Таким образом, на приведённом примере можно увидеть как элементы практики, основанной на научных исследованиях, так и элементы критической криминологии, способствующие поиску остро необходимых альтернатив лишению свободы.

Вышеописанные основные тенденции могут, в конечном счёте, обогатить концепции и научные исследования в области криминологии в целом, или, по крайней мере, некоторые их аспекты.

2. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.В. Лунеев**

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА (часть II)

Выжимка: Основные проблемы в российском уголовно-правовом законодательстве связаны с тем, что оно осуществляется заинтересованными чиновниками и их подручными в собственных интересах на основе возможной выгоды, логических умозаключений и демагогических рассуждений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ; законодательство; конфискация.

V. V. Lunev

THE PROBLEMS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAWMAKING (part II)

Summary: The main problems in the Russian criminal lawmaking are due to the fact that it is carried out by officials concerned and their assistants in their own interests and on the basis of possible benefit, logical reasoning and demagogic arguments.

Key words: the Criminal Code; lawmaking; confiscation.

Реакция властей. Для руководства страны криминализация общества (если она не касается подрыва власти в виде придуманного политизированного экстремизма), судя по всему, не является особо важной проблемой. Властными лицами было высказано много громких модернизационных планов и предложений. Но для обеспечения неотъемлемых прав человека, которые безнаказанно и массово попираются преступностью, практически ничего не предпринимается. Экономические, политические, социальные и физические последствия преступности в условиях проводимой модернизации не учитываются, видна лишь словесная борьба с коррупцией. Более того, в сфере противодействия

преступности нередко принимались ещё и порочные законы.

Под ширмой демократизации и гуманизации из УК РФ была исключена известная с древнегреческих времен и действующая во всех странах мира и международных документах эффективная мера против жулья — *конфискация имущества*. После трёхлетней борьбы юридической общественности во главе с академиком В.Н. Кудрявцевым за восстановление института конфискации, она была внесена в УК РФ, но в порочном виде. За совершение бытовых преступлений конфискация возможна, а за совершение многочисленных экономических преступлений и деяний против собственности, которые причиняют огромный материальный ущерб, нет. Введение крупных юридически трудно обоснованных штрафов проблему конфискации не решает.

Россия подписала ооновскую и европейскую конвенции против коррупции (1999 и 2003 гг.) и ратифицировала их,

* **Виктор Васильевич Лунеев** — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук, лауреат Государственной премии РФ (Москва, Россия). E-mail: luneevvv@yandex.ru

© В.В. Лунеев, 2013

но не имплементировала важнейшие их нормы, хотя по Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы страны. Очень действенная норма о «незаконном обогащении», которая применяется во всех цивилизованных странах, у нас не криминализована. И только в декабре 2011 г. после массовых выступлений граждан, власти заявили о её имплементации. Но это только слова, т.к. власть не допустит собственный самограбёж.

Автор ещё в 1999 г. до принятия названных конвенций полагал, что в условиях рыночной экономики, свободной торговли коррупция не сводится к примитивным видам взяточничества (пакета с деньгами) и элементарных злоупотреблений. Поэтому в УК РФ необходимо предусмотреть многие формы и виды социально опасной и реальной коррупции. А именно:

- 1) коррупционный лоббизм; 2) коррупционный фаворитизм; 3) коррупционный протекционизм; 4) nepотизм (кумовство, покровительство родственникам); 5) тайные взносы на политические цели; 6) взносы на выборы с последующей расплатой государственными должностями или лоббированием интересов взносодателя; 7) келейные приватизация, акционирование и залоговые аукционы; 8) незаконное предоставление налоговых и таможенных льгот; 9) переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов подкормленных банков и корпораций; 10) коррупция за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов; 11) совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью (эту деятельность совмещал даже Президент РФ в Газпроме, фактически руководя им и не бесплатно);¹ 12) незаконное обогащение и т.д.

¹ Ещё в п. 2 Указа Президента РФ от 4 апреля 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» и ст. 11 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» государственным служащим запрещено заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме научной, преподавательской и творческой, а также лично или через доверенных лиц заниматься предпринимательской деятельностью, участвовать в управлении акционерными обществами и т.д. Од-

Все эти формы властьразрушающей коррупции у нас всегда широко были распространены.² Но власти научные выводы никогда не принимали во внимание. Сейчас народ заставил прислушаться. Мне пришлось изучать этот вопрос в Италии: «Конфискация у мафии в социальных целях». Там конфискации три вида: гражданско-правовая, административная и уголовно-правовая.

У нас более 20 лет народ кричит о коррупции и около 5 лет власти периодически говорят о противодействии ей, но за это время не криминализовано ни одного реально существующего и широко распространённого коррупционного деяния. Коррупция не уменьшилась, а увеличилась, не только количественно, но и качественно. И лишь в последние дни работы Госдумы РФ в 2011 г. под массовым давлением народа были приняты законы о контроле за доходами и расходами чиновников и их возможной «свойской» служебной ответственности. Хотя подобные подзаконные акты принимались и раньше. Но реальных изменений не было. Известен факт, когда

нако тут же был издан Указ Президента РФ от 16 ноября 1992 г. «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий», в котором дан список 10 важнейших отраслей промышленности, где разрешается поручать на контрактной основе представлять интересы государства в совете директоров должностным лицам органов государственной власти за соответствующее вознаграждение. В связи с этим в совет директоров различных компаний вошли заместители министров, начальники главных управлений, главные специалисты министерств и ведомств и т.д. Во всех акционерных обществах, образованных с участием государства, его в 93 % представляют госслужащие. К примеру, в Миноборонпроме из 389 представителей государства 333 работали в самом министерстве, занимая посты от главного специалиста до заместителя министра. Сращивание государственных служащих с предпринимательством в цивилизованных странах расценивается как прямая коррупция. Такое сращивание запрещает и российское законодательство, но на вершинах власти соответствующие нормы бездействуют. Недавно были приняты законы об отзыве должностных лиц из Советов компаний, но реальных сдвигов как не было, так и нет.

² Лунев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 9-10.09.1999). — М., 2001. — С. 17–38.

40 тыс. чиновников страны в начале 2011 г. представили ложные декларации о своём имуществе, доходах и расходах, но никаких серьёзных мер к этим чиновникам, особенно федерального значения, судя по сообщениям СМИ, принято не было. И эта практика остаётся.

Последний огромный ФЗ «О совершенствовании государственного управления в области противодействия коррупции»³ вместо выработки единых общих норм ответственности для всех чиновников, внёс изменения в 24 закона по различным сферам деятельности, но со специфическими установлениями и исключениями. Для чего? Законы должны быть общими для всех, чёткими, краткими и понятными.

Весь мир борется с *организованной преступностью*. В стране с трудом были криминализованы многие организованные преступления. В МВД РФ в муках было создано Главное управление по борьбе с организованной преступностью, налажена информационная, разведывательная и оперативная работа. Но неведомо по каким причинам (некоторые полагают, что по причине проникновения оперативных работников в высшие структуры власти) было принято решение о расформировании этого важнейшего управления, разгоне квалифицированных кадров, вследствие чего секретная информация об организованной преступности, собираемая годами, попала в руки тех же преступников.

В УК РСФСР и даже в прежних кодексах было уголовное наказание — *исправительные работы без лишения свободы*. Осуждённые отбывали его по месту своей работы, либо в иных местах, определяемых соответствующими органами. Этот вид наказания был и гуманным и действенным. В УК РФ 1996 г. исправительные работы сохранили, но лишь для осуждённых, не имеющих (?) основного места работы. А никакой организации мест работы для этих осуждённых организовано не было. Этот вид наказания бездействовал.

С целью снижения уровня преступности и числа заключённых идёт *перевод многих деяний в административные пра-*

вонарушения. В принципе, такой подход возможен и необходим, но некоторые смелые и недостаточно обоснованные предложения по массовой декриминализации распространённых предпринимательских и других преступлений в значительной мере сомнительны. Никто не изучал высокий реальный уровень экономических и иных декриминализуемых деяний, их огромную латентность и особенно недостаточную развитость административной ответственности. Никто не рассчитывал и не прогнозировал возможные негативные последствия. Хотя известно, что административной юрисдикцией в нашей стране обладают более 100 различных органов, в каждом из которых сотни должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях. Эти должностные лица, кроме судей и полицейских, как правило, не имеют юридического образования. Многие составы административных правонарушений формальны, без указания каких либо материальных признаков. Поэтому при реализации административной юрисдикции доминируют *дискреционное поведение должностного лица, объективное вменение, коррупционные сделки, правовая и социальная несправедливость*.

Латентность административных правонарушений по некоторым оценкам составляет около 80—90 % от реальной правонарушаемости. В этой сфере одновременно доминируют и безнаказанность и наказание ни за что. Перевод распространённых преступлений в КоАП РФ возможен лишь при его существенном усовершенствовании, организации административной юстиции и административной судебной системы. А этого пока нет, и не предвидится.

Краткий анализ некоторых вновь принятых законов. Для противодействия преступности был принят большой ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ», которым в УК РФ дополнительно внесено, как было уже сказано, 512 изменений и дополнений. Среди них законопроект об уголовной ответственности за создание фирм-«однодневок». В УК была статья 173 о лжепредпринимательстве, которое

³ Российская газета. — 2011. — 26 ноября. — С. 6, 7, 10.

по сути своей включало в себя такое деяние, как создание фирм-«однодневок». Но Дума без достаточных на то оснований в 2010 г. исключила из УК эту статью, хотя в России ежегодно регистрируется до тысячи фирм-«однодневок» в целях уклонения от уплаты налогов при совершении крупных разовых или нескольких незаконных транзакций, а затем самоликвидации. Их оборот достигает 120—150 млрд. долларов ежегодно.⁴ Но криминализация фирм-«однодневок» — это поверхностное решение. Проблема глубже — в неоправданной налоговой системе и в издевательствах чиновников.

Другой «новеллой» нового закона было введение нового вида наказания — *принудительных работ*. Отбывать такие наказания предполагается в специально созданных исправительных центрах. Они могут напоминать прежние спецкомендатуры, которые существовали в советское время. Но их пока нет, хотя закон вступил в силу с 1 января 2013 г. Обсуждается вопрос о создании таких центров при крупных стройках. В таком случае, подобные спецпоселки осуждённых могут стать мобильными: закончилась стройка, центр может перебазироваться в другое место. Из зарплаты осуждённого будет высчитываться от 5 до 20 %. Всё это напоминает направление осуждённого на «химию» или лесоповал в советское время. Такие принудительные работы могут также стать альтернативой условно-досрочному освобождению, что и вовсе делает их похожими на прежний режим, озабоченный дармовой и мобильной рабочей силой на стройках.

Если исторически проанализировать новации в уголовных кодексах за последнее столетие, то самые частые и большие изменения были совершены, к сожалению, не в целях контроля опасных деяний или снижения криминогенности в стране. Таким образом осуществлялась борьба с преступлениями «по хвостам». Все эти изменения — результат «умных голов», а не глубоких аналитических и прогностических исследований. Однако эти государственные метания на изобретениях новых

видов наказания желаемых результатов не приносили. Ныне у нас существуют колонии-поселения. Практика отбывания данного вида наказания непостижима. У тех сидельцев, у которых есть деньги, их пребывание в этих колониях может стать лучшими годами жизни, они даже могут ездить за границу.⁵

Следующая «новелла» *«штрафная политика»*, введение *денежных наказаний*, что не практиковалось в СССР. Тогда считалось, что «денежный» человек откупится, а бедный — пойдёт в тюрьму, недопустимым, так как нарушался последний оплот революционного лозунга — «равенство». Во всех странах, в том числе и в современной капиталистической России, нет экономического и социального равенства. Идеология обманно держится лишь на равенстве правовом. Сейчас нет и этого. Вначале был клич: «Не надо кошмарить предпринимателей». Кошмарить вообще никого не надо. Но предприниматели были выделены в особый класс или в особое сословие. Сейчас предприниматель может совершить преступление и избавиться от тюрьмы полностью, возместив причинённый ущерб и выплатив штраф. Предпринимателю, «ворочающему» незаконными миллиардами, это мелочь.

Таким образом, реально и подспудно вводится в действие известная поговорка: «Если ты украл булку хлеба, пойдешь в тюрьму, а если железную дорогу, станешь сенатором». И таких примеров множество. Например, бывший замминистра финансов А.П. Вавилов обвинялся во многомиллионных злоупотреблениях. Возбуждались и возобновлялись уголовные дела, но сетевая организованная преступность во властных структурах глушила их. Он стал недосыгаемым, когда «оказался» членом Совета Федерации (сенатором). До этого Совета не мог достучаться даже могущественный Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин.⁶ Вавилов числился в России сенатором, а жил в США, скупая дома в Великобритании. Когда истёк срок давности привлечения

⁴ Российская газета. — 2009. — 18 марта.

⁵ Снегирёв Ю. «Кому на Руси сидеть хорошо» // Российская газета. — 2011. — 20 октября.

⁶ Российская газета. — 2009. — 10 сентября.

его к уголовной ответственности, он покинул уже ненужный ему Совет Федерации.

Идея *сословного* покровительства предпринимателей, на которых власти пытались опираться до выборов, развивается дальше: «не надо арестовывать до суда предпринимателей, надо отпускать их под залог». Это гуманно. Но по закону мера пресечения избирается при наличии определённых процессуально-правовых оснований, а не по статусу субъекта. Создаётся объективное впечатление о формировании «нового» господствующего класса.⁷ Правда, есть здесь и криминогенные особенности. Преступления пред-

⁷ Убедительным примером опасной властной стратегии существенного расслоения общества на высший и низший классы может служить выступление Г.О. Грефа в Санкт-Петербурге на сессии Сбербанка, где искался выход из управленческого тупика. Его речь транслировалась в прямом эфире телеканала «Россия 24». Он сказал: «Вы говорите страшные вещи: вы полагаете фактически передать власть в руки населения... Если каждый человек сможет участвовать в управлении — что же мы науправляем?!». Это означало, что в России наступил исторический конец игры в демократию. «Деление общества на страты осуществляется, исходя из неравенства социальных дистанций между ними — основное свойство стратификации... В социальной стратификации устанавливается определённая социальная дистанция между людьми... и фиксируется неравный доступ членов общества к тем или иным социально значимым дефицитным ресурсам путём установления на границах, разделяющих их, социальных фильтров». «Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию — получать её не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ»?... Это не слова простого российского чиновника, это «крик души» самой власти. Отзывы страшные. «Со слов Грефа — мы все быдло. Демократическая власть не для народа». «Всё это похоже на фашизм и геноцид». «Конституция — не для нас». «Нами правят не дураки и воры, а сумасшедшие, обладающие абсолютной властью» («Грефу вкололи сыворотку правды»: народ России узнал ход мысли власти». URL: <http://www.immigrant-press.ru/2012/06/grefu-vkololi-syivorotku-pravdyi-narod-rossii-uznal-hod-myisli-vlasti/> (дата обращения: 01.03.2013)). Известный банкир Геращенко назвал речь Грефа преступной, что его за это надо гнать с работы. (В. Геращенко «Резервный фонд — дырка в экономике» // Московские новости. — 2012. — 29 сентября). Но Греф продолжает процветать. Он приватизировал 7 % акций Сбербанка, но ни одной акции народного банка не получили люди из народа.

принимателей «кроются» в основном в документах. Квалифицированному предпринимателю с деньгами, оставленному на свободе, нетрудно замести свои следы, уничтожить изобличающие документы, «найти свидетелей» или скрыться за рубежом. Там ныне скрываются от уголовной ответственности около 300 тысяч преступников, главным образом предпринимателей, которые вывели свои капиталы из страны. А есть сведения и о миллионах беглецов. К уголовной ответственности привлекаются не более 5 % экономических преступников. Это, конечно, не значит, что в отношении предпринимателей должен избираться только арест в качестве меры пресечения. Арест возможен лишь тех, в отношении которых есть законные объективные основания. Но то, уже не скрываемое снисходительное отношение властей к предпринимательским экономическим преступникам, в целях создания среди них политической и экономической опоры путём либерального отношения к их разрушительной деятельности и выделения их в качестве ведущего класса или социального слоя, является особо криминогенной экономически разлагающей и праворазрушительной тенденцией на далёкое будущее.

Следующая новелла — *домашний арест* подозреваемого или обвиняемого, избираемый в качестве меры пресечения на срок до 2 месяцев с серьёзными ограничениями и контролем. Контроль за соблюдением наложенных судом запретов должен осуществляется федеральным органом исполнительной власти (тюремным ведомством), который может использовать и электронные браслеты, и аудиовизуальные устройства, и видеокамеры и т.д. Но необходимых средств контроля и детального правового и организационного обеспечения практически нет. Нельзя исключить того, что некоторые новеллы из-за недостатка средств, возможностей или нашей незаконопослушности чиновничества могут остаться, как и в прошлые времена, не реализованными до «греческих календ».

Существуют и другие не обоснованные прожекты и трудности в реализации программы модернизации: экономические (идуший экономический и банковский

кризисы), политические (разрыв между обществом и элитой, уличная демократия), глобализационные (лишние люди для развитых экономик), демографические и иные, которые косвенно связаны с противодействием преступности. Особое внимание должен занимать системный анализ международных отношений и их направленность на подрыв, разрушение России.

Итак, при реализации стратегического проекта совершенствования законотворческой работы в нашей стране крайне необходимо:

1. Предельно объективировать регистрацию, тенденции и закономерности преступности и других правонарушений и их научного прогноза в стране и её отдельных регионах путём создания независимого аналитико-прогностического (мозгового) центра, обслуживающего законодательную и исполнительную власти.

2. Установить в стране профессиональный криминологический и уголовно-

правовой контроль преступности вообще и её коррупционно-экономической составляющей в частности.

3. Непрерывно и последовательно изучать причины преступности и иные криминологически значимые обстоятельства в целях их упреждающей и целенаправленной минимизации или возможной элиминации, памятуя, что главные причины преступности связаны с различными формами социального, экономического и правового неравенства; с социальной, экономической и правовой несправедливостью.

4. Разработку уголовной политики, уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства осуществлять независимыми высококвалифицированными научными (мозговыми) центрами на основе системного изучения и прогнозирования криминологических реалий. Вся эта работа должна осуществляться открыто, а её основные позитивные и негативные результаты должны быть доступны народу.

УДК 343.9
ББК 67.51

*П.И. Сащeko**

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Выжимка: Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов (их проектов) в настоящее время является одним из значимых направлений предупреждения коррупционных преступлений.

Ключевые слова: криминологическая экспертиза нормативных правовых актов, методика проведения криминологической экспертизы, конфликт интересов, коррупция, криминологическое законодательство.

P.I. Sashchenko

ON IMPROVING THE METHODS OF CRIMINOLOGICAL EXPERTISE OF LEGAL ACTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary: Criminological expertise of legal acts (their drafts) is currently one of the most significant courses of the corruption prevention.

Key words: criminological expertise of legal acts; methods of criminological expertise; conflict of interests; corruption; criminological legislation.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 года № 165-З «О борьбе с коррупцией» (с изменениями, внесёнными Законом Республики Беларусь от 22.12.2011 года № 332-З) в систему мер борьбы с коррупцией входит проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов Республики Беларусь, а также ранее принятых (изданных) правовых актов Республики Беларусь. Указом Президента Республики Беларусь от 29.05.2007 № 244 «О криминологической экспертизе» было определено, что криминологическая экспертиза проводится Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, а также было утверждено

Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов (далее — Положение), действующее в настоящее время в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 06.06.2011 № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы». Методика проведения криминологической экспертизы (далее — Методика) утверждена приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 13.12.2011 года № 46.

Согласно Положению криминологическая экспертиза — это исследование содержания проекта правового акта (правового акта) в целях выявления в нём норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (возникновение рисков криминогенного характера). В Методике дано следующее определение риска криминогенного характера: «Риски криминогенного характера — деструктивные факторы правового свойства, заключённые в нормах права и обусловленные их социальной неадаптивностью, противоречивостью, неопределённостью, вслед-

* Павел Иванович Сащeko — кандидат юридических наук, начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь). E-mail: grtbnpc@gmail.com

© П.И. Сащeko, 2013

ствие чего в процессе их реализации (соблюдения, исполнения, использования и применения) создаются объективные предпосылки (условия) и мотивация допустимого или возможного отклонения от правомерного поведения независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно-наказуемым деянием». В Методике также приводятся примеры возможных рисков криминогенного характера, такие как бессистемность и противоречивость методов и форм правового регулирования, неопределённость объектно-предметного и субъектного составов правовых отношений, условий и оснований возникновения, изменения и прекращения отношений и др.

В настоящее время происходит активное формирование криминологического законодательства. Структура такого законодательства определена Д.А. Шестаковым, который выделяет следующие криминологические нормы: о стратегии противодействия преступности, мерах криминологической безопасности, криминологической экспертизе, противодействии конкретным видам преступности, а также нормы, имеющие виктимологическую направленность.¹ Указанная Методика относится к криминологическому законодательству и во многом определяет эффективность противодействия преступности и коррупционным проявлениям.

Вместе с тем, обращает на себя внимание неоднозначное использование некоторых терминов, встречающихся в указанной Методике, что может сказаться на качестве её проведения. В первую очередь это замечание может быть сделано в отношении понятия «конфликт (коллизия) интересов». Так, в соответствии с п. 9 Методики неопределённость и разбалансированность интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей отнесена к рискам криминогенного характера, обусловленным социальной неадаптированностью, неоднозначностью норм проекта правового акта, неполнотой правового регулирования. Далее в п. 10 Методики

наличие правовых предпосылок для формирования коллизий правовых интересов у субъектов правовых отношений, а также наличие взаимоисключающих (взаимопроверочных) норм, способных вызвать конфликт правоохраняемых интересов субъектов правовых отношений, указаны в качестве недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера, связанных с бессистемностью и противоречивостью методов и форм правового регулирования. Согласно п. 12 Методики нарушение баланса законных интересов субъектов правовых отношений отнесено к недостаткам, способствующим возникновению рисков криминогенного характера, связанным с неопределённостью и разбалансированностью интересов субъектов правовых отношений, их прав и обязанностей, а также порядка их реализации и исполнения.

Таким образом, Методика оперирует такими понятиями как «неопределённость и разбалансированность интересов», «коллизия правовых интересов», «конфликт правоохраняемых интересов», «нарушение баланса законных интересов».

Множественность терминов, относящихся к конфликтам (коллизиям) интересов, неопределённость их содержания в Методике приводит к проблеме идентификации и смешению различных по содержанию рисков криминогенного характера.

Обращают на себя внимание и некоторые иные недостатки, связанные с использованием вышеуказанных понятий. Так, не вполне ясно из Методики, почему к рискам криминогенного характера отнесено наличие правовых предпосылок для формирования коллизий только лишь правовых интересов у субъектов правовых отношений. Не понятно, почему в Методике говорится о конфликте правоохраняемых интересов, но ничего не сказано о конфликте правомерного интереса с преступным. Обращает на себя внимание, что в Методике речь идёт о нарушении баланса законных интересов субъектов правовых отношений, т.е. о коллизиях интересов разных субъектов, но не о конфликте правомерного и противоправного интересов одного субъекта. Не раскрывается, что следует понимать под неопределённостью интересов субъектов

¹ Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. — С. 62—63.

правовых отношений либо под их разбалансированностью. Следует отметить, что последний риск по сути таковым не является, т.к. интересы субъектов правовых отношений могут быть различны, в том числе прямо противоположны. Нормативный правовой акт призван в таких случаях закрепить основания и процедуру урегулирования возникающих споров.

Однако наиболее существенным недостатком данной Методики является то, что указанные в ней криминогенные риски, связанные с недостатками правового регулирования, которые могут привести к конфликту интересов, не соотносятся с термином «конфликт интересов» в понимании Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Согласно указанному Закону под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личные интересы государственного должностного лица, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудовых) обязанностей при принятии им решения или участии в принятии решения либо совершении других действий по службе (работе).

В международных документах дано схожее понятие конфликта интересов. В статье 13 Модельного кодекса поведения публичных должностных лиц, принятом Комитетом министров Совета Европы 11 мая 2000 г. (Рекомендация No R (2000) 10), отмечается, что конфликт интересов проистекает из ситуации, когда публичное должностное лицо имеет частный интерес, который влияет или может повлиять на беспристрастное и объективное выполнение служебных обязанностей. Согласно Модельному кодексу частный интерес включает любое преимущество для себя, семьи, близких родственников, друзей, а также лиц или организаций, с которыми должностное лицо имеет деловые или политические отношения.²

Очевидно, что расхождение понятия «конфликт интересов» в международных

документах о борьбе с коррупцией, Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», с одной стороны, и в Методике — с другой, является существенным недостатком Методики. Ведь конфликт интересов в понимании Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» представляет собой ни что иное, как борьбу социально-одобряемых мотивов и мотивов, связанных с корыстной или иной личной заинтересованностью. Последняя группа мотивов является признаком преступлений, предусмотренных ст. 424 УК Республики Беларусь (злоупотребление властью или служебными полномочиями), ст. 425 УК Республики Беларусь (бездействие должностного лица), ст. 430 УК Республики Беларусь (получение взятки) и др. Требования о криминализации указанных коррупционных деяний закреплены, например, в главе III Конвенции ООН против коррупции и главе II Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173). Соответственно наличие в нормативном правовом акте положений, которые могут вызвать конфликт интересов либо разрешение его посредством совершения противоправных действий, означает возможность формирования преступной (коррупционной) мотивации.

Согласно п. 4 ст. 7 (публичный сектор) Конвенции ООН против коррупции каждое государство-участник стремится в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства создавать, поддерживать и укреплять такие системы, какие способствуют прозрачности и предупреждают возникновение коллизии интересов. В п. 2 ст. 12 (частный сектор) данной Конвенции содержится аналогичное требование по предупреждению коллизии интересов в частном секторе. Выявление в ходе криминологической экспертизы рисков криминогенного характера, которые могут повлечь возникновение конфликтов (коллизий) интересов, является одним из способов выполнения указанных обязательств.

Учитывая изложенное, одной из важных задач криминологической экспертизы должно стать установление недостатков правовых норм, которые могут вызывать

² Model code of conduct for public officials. URL: [http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco/documents/Rec.\(2000\)10_EN.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco/documents/Rec.(2000)10_EN.pdf) (дата обращения: 19.04.2013).

конфликт интересов, что следует надлежащим образом отразить в Методике. Как отмечает Д.А. Шестаков, можно очертить круг наиболее общих вопросов, на которые должна отвечать криминологическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: 1) Не является ли юридическая норма «мёртвой», т.е. такой, которая неисполнима значительной частью населения? В частности, вследствие того, что её нарушение является правилом для большого числа людей. 2) Не является ли норма криминогенной, т.е. не способствует ли она совершению преступлений? 3) Не является ли норма преступной? Не противоречит ли она, в частности, международному уголовному праву, а также естественному праву?³ Он также предлагает определение криминогенного закона, т.е. закона, положения которого способствуют совершению преступлений (когда закон или его часть становятся частью причинного комплекса воспроизводства преступлений).⁴ Недостатки законодательства, способные привести к конфликту интересов, равно как и отсутствие в нормативном правовом акте или связанных с ним правовых актах положений, направленных на предотвращение конфликта интересов, либо свидетельствуют о наличии в нормативном правовом акте криминогенных норм, либо превращают нормативный правовой акт в криминогенный. В этой связи выявление таких недостатков должно охватываться предметом криминологической экспертизы нормативных правовых актов.

При этом представляется, что недостатки правовых норм, которые могут вызвать конфликт интересов, могут быть выделены в самостоятельную группу рисков криминогенного характера. В рамках данной группы указанные риски можно разделить на три вида в зависимости от того, относятся ли они к недостаткам правового регулирования, влекущим возникновение конфликта интересов (нормам, не учитывающим возможность возникновения корыстной или личной заинтересованности при принятии решений), к предупреждению и разрешению конфликтов интере-

сов (нормам, регулирующим правомерное поведение субъектов), либо к выявлению конфликтов интересов и применению мер ответственности (нормам, регулирующим ответственность и иные вопросы, связанные с противоправным поведением субъектов).

Первый вид рисков криминогенного характера может быть связан с наличием в нормативном правовом акте либо в нормативных правовых актах, взаимосвязанных с ним, положений, создающих возможность должностному лицу отступить от принципа объективности и беспристрастности при принятии решений и извлечь из принятия решения (совершения иных действий по службе) выгоду имущественного или неимущественного характера для себя, семьи, близких родственников, друзей, а также лиц или организаций, с которыми должностное лицо поддерживало, поддерживает или намеревается поддерживать личные, деловые или политические отношения. Например, такие риски возникают, когда нормативным правовым актом государственное должностное лицо наделяется правом участвовать в управлении коммерческими организациями, либо должностному лицу не запрещается принимать подарки, комиссионное или иное подобное вознаграждение от организаций, в отношении которых он принимает решения, и т.п.

Второй вид рисков криминогенного характера должен охватывать ситуации отсутствия в нормативном правовом акте либо в нормативных правовых актах, взаимосвязанных с ним, положений, направленных на предупреждение конфликта интересов и справедливое разрешение возникших конфликтов. Например, рисками криминогенного характера являются отсутствие в нормативном правовом акте понятных критериев отнесения ситуаций к конфликту интересов, а также отсутствие следующих положений: об обязанности должностного лица избегать ситуаций конфликта интересов и уведомлять компетентный орган о возникновении таких ситуаций; о процедуре отвода и самоотвода при принятии решений должностными лицами; об обеспечении объективности и беспристрастности должностных лиц, раз-

³ Шестаков Д.А. Указ. соч. — С. 50.

⁴ Шестаков Д.А. Указ. соч. — С. 46—47.

решающих конфликт интересов; о защите должностных лиц от дискриминации в связи с возникшими в их деятельности помимо их воли ситуациями конфликтов интересов; об основаниях и процедуре обжалования мер по разрешению конфликтов интересов и т.п.

К третьей группе рисков необходимо отнести отсутствие в нормативном правовом акте либо в нормативных правовых актах, взаимосвязанных с ним, положений, направленных на выявление ситуаций конфликта интересов и привлечение к ответственности виновных лиц. К примеру, такими рисками являются: отсутствие в нормативном правовом акте положений, устанавливающих обязанность уполномоченных должностных лиц рассматривать обращения и иные поступающие к ним материалы о конфликтах интересов, возникающих у подчинённых им работников; отсутствие чётких и исчерпывающих оснований и процедуры привлечения к ответственности всех субъектов за невы-

полнение или ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей по выявлению, предупреждению, разрешению конфликтов интересов; отсутствие процедуры обжалования мер ответственности и др.

Таким образом, целесообразно закрепить в Методике в качестве группы рисков криминогенного характера недостатки правового регулирования, которые связаны с возникновением конфликта интересов у должностного лица при принятии решения (совершении иных действий по службе). Это позволит ориентировать экспертов на выявление, наряду с иными факторами, способствующими возникновению коррупционных проявлений, недостатков правовых норм, связанных с неурегулированностью ситуаций конфликта интересов, что прямо предусмотрено международными стандартами в области борьбы с коррупцией. Одновременно следует обеспечить системное и непротиворечивое использование единой и однозначной терминологии в тексте Методики.

УДК 343.9
ББК 67.51

*В.В. Куленков**

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ДОЗНАВАТЕЛЯ ПОЛИЦИИ

Выжимка: Необходимо чёткое разграничение полномочий между различными подразделениями полиции по производству неотложных следственных действий и расследованию уголовного дела в форме дознания.

Ключевые слова: полиция; дознаватель; органы дознания.

V.V. Kulenkov

ON PROCEDURAL POWERS OF INQUIRY OFFICERS

Summary: Clear division of powers between different police units for urgent investigative actions and criminal investigation in the form of inquiry is needed.

Key words: police; inquiry officer; inquiry bodies.

Принятие в 2001 году УПК РФ и проведение за период его действия различных законодательных преобразований, направленных, в том числе, на совершенствование института предварительного расследования, привело к созданию в целом работоспособной модели дознания и предварительного следствия. Вместе с тем, совершенствованию уголовно-процессуального законодательства сопутствовала начатая несколько лет назад реформа Министерства внутренних дел РФ, поставившая некоторое количество проблемных вопросов, не получивших на данный момент своего успешного разрешения.

Значение деятельности органов дознания в период действия УПК РФ существенно возросло. По данным МВД РФ около трёх четвертей зарегистрированных преступлений, совершаемых в России,¹ относятся к категориям небольшой или средней тяжести, а в соответствии с положениями ч. 1 ст. 150 УПК РФ предусмотрен

закрытый перечень преступлений, дела о которых расследуются в форме дознания (этот перечень имеет тенденцию к законодательному расширению: например, новые виды мошенничества, появившиеся в УК РФ осенью 2012 г., по основному составу расследуются в форме дознания); кроме того, на основании письменного указания прокурора в форме дознания может расследоваться любое дело о преступлении небольшой или средней тяжести. При этом остались прежние, и возникли некоторые новые проблемы. Во-первых, в перечень органов дознания, установленный ст. 40 УПК, входят различные подразделения с различными оперативно-служебными задачами, что не позволяет в полном объёме унифицировать производство дознания. Во-вторых, особенности уголовного преследования по делам, расследуемым в форме дознания, предполагают как определённые аналогии с предварительным следствием, так и специфические действия, возможные только при дознании. В-третьих, действующий УПК РФ (как и его предшественник — УПК РСФСР 1960 года) возлагает на должностных лиц органов внутренних дел целый ряд процессуальных полномочий, различных по своей правовой природе. И, наконец, в-четвёртых, Закон о полиции, вступивший в силу 1 марта 2011 года, отказался

* Вячеслав Валерьевич Куленков — адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: strax23_93@mail.ru.

© В.В. Куленков, 2013

¹ Данные с официального сайта МВД РФ. URL: <http://mvd.ru/> (дата обращения 08.06.2013).

от чёткого распределения процессуальных полномочий по расследованию уголовного дела в форме дознания и производству неотложных следственных действий между различными подразделениями органов полиции. Его предшественник — Закон РСФСР «О милиции» 1991 года, выделял в этих целях милицию общественной безопасности и криминальную милицию. Не содержится указания на разграничение соответствующей процессуальной компетенции между различными подразделениями органов дознания и в действующем УПК РФ.

Анализ положений УПК РФ и Федерального закона «О полиции» позволяет сделать вывод о том, что на полицию как на орган дознания возлагаются нижеследующие процессуальные полномочия: 1) производство расследования в форме дознания; 2) выполнение неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно; 3) производство следственных и иных процессуальных действий (задержание, привод и др.) по поручениям следователя, а также оперативно-розыскных мероприятий. При этом согласно п. 7 ст. 5 УПК РФ дознавателем как участником уголовного судопроизводства является «должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». Согласно п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание по делам соответствующей категории производят дознаватели органов внутренних дел, на них же в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ могут быть возложены полномочия по производству неотложных следственных действий. Следовательно, не только на сотрудников полиции, занимающих должности дознавателей в подразделениях дознания, предусмотренных типовыми положениями о территориальных органах и линейных отделах МВД РФ,²

² Типовое положение о территориальном органе МВД России по субъекту РФ, утверждённое Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249; Типовое положение о линейном отделе МВД России на же-

могут быть возложены полномочия по производству дознания, но и на сотрудников других отделов, указанных в тех же положениях: уголовного розыска, оперативных подразделений и др. И наоборот, сотрудники подразделений дознания могут пользоваться полномочиями по производству неотложных следственных действий.

Между тем, производство неотложных следственных действий и расследование уголовного дела в форме дознания — разные по своей правовой природе и значению направления процессуальной деятельности, на что справедливо указывается в научных исследованиях.³ Выполнение неотложных следственных действий, направленных на закрепление следов преступления и установление подозреваемого, представляет собой реализацию розыскной функции. Далее дело через руководителя следственного органа направляется следователю для производства предварительного следствия, то есть подготовки дела для рассмотрения в суде, предполагающей формирование достаточной доказательственной базы обвинения. Данное направление деятельности представляет собой функцию иной правовой природы, которую в научной литературе именуют функцией юстиции.⁴ Аналогичную следователю процессуальную роль играет дознаватель по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно. Поэтому возможность совмещения в руках одного и того же должностного лица органов полиции различных процессуальных функций, пусть и

лезнодорожном, водном и воздушном транспорте, утверждённое приказом МВД РФ от 15 июня 2011 г. № 636; Типовое положение о территориальном органе МВД России на районном уровне, утверждённое приказом МВД России от 21 апреля 2011 г. № 222.

³ См., напр.: *Ковтун А.В.* Дознание в российском уголовном процессе и особенности его производства по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 39; *Эркинов М.Б.* Процессуальный статус дознавателя: дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2008. — С. 6.

⁴ *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. — СПб., 2000. — С. 213, 216; *Шестакова С.Д.* Метод российского уголовно-процессуального права: от инквизиционности к состязательности. — СПб., 2003. — С. 79, 80.

не в рамках одного уголовного дела, во-первых, противоречит состязательным началам уголовного процесса, во-вторых, не может способствовать его эффективности.

В этой связи предпочтительнее вернуться к ранее действующему подходу, предусматривавшему разделение полномочий по производству дознания и неотложных следственных действий между различными полицейскими подразделениями.

В этих целях необходимо внести нижеследующие изменения в действующий УПК РФ.

1) В п. 7 ст. 5 УПК РФ дознавателя определить как «должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания, осуществлять предварительное расследование в форме дознания», исключив его полномочия по производству иных процессуальных действий.

2) Статью 40 УПК РФ дополнить частью 3 следующего содержания: «Осуществление органом дознания иных предусмотренных настоящим Кодексом полномочий включает в себя выполнение неотложных следственных действий в соответствии со ст. 157 настоящего Кодекса, а также поручений следователя о производстве отдельных следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Не допускается возложение указанных полномочий на лиц, в чьи служебные обязанности входит

производство дознания по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно». Действующую часть 3 считать частью 4.

3) Часть 2 ст. 157 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Неотложные следственные действия производят: 1) органы внутренних дел — по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел, указанных в пунктах 2—6 и пункте 8 части второй настоящей статьи, 2) органы федеральной службы безопасности — по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 2 части второй статьи 151 настоящего Кодекса, 3) органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ — по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 5 части второй статьи 151 настоящего Кодекса»⁵ и далее — по тексту пункты 3, 4, 5 и 6 считать соответственно пунктами 4, 5, 6 и 7. Таким образом, производство неотложных следственных действий будет выведено из полномочий дознавателей полиции, но оставлено за другими её подразделениями.

Итак, за счёт трёх предложенных нововведений более чётко будут отделены полномочия собственно дознавателей (как лиц, расследующих уголовные дела) от сотрудников полиции, работающих в оперативно-розыскных подразделениях и иных подразделениях органов дознания, содействующих производству предварительного следствия.

⁵ Дополнение ч. 2 ст. 157 УПК РФ вышеуказанным пунктом третьим напрямую не связано с рассматриваемой тематикой. Однако при разработке усовершенствований данной нормы невозможно было пройти мимо обнаруженной юридико-технической погрешности. Она состоит в том, что в ныне действующем п. 1 ч. 2 ст. 157 УПК РФ категории уголовных дел, по которым неотложные следственные действия производятся органами внутренних дел и органами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, объединены между собой, хотя согласно смыслу и структуре рассматриваемой нормы последние явно напрашиваются к вынесению в отдельный пункт — 3.

Материалы беседы на тему «Закон и совесть» от 1 марта 2013 года

УДК 343.9

ББК 67.51

В.Г. Шарыгин***ЗАКОН И СОВЕСТЬ**

Выжимка: Последние изменения УК РФ противоречат принципам уголовного законодательства, нарушают системность и логику действующего законодательства.

Ключевые слова: право; справедливость; уголовное законодательство.

V.G. Sharygin**LAW AND CONSCIENCE**

Summary: The latest changes in the Criminal Code of the Russian Federation contradict to the principles of the criminal legislation, violate systemacity and logic of the current legislation.

Key words: law; justice; criminal legislation.

Понятие «мораль и право» и их соотношение нам известно уже с первого курса юридического вуза при изучении курса теории государства и права. Однако эти понятия всегда остаются актуальными, тем более в наше время, когда в обществе происходит процесс отступления от традиционных морально-нравственных канонов.

Ещё в конце XIX века известный русский философ В.С. Соловьёв рассматривал право как минимум морали. Справедливость, правда и гуманность были обязательны для судебных решений. В Манифесте от 19 марта 1856 года Императора Александра II прямо сказано: «Правда и милость да царствует в судах». Обратите внимание, что это прозвучало ещё до знаменитой судебной реформы 1864 года. Цитата взята из учебника виднейшего учёного, профессора Н.С. Таганцева «Русское уголовное право», том 2, где на титульном листе им также приведено латинское изречение: «Справедливость без сострадания не справедливость, а жестокость, сострадание без справедливости — не сострадание, а глупость».

* **Виктор Григорьевич Шарыгин** — старший преподаватель Санкт-Петербургского Юридического института, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: admin@lawinst.spb.ru

© В.Г. Шарыгин, 2013

Н.С. Таганцев в своей деятельности придерживался гуманных и демократических взглядов. Как известно, он был не только большим учёным, но и занимал высокие ответственные государственные должности. Достаточно сказать, что он был сенатором, членом Государственного совета. Интересна история взаимоотношений Н.С. Таганцева с семьёй Ульяновых. Она показательна в рамках нашей темы.

Н.С. Таганцев, будучи либералом и высокопрофессиональным юристом, добился оправдания на судебном процессе по обвинению народника Кадьяна А.А., являвшегося личным лекарем семьи Ульяновых. В дальнейшем, не без труда, Таганцев способствовал встрече Марии Александровны Ульяновой с государем Александром III, что было оценено весьма враждебно со стороны коллег-сенаторов. Чем же отплатил ему самый «человечный» Ильич? В период «красного террора» сын Таганцева — Владимир Таганцев — был арестован (16.06.1921) за якобы участие в «Боевой Петроградской организации». Таганцев лично обратился к В.И. Ленину с просьбой облегчения участи сына. С аналогичной просьбой обратилась вдова Кадьяна. Однако, несмотря на то, что чекист Я.С. Агранов являлся близким сотрудником В.И. Ленина, последний и не подумал вмешиваться в это дело. В результате, 24.08.1921 года В. Таганцев вместе с женой

были расстреляны. По этому же делу был расстрелян Н. Гумилёв.

В дальнейшем было установлено, что «Боевой Петроградской организации», в которую якобы входил В. Таганцев и его супруга, не существовало. Эта расправа была сильнейшим моральным ударом для Н.С. Таганцева, что в дальнейшем и явилось причиной его болезни и смерти. Можно ли удивляться такой неблагодарности В.И. Ленина, который был свободен от «миндальничания» и «слюняйства», если партийная касса революционеров в своё время пополнялась и за счёт разбойных акций членов партии? Практически действовал принцип — «цель оправдывает любые средства». Симптоматична в этом смысле позиция одного из руководителей ВЧК М. Лациса, когда он давал указание своим подчинённым: «Первое, что вы должны спросить у арестованного: «К какому классу он принадлежит? Откуда он происходит? Какое воспитание имел? И какова его специальность? Эти вопросы и должны решать его судьбу».

Милость, благородство и честь стали дворянскими предрассудками для нового общественного сознания. Хотя в партийных лозунгах до последнего времени ключевой фразой было: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!». Для многих граждан это было пустой фразой.

Нам известно, что профанацией были заявленные гражданские права в советской Конституции 1936 года, где декларировались, в частности, свобода собраний и демонстраций. Советское государство так и не смогло воспитать гражданина, естественной потребностью которого была свобода совести.

Значительная часть населения фактически жила «по понятиям», а не по закону, и эта доля населения резко увеличилась в постсоветское время. Так, по данным газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 25.05.2002 года «каждый четвёртый взрослый мужчина в нашей стране — бывший заключённый».

Надо сказать, что настоящее обывательское сознание особо не отягощено совестью, да и правосознание и правовая культура находятся на низком уровне. Недобросовестность, безответственность,

некомпетентность — реальность, с которой мы сталкиваемся постоянно.

Говоря о действующем уголовном законодательстве, надо отметить, что оно сделало значительный шаг вперед, приведя свои принципы и положения в соответствие с международными стандартами и положениями Конституции РФ. Оно стало действительно гражданским, гуманным и более того — либеральным. Хотя, на мой взгляд, такие преобразования несколько преждевременны, поскольку они не соответствуют низкому уровню общественного сознания и высокому уровню криминальной обстановки в стране.

Вместе с тем нельзя не отметить приоритет субъективного вменения над объективным. Надо отдать должное профессору Г.М. Миньковскому, который впервые выделил психо-физический фактор, как декриминализирующее обстоятельство — ч. 2 ст. 28 УК РФ. Впервые были продекларированы принципы равенства перед законом, вины, справедливости и гуманизма.

Но все ли нормы УК РФ соответствуют высокой морали и справедливости? К сожалению, во многом, нет. Отдельные нормы не соответствуют декларированным в гипотезе принципам.

Так, принцип равенства граждан перед законом нарушался и нарушается положениями как Общей, так и Особенной частей УК РФ. Например, отсрочка исполнения приговора (ст. 82 УК РФ) до недавнего времени касалась только беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет. Недавно, 22.07.2010 г., было внесено дополнение в ст. 63 УК РФ, где признано отягчающим обстоятельством совершение умышленного преступления сотрудником ОВД, но почему-то это не коснулось работников суда, прокуратуры и других правоохранительных органов. В этом видится определённая политическая компанейщина — борьба с «оборотнями» в погонах. Но такое дополнение противоречит системным принципам уголовного закона.

То же можно сказать о недавнем введении квалифицированных составов в ст. 264 УК РФ, где речь идёт о нарушении Правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, повлекшем криминаль-

ное последствие, водителем, находящимся в состоянии опьянения. Но почему этот квалифицированный состав не введён в ст. 263 УК РФ, где речь идёт о нарушении правил управления и эксплуатации более сложных видов транспорта (железнодорожном, воздушным и водным), последствия которых значительно масштабнее? Получается явное несоответствие тяжести совершённого в этих составах наказанию. Водитель автомобиля, находившийся в состоянии опьянения, по вине которого погибло 2 человека, может быть приговорён к 9 годам лишения свободы, а для капитана морского судна, находившегося в таком же состоянии и по вине которого погибли сотни людей, предусмотрен срок лишения свободы не более 7 лет. Если быть последовательным, то надо было бы установить повышенную ответственность для работников, находящихся в состоянии опьянения, отвечающих за эксплуатацию техногенных производств, приведших к авариям с криминальными последствиями по их вине, а также вышеуказанный квалифицированный состав ввести в ст. 109 УК РФ, 243 УК РФ и другие аналогичные нормы.

Ранее такая же непоследовательность коснулась дополнений в ст. 158 УК РФ, где квалифицированным составом выделена кража из одежды и сумок потерпевшего. Но законодатель забыл ввести это изменение в ст. 161 УК РФ «Грабеж», в результате чего за открытое хищение сотового телефона преступник получит наказание значительно меньше, чем за тайное хищение мобильного. Здесь также нарушен принцип справедливости.

Крайне непоследователен законодатель и в борьбе с педофилией и иными общественно опасными посягательствами на несовершеннолетних и малолетних детей. Дополнения весьма репрессивного характера были внесены в статьи 131, 132, 134 и 135 УК РФ. По этим составам не допустимо условное осуждение, если жертвой сексуального посягательства стали несовершеннолетние, не достигшие 14-летнего возраста (ст. 73 УК РФ). Также внесено особо суровое по отношению к педофилам дополнение в ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». В отношении их тре-

бования более строгие, чем в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. При этом перечисленные нормы дифференцированы по возрастному признаку потерпевшего — не достигшего 14 и не достигшего 12 лет. Однако такие изменения не касались до последнего времени ст. 133 УК РФ, где речь идёт о принуждении к действиям сексуального характера, и только год назад законодатель выделил квалифицированный признак данных преступных действий в отношении несовершеннолетних. Такие же дополнения введены в ст. 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией).

На мой взгляд, неоправданно суровые и не справедливые санкции предусмотрены в ст. 134 УК РФ. Так, например, путана, которую нанял для сексуальных утех замотерелый мальчик 13 лет (такой сюжет есть в одном из детективных материалов) по действующему законодательству получит максимальный срок лишения свободы 10 лет. Условное осуждение на неё не распространяется. Чтобы выйти досрочно ей надо отбыть 4/5 срока, в отличие от убийцы ребёнка, которому достаточно отбыть 2/3 срока. Субъект, вовлекший несовершеннолетнего в занятие проституцией путём насильственных действий и принуждающий продолжать это занятие, может получить максимальный срок 8 лет. Вот вам, господа, закон и совесть.

Если быть последовательным и логичным, то законодатель должен был предусмотреть дифференцированную ответственность за деяния, предусмотренные статьями 150 и 151 УК РФ в зависимости от возраста потерпевших. Очевидна разница в тяжести совершения преступления, например, в спаивании алкогольными напитками 17-летнего или 7-летнего ребёнка. Законодатель совершенно обошёл вниманием несовершеннолетних, если речь идёт о разбое, грабеже, мошенничестве или вымогательстве, что также противоречит принципу справедливости. Не трудно представить степень психической травмы для ребёнка, на которого совершено разбойное нападение. На мой взгляд, вместо введения вышеупомянутого п. «о» ст. 63 УК РФ следовало внести в качестве отягчающего обстоятельства совершение пре-

ступления в отношении несовершеннолетнего, а не только в отношении малолетнего (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Совершенно очевидно, что принципу справедливости совершенно не отвечает ч. 4 ст. 31 УК РФ, согласно которой от уголовной ответственности освобождается организатор и подстрекатель совершения преступления, своевременно сообщивший о нём в правоохранительные органы.

Не отвечает принципу субъективного вменения ст. 66 УК РФ. Парадоксально, но субъект, намеревавшийся совершить убийство сотни людей, и не отказавшийся от своих намерений, но задержанный на стадии приготовления данного преступления, получит 10 лет лишения свободы, а вот студент, убивший «процентщицу», может получить 20 лет или пожизненное заключение.

Очевидно, что эвтаназию следует отнести к убийству со смягчающими обстоятельствами и в её отношении внести в УК РФ отдельную статью. Это было бы по совести и справедливо.

К сожалению, во многих случаях в уголовном законодательстве не реализуется принцип неотвратимости наказания. В частности в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ, преступник, задержанный на стадии приготовления к преступлению средней тяжести, не несёт уголовной ответственности.

По многим тяжким преступлениям, в случаях деятельного раскаяния, также не наступает уголовная ответственность, что явно противоречит принципу справедливости и неотвратимости наказания.

Небрежность, которую допускает законодатель в изложении норм уголовного закона, затрудняет их толкование и применение. Год назад был декриминализован состав преступления, предусматривающий ответственность за оскорбление (ст. 130 УК РФ). Эта норма являлась общей по отношению к ст. 297 УК РФ, где идёт речь об оскорблении участника судебного заседания. Но вместе с ликвидацией ст. 130 УК РФ, имевшей описательную диспозицию, ушло и само понятие оскорбления — то есть унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Следовало бы данное понятие внести в вышеука-

занную ст. 297 УК РФ.

К сожалению, в уголовном законодательстве по многим преступлениям отсутствуют квалифицированные составы материального характера, такие, как незаконное помещение в психиатрический стационар, клевета, отказ гражданину в предоставлении информации и многие другие, что, в конечном счёте, осложняет реализацию главной цели наказания — восстановление социальной справедливости. Очевидным недостатком является отсутствие такого квалифицированного состава, как совершение преступления в отношении 2-х и более лиц. Это доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), угроза убийством (ст. 119 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда (ч. 4 ст. 111 УК РФ), повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего и другие.

Говоря о ст. 110 УК РФ — доведение до самоубийства, надо заметить, что диспозиция этой нормы противоречит принципу справедливости, так как допускает как неосторожную, так и умышленную формы со стороны виновного, а значит степень тяжести совершённого разные. Требуется разделение указанного состава в зависимости от формы вины. У нас же разделены убийство и неосторожное причинение смерти. В Кодексе есть и другие составы, где совмещены обе формы вины в одной диспозиции (не надо путать с составами, где речь идёт о двойной форме вины (ч. 4 ст. 111 УК РФ)).

Многие нормы нуждаются в аутентичном толковании, такие, как похищение человека, незаконное лишение свободы и другие. С точки зрения юридической техники указанные нормы должны иметь или описательные диспозиции, или примечания. Указанный недостаток в какой-то мере лишает эти нормы единого чёткого толкования, что в свою очередь, может привести к судебному произволу, и во многих случаях возникает необходимость вмешательства Пленума Верховного Суда РФ.

Не выдерживает критики редакция ст. 304 УК РФ «Провокация взятки или коммерческого подкупа». Смысл нормы заключается в инспирировании, фальсификации преступления, когда потерпев-

ший не воспринимает характер действия преступников как дачу взятки, специально ими инсценированную.

В слове «провокация» заложен иной смысл — стимулирование определённого процесса, действия. Например, когда провоцируют драку или скандал, то человек, которого подтолкнули к указанным действиям, прекрасно понимает их характер. Он понимает, что он участвует в скандале или драке. Если же вернуться к формулировке указанной статьи, то речь должна идти об искушении, скажем передаче лицу вещи, которую он давно искал.

На мой взгляд, вместо упомянутого в ст. 304 УК РФ состава следовало ввести норму о фальсификации любого преступления, что значительно шире состава фальсификации доказательства. Нам из-

вестно, что возможна фальсификация кражи, незаконного хранения оружия, наркотиков и другие преступления, а не только взятки.

Заканчивая разговор о нравственности и справедливости действующего уголовного закона, следует вспомнить взгляды покойного профессора И.С. Ноя, который считал преступников социально больными людьми, а уголовное наказание терапией для них. Уголовное право является радикальным инструментом регулирования общественных отношений в руках государства. Я говорю студентам, что, если сравнивать право с медициной, то уголовное право является хирургией, и поэтому в руках государства и юристов оно должно быть не топором и зубилом, а тонким скальпелем.

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков*

ЗАКОН, СОВЕСТЬ И ПОКАЯНИЕ БОРИСА БЕРЕЗОВСКОГО

Выжимка: Теперь как никогда требуется научное исследование личностных особенностей скоробогачей (олигархов). Это очень нужно, нужно для противодействия и освобождения. Обращает на себя внимание то, что в отличие от них, у даровитых промышленников-миллионщиков Российской империи, продвинувших страну в конце XIX — начале XX вв. в хозяйственно передовую, чувство долга, похоже, всё же имелось.

Ключевые слова: совесть; скоробогачи; воробогачи; Березовский.

D.A. Shestakov

LAW, CONSCIENCE AND BORIS BEREZOVSKY'S REPENTANCE

Summary: Now, more than ever, scientific research of the personal characteristics of oligarchs is needed. This is strongly required for prevention and liberation. The most important is that, in contrast to such oligarchs, gifted manufacturers-millionaires of the Russian Empire advancing and promoting the country at the end of XIX — beginning XX century in the economic leader seemed to be guided by their sense of duty.

Key words: conscience; oligarchs; thieves; Berezovsky.

*Как ни мудри, а совести не
перемудришь.*

Русская пословица

Совесть. Заявленная В.Г. Шарыгиным в очередной раз нравственно-правовая тема,¹ на этот раз тема закона и совести, побудила меня обратиться к народной мудрости. Мне попала в руки блестящая статья, посвящённая анализу русских пословиц и поговорок о совести. Её автором, Райсой Мауткалиевной Хайдаровой, обнаружены в кратких изречениях, веками переходивших из уст в уста, все необходимые науке о преступности грани представлений о совести.²

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shestadi@mail.ru.

© Д.А. Шестаков, 2013

¹ Шарыгин В.Г. Феномен предательства в новой и новейшей истории России (криминологический взгляд) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 2 (15). — С. 190–199.

² См.: Хайдарова Р.М. Концепт «совесть» в русских пословицах и поговорках. URL: <http://festival.1september.ru/articles/415189/>. (дата обращения: 01.05.2013).

Муки совести, как расплата за преступление: «Злая совесть стоит палача», «Совесть спать не даёт», «Чёрной совести и кочерга виселицей кажется».

Усыпление собственной совести как психологическая самозащита: «Заскоружлой совести не проймешь», «У него совесть — дырявое решето», «У тебя совесть что розвальни: садись да катись», «С его совестью жить хорошо, да умирать плохо».

Противопоставление совести и имущественного процветания: «Рубаха черна, да совесть бела», «Хоть мошна пуста, да совесть чиста».

Высокая оценка народным сознанием совестливости, связь совести со стыдливостью и верой в Бога: «Добрая совесть не боится клевет», «В ком стыд, в том и совесть», «За совесть да за честь — хоть голову снести», «Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука».

Совесть выше справедливости, которая тяготеет к равенству содеянного и кары. На Руси говорилось: «Нет чуда, если праведника спасти, но преславно грешника помиловать, в разум истинный привести» (Иван Неронов, религиозный деятель XVII в.).³

³ Мудрость Древней Руси / Сост. Ю.И. Смирнов. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 119.

Представление о совести требуется науке о преступности не только для осмысления личности преступника либо, напротив, человека, преодолевшего соблазн преступления, но и для оценки закона. В нынешних условиях совесть криминолога, по моему мнению, предполагает откровенное осуждение законодателя, если тот служит не Родине, а кучке воробогачей, сосредоточивших в своих руках богатство и власть.

Покаяние. Пока готовится в печать очередной номер нашего журнала с отчётом о прошедшей в Клубе беседе, посвящённой закону и совести, средства распространения сведений сообщили о том, что совесть вдруг проснулась у особо опасного преступника, Бориса Абрамовича Березовского. Воробогач («олигарх»), нашкодивше заискивая и совестливо каясь в «ошибках», обратился к президенту России В.В. Путину с просьбой принять провинившегося обратно на Родину. Березовский ностальгически затосковал и вскоре умер, впрочем, при пока не выясненных обстоятельствах.

По этому случаю Владимир Жириновский, как почти всегда в точку, подметил внешнее сходство Березовского не то с Мефистофелем, не то с Троцким. Схвачено верно, похожи они вместе также на Ульянова-Ленина. У всех четверых в лице есть нечто дьявольски-нечистое, лукавое и злобное. Если приглядеться, то что-то общее обнаружится в облики и остальных нынешних воробогачей от А (Абрамовича) до Х (Ходорковского). К троцкистско-ленинской физиогномике применимы слова Гёте о Мефистофеле:

Es steht ihm an der Stirn geschrieben,
Daß er nicht mag eine Seele lieben.

Johann Wolfgang von Goethe. Faust⁴

Радио и телевидение затрезвонили... Ах, он, возможно, покончил с собой! Ох, он затосковал вдруг по русской Родине! Или же, ещё того хуже, не получил ли он ответ-

⁴ Лежит печать на злом его челе, что никого-то он не любит на Земле. (И.-В. Гёте. Фауст. В переводе Н. Холодковского).

ную дозу полония за убиенного таким же способом Литвиненко? А может быть, обедневшее сердце не вынесло потери денег? И каких денег! Ведь сколько наворовано? Сколько куплено на краденное?! Поместья! Одной лишь виллы на Лазурном берегу «Шато де ла Гаруп» разве не жаль? А бразильский футбольный куб «Коринтиас», а 50-метровая яхта «Шато де ла Гаруп»!.. Сколько женщин за всё это чудо его любили!

Средства распространения сведений с восхищением подсчитывают миллиарды (что-то около трёхсот, кажется), ловко вытянутые Абрамычем из российского кошелька и частично прилипшие к рукам его вдовушек. Станный восторг. Это ведь оценка ущерба, причинённого преступлениями, примерно то же самое, что азартный пересчёт жертв серийных убийц, таких как Пичушкин или Чикатило.

Скажу, что для криминологии не столь уж любопытно, скончался ли Березовский от разрыва сердца или от полония, сам ли он наложил на себя руки. Вообще не суть важно, умер ли тот или иной воробогач или жив, Борис Абрамович ли он или Роман Абрамович. (Разница между этими двумя воробогачами — разве что в названиях объектов недвижимости, яхт и футбольных команд, использованных, по всей видимости, для отмывания денег, да в ударе на разные слогичества или фамилии.)

Значимо другое. А именно, вернутся ли украденные упомянутыми и другими воробогачами деньги российскому государству? Будут ли собраты по антидуху и дальше выкачивать из страны алюминий, нефть, лес... — да ещё не платя налоги, через офшоры? Станут ли некоторые из них по-прежнему заказывать убийства и укрывать террористов от правосудия?

Любовь. Теперь вопрос криминологико-криминалистический. Обратим внимание на то, что в официальных сообщениях пока не озвучены сведения, указывающие на самоповешение Бориса Абрамовича, в том числе о *самозатягивающейся* петле. Пока было сказано о шарфе, обнаруженном в злосчастной ванной комнате... Удушил себя, а потом положил кашне рядом с собственным трупом? Картина получается

не очень убедительная.

Если же предположить убийство и задуматься о возможном мотиве, то в данном случае нельзя исключить его корыстно-семейную обусловленность. Не тянущиеся ли к богачу и богатству ласковые ручки затащили шарфик-то? Или хотя бы только всплеснули, подавая знак к исполнению приговора?.. В отношении Бориса Абрамовича расследуются шесть уголовных дел. На его имущество наложен арест. Физическое устранение Березовского могло преследовать цель прекращения уголовного преследования в связи со смертью обвиняемого. Затем можно было бы добиваться снятия ареста на имущество преступника, и возвращения его, таким образом, в наследственную массу. Понятно, что это только одна из версий.

Что у них общего? Для чистой же криминологии, точнее даже для её отрасли — политической криминологии — Березовский представляет определённый интерес как выраженный современный воробогач (если хотите, «олигарх»). В нём сосредоточены едва ли не все отличительные влечения неширокого круга этих наивреднейших для России людей. К чему всеми силами души рвался покойный?

Березовский устремлялся к захвату налаженного до него крупного производства, обеспеченного сбытом (АО «ЛогоВАЗ» — дилер АвтоВАЗа), к внедрению в добывающую промышленность («Сибнефть»), к подчинению себе средств распространения сведений и установлению в них своей цензуры (Борис Абрамович — учредитель и акционер телевизионной компании ОРТ, МНВК «ТВ-6», спонсор «Независимой га-

зеты»). В конечном счёте, он вместе с обществом наших воробогачей под видом борьбы за «либеральные ценности» пытался подмять под себя самую государственную власть, залезть в её сердцевину (при президенте Ельцине Абрамыч был даже заместителем секретаря Совета Безопасности РФ, и на этом посту, надо признать, ему действительно удалось немало навредить упорядочению положения в Чечне). Как и другие воробогачи Березовский был связан с противороссийскими силами (поддержка направленных против нашей страны «цветных революций»). Согласно сообщениям прессы, среди употреблявшихся им преступных средств — обман, присвоение чужого, уклонение от уплаты налогов, выведение доходов из России, обработка общественного мнения, а также, о чём неоднократно сообщалось, организация расправ над неугодными людьми.

Что ещё присуще большинству свалившихся нам на голову воробогачей? Теперь как никогда требуется научное исследование их личностных особенностей. Это очень нужно, нужно для противодействия и освобождения. Обращает на себя внимание то, что в отличие от них, у даровитых промышленников-миллионщиков Российской империи, продвинувших страну в конце XIX — начале XX вв. в хозяйственно передовую, чувство долга, похоже, всё же имелося.

Березовский вроде бы умер, а причинённый им России вред не возмещён. Вот, что плохо. А запомнится он, хотя — по словам председателя ЛДПР — и смахивающим на беса, но в общем, смешным в своей тяге к деньгам и власти, суетным и бессовестным мошенником.

УДК 343.9
ББК 67.51

А. Лепс*

НАРОД ЭСТОНИИ ЖЕЛАЕТ САМ БЫТЬ АВТОРОМ ЗАКОНОВ

Выжимка: Законодательство Эстонии необходимо совершенствовать. Однако прохождение законопроектов через недавно образованное «средневековое» Народное собрание — сомнительная инициатива.

Ключевые слова: «Народное собрание»; демократия; народ; законодательство; президент; парламент; партии.

А. Leps

THE ESTONIAN PEOPLE WISH TO BE THE DRAFTSMEN

Summary: The Estonian legislation has to be improved. But the passage of bills through a newly set up «medieval» «People's Assembly» is a dubious initiative.

Key words: People's Assembly; democracy; people; legislation; president; parliament; parties.

1. Что такое Народное собрание? В ноябре 2012 года на встрече, проведённой по инициативе Президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса в т.н. *Ледяном погребке*, представители гражданского общества и Парламента договорились о создании законодательного *интернет-портала*, который по примеру Исландии (численность населения Исландии 309 тыс. чел. и плотность населения 3 чел. на кв. км, численность населения Эстонии 1,29 млн чел. и плотность населения 29 чел. на кв. км) и станет **инструментом модернизации**, приведения в соответствие с требованиями законов, которые отвечают за здоровую демократию, — так заявил руководитель инициативной группы «Народного собрания» Олари Коппель.

В инициативную группу Народного собрания входят представители Ассоциации сотрудничества, Центра политических исследований Praxis, Союза небогатых обществ EMSL, движения «Хартия 12», Академии электронного государства (e-Riigi Akadeemia), парламентских партий, советники Президента.

* **Андо Лепс** — доктор юридических наук, профессор, Правовая академия Таллиннского университета, член Римского Клуба, член Парламента Эстонии в 1995—2003 гг. (Таллин, Эстония). E-mail: andoleps@hotmail.ee

© А. Лепс, 2013

Президент Т.Х. Ильвес в своём новогоднем обращении сказал, что демократия — это постоянная работа во имя своего будущего, которую нельзя на 4 года делегировать Парламенту. «Уже через неделю, 7 января 2013 года, можно будет отправлять через интернет свои предложения к закону о партиях и к законам о выборах. Пожалуйста, используйте эту возможность активно и с полной гражданской ответственностью», — заявил глава государства.

К полуночи 31 января интернет-портал Народное собрание собрал 1974 предложения и поправок к законам о партиях и о выборах. По словам О. Коппеля, интернет-портал создан для сбора и систематизации предложений, чтобы изменить:

1) финансирование выборов, укрепить демократию внутри самих партий — 282 предложения;

2) партии: остановить процесс насильственной политизации (принуждение к вступлению в партию лидеров общественного сектора) — 131 предложение;

3) выборы: урегулировать отношения между избирателями и избранными депутатами в период между выборами — 631 предложение;

4) систему финансирования партий — 222 предложения;

5) принудительное политизирование

политической деятельности в целом — 81 предложение;

6) разные вопросы — 627 предложений.¹

Напомним, что президент Т.Х. Ильвес пообещал, что лучшие из выдвинутых предложений отправятся в Парламент, где они смогут стать законами или поправками к законам.

Однако, по нашему мнению, глава эстонского государства не может давать таких обещаний, так как он не является членом Парламента и не может влиять на его работу, потому что Эстонская Республика является парламентской республикой. В лучшем случае, он может лишь передать эти предложения в Парламент и ничего больше.

2. Кто организовал Народное собрание и на какие деньги? Народное собрание создано по инициативе *Президента Эстонии Т.Х. Ильвеса и членов социал-демократической партии (Sic!)*, является интернет-платформой для совместного законотворчества, а также изменения законов о выборах и о партиях.

По словам руководителя Целевого учреждения «Ассамблея сотрудничества Эстонии» О. Коппель, инициативная группа постоянно держит в курсе дел Президента Эстонии, под *эгидой* которого Народное собрание работает!

В то же время немаловажно знать, что О. Коппель был руководителем агитационной группы Т.Х. Ильвеса, когда последний стал Президентом Эстонии. Сейчас Коппель является также советником президента.

Известный эстонский журналист Андрус Райд с большими трудностями получил из президентской канцелярии данные о денежных расходах Народного собрания, которые составляют 290 000 евро (примерно 12 000 000 рублей).² Эту сумму из

¹ См.: Rahvakogu alustas kokkuvõtete tegemist — DELFI. URL: www.delfi.ee (дата обращения: 27.02.2013); Интернет-портал Народного собрания собрал более 1800 предложений // МК Эстония. — 2013 — 1 февраля.

² См.: *Andres Raid: Kogu tõde Rahvakogust! Riigi rahaga ju hauakeevajad endale ei ehita.* // URL: <http://delfi.ee> (дата обращения: 27.02.2013); *Jüri Pino.* «Rahvakogu ja —rinne». — Võrumaa Teataja. — 2013. — 9 февраля.

государственного бюджета перевели «в разряд» бюджета президентского. Однако, если Президент Т.Х. Ильвес «заказал музыку» для Народного собрания, тогда он и должен оплачивать эту музыку, но только из своего личного кармана. Между прочим, статья 78 Конституции Эстонии (Президент Республики) не предусматривает полномочии по организации и финансированию Президентом организаций, подобных Народному собранию.³

3. Конституции Эстонии 1920 и 1992 годов. Ныне действующая Конституция Эстонии была принята на референдуме 28 июня 1992 года, участие в котором могли принимать только граждане Эстонской Республики (всего в список избирателей было внесено 669 080 человек, тогда как всё население республики по состоянию на 1 января 1992 года составляло более 1 550 000 человек). В голосовании приняло участие всего 446 708 человек или 66,8 %, из которых около 91,3 % поддержали принятие Конституции.⁴

К сожалению, наша Конституция была составлена не юристами, потому что они были признаны «деятелями, поддерживающими своё Отечество», «красными». В итоге Конституция получилась такой, что *народ*, как суверен, за спиной которого нет никакой государственной поддержки, толкали в прямом смысле этого слова в канаву. В Конституции 1992 года отсутствует очень важный принцип осуществления государственной власти — народная инициатива, т.е. право возбуждать законы. А у референдума до сих пор отсутствует его процессуальный закон. Спрашивается, почему это так? **Ответ.** Политическая элита страны, которая имеет власть, боится народа!

Статья 56 главы III Конституции «Народ» гласит: «Верховную государственную власть народ осуществляет через граждан, обладающих правом голоса: 1) путём выборов в Рийгикогу (Парламент

³ Конституция (Основной закон) Эстонской Республики. Kirjastus Po. — Таллинн, 2003. — С. 39—41

⁴ Eesti Vabariigi Põhiseadus. Paragrahv 1. URL: <https://www.eesti.ee/rus/pohiseadus> (дата обращения: 27.02.2013).

— А.Л.); 2) путём референдума (всенародного голосования)».⁵

Конституция Эстонской Республики 1920 года была принята 15 июня 1920 года Учредительным Собранием Эстонии и являлась в то время самой демократической Конституцией в мире, как высказались многие государственные деятели разных стран. Статья 29 той Конституции: «народ осуществляет государственную власть: 1) путём референдума; 2) *путём народной инициативы*; 3) *путём выборов в Рийгикогу* (Парламент)».⁶

4. Что думают политические лидеры Эстонии? По сути, сегодня у Парламента полно работы — текущие законопроекты. Однако в то же время очень интересно, что партия социал-демократов, которая вместе с Президентом Т.Х. Ильвесом является инициатором (между прочим, Ильвес до своего президентства тоже был социал-демократом) создания Народного собрания, является сегодня в Парламенте оппозицией, а большинство — за *правыми* партиями (партия Реформ, Союз Отечества и Res Publica).⁷

Председатель Парламента Эстонии академик Эне Эргма занимает довольно осторожную позицию в отношении Народного собрания.⁸

По мнению премьер-министра Эстонии Андруса Ансипа, ожидания жителей Эстонии в отношении Народного собрания не очень-то большие, Парламент проделал неплохую работу, и Эстония находится на хороших позициях; политическая (в том числе избирательная) система

Эстонии не нуждается в кардинальных изменениях.⁹

Однако здесь надо отметить, что избирательная система Эстонии не выдерживает никакой критики, поскольку система электронного голосования не заслуживает доверия. Нынешний **XII состав Парламента** Эстонской Республики, Правительство и даже Президент (президента выбирает Парламент) нелегитимны.¹⁰

5. Что будет дальше? Чтобы Эстонию сегодня могли называть демократическим государством, в нём, помимо классических признаков, должен обязательно присутствовать *диалог правителей с народом*. Однако правящая в стране коалиция часто делает выбор в пользу *монолога*. Из-за отсутствия диалога и наличия грубых ошибок в действующей Конституции в Эстонии появились движения, приведшие в итоге к созданию Народного собрания.

Инициативная группа Народного собрания сообщила, что в своих решениях исходила из принципа консенсуса, что означает, что все шаги, которые до сих пор были сделаны, были одобрены парламентскими партиями, представителями гражданского общества, работниками Praxis, инициаторами Хартии 12.

Рабочий язык Народного собрания — эстонский, однако основная информация есть и на русском языке, свои предложения и комментарии тоже можно писать по-русски. Их позже переведут для экспертов и аналитиков на эстонский язык.

В марте 2013 должны были состояться «круглые столы», на которых предлагалось обсудить инициативы граждан, получившие значительную поддержку пользователей портала. Затем Президент Эстонии

⁵ Eesti Vabariigi Põhiseadus. Paragrahv 1. URL: <https://www.eesti.ee/rus/pohiseadus> (дата обращения: 27.02.2013).

⁶ Там же.

⁷ См.: *Каяр Лембер*. Можно считать Народное собрание «выпуском пара», но мы настроены оптимистично. URL: http://rus.delfi.ee/press/mk_estonia/mozhno-schitat-narodnoe-sobranie-vypuskom-parapomny-nastroeny-optimistichno.d?id=65573692 (дата обращения: 01.03.2013).

⁸ См.: *Эне Эргма*. Ootame ja vaatame, kuhu rahvakogu mõte areneb. URL: <http://www.delfi.ee/news/raevauudised/eesti/ene-ergma-ootame-ja-vaatame-kuhu-rahvakogu-mote-areneb.d?id=65592712> (дата обращения: 01.03.2013).

⁹ См.: *Андрус Ансип*: Народ не ждёт очень много от Народного собрания. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/andrus-ansip-narod-ne-zhdet-ochenmnogogo-ot-narodnogo-sobraniya.d?id=65551524> (дата обращения: 01.03.2013).

¹⁰ См.: *Андо Лепс*. Результаты электронного голосования на выборах юридически ничтожны // Риски безопасности и достоверности при проведении в Эстонии электронных выборов в 2005–2011. Доклады, статьи, мнения. — Таллинн, 2011. — С. 109–116, 148, 155–156; *Douglas W. Jones and Barbara Simons*. Rikutud sedelid. Kas Sinu hääl loeb? — Tallinn, 2012. — С. 276–278.

представит выбранные предложения для обсуждения в Парламент.

6. Критика. Многие наши умные головы говорят о том, что Народное собрание — лишь очередная государственная программа «спуска пара» у народа. Т.Х. Ильвес, являясь Президентом Эстонии с 2006 года, ничего для страны и её народа не сделал (за двадцать лет население Эстонии уменьшилось в 1/6 раза, 1/3 часть населения хочет покинуть страну по причинам безработицы, низких зарплат).¹¹

Президент Т.Х. Ильвес в своей речи на торжественном заседании в День независимости 24 февраля 2013 г., произнесённой в театре «Эстония», выразил сомнение в отношении действенности Народного собрания, сказав: «...Нам не стоит обманывать себя иллюзией некоего чудодейственного лекарства, которое разом излечит все недуги, иллюзией, что для того, чтобы всё наладилось, достаточно заменить какого-то министра или целое правительство. Не стоит представлять, что если решения будут приниматься не в Парламенте, а на референдумах или путём голосования в интернете, эти решения будут всегда оптимальными ...».¹²

Председатель Адвокатуры Эстонии Тоомас Вахер, выступая на общем собрании Адвокатуры Эстонии сказал, что создание альтернативных структур Парламента — это в будущем неправильный путь государства и даже опасный путь.¹³

По мнению многократного члена Парламента, министра, академика Энделя Липпмаа принимать за образец Исландию, которая не является успешным государством, — прямая ошибка. По его мнению, Народное собрание может привести к диктатуре.¹⁴ Известные эстонские политологи, например Рейн Тоомла, Тынис Саартс и Райнер Каттел, **против** перемещения избирательных округов.¹⁵

Самый известный современный эстонский писатель Андрус Кивиряхк называл свою статью именно так: «Народное собрание как народный суточный рассказ».¹⁶

7. Краткое резюме. Законодательство Эстонии необходимо совершенствовать. Однако прохождение законопроектов через недавно образованное «средневековое» Народное собрание — сомнительная инициатива.

Однако поживём, увидим...

¹¹ См.: *Jaak Uibu*. Avalik märgukiri Riigikogu põhiseaduskomisjonile.

¹² См.: Infopartisan: President tõmbas Rahvakogu sisuliselt vee peale. Infopartisan blogi. — 2013. — 26 февраля.

¹³ См.: *Toomas Vaher*. Eesti õigusmaastiku häda on ülereguleeritus ja dokumantide sõnastuslik keerukus. URL: www.postimees.ee (дата обращения: 01.03.2013).

¹⁴ См.: Endel Lippmaa. Rahvakogu võib viia diktatuurini. Eesti Ekspress. — 2013. — 2 марта.

¹⁵ См.: Politoloogid: valimisringkondade ümbermängimine soovitud tulemust ei too. URL: arvamus.postimees.ee (дата обращения: 01.03.2013).

¹⁶ См.: *Andrus Kivirähk*. «Rahvakogu rahvalik naljamäng». — Eesti Päevaleht. — 2013. — 26 января.

УДК 343.9
ББК 67.51

А.П. Данилов*

ВЗЫВАЮ К СОВЕСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ: «НЕ СОВРАТИ»!

Выжимка: Нормы Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия содержат преступные положения, являющиеся *de jure* **правилом применения сексуального насилия в отношении детей**. В ст. 6 данной Конвенции «Просвещение детей» завуалировано, но нормативно читаемо, закреплено преступление, предусмотренное ст. 22 Конвенции — совращение детей.

Ключевые слова: совесть; сексуальное насилие; совращение детей.

A.P. Danilov

I APPEAL TO THE DRAFTSMAN'S CONSCIENCE: «DO NOT SEDUCE!»

Summary: The Convention norms on child protection against sexual abuse contain criminal clauses which are *de jure* the rule for sexual abuse against children. The crime provided by the article 22 of the Convention — child abuse — is implicitly expressed but readable and fixed in the article 6 of the Convention «Child enlightenment».

Key words: conscience; sexual abuse; child abuse.

Коротко о преступном законе. Для понимания последствий ратификации и применения в российской правовой системе Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (далее по тексту — Конвенция)¹ необходимо обратиться, в первую очередь, к категории совести и, во вторую, — к криминологической теории: семейной криминологии и криминологии закона, с её ключевым понятием «преступный закон», предложенным современной науке Д.А. Шестаковым.²

Преступный закон — закон, который содержит положение (положения), по-

пирающее уголовное право, а именно, нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет (закон, преступный в юридическом смысле) или представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом (закон, преступный по существу).³

Преступность (?) норм Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. 1 октября 2012 года Россия подписала Конвенцию о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. 7 мая 2013 года Президент РФ подписал ФЗ № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений». В целом данную Конвенцию можно охарактеризовать как документ, направленный на защиту детей от сексуального насилия, включающий важные криминологические положения о мерах защиты и

* Андрей Петрович Данилов — кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: danilov-a1@mail.ru

© А.П. Данилов, 2013

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (CETS № 201) (Лансарот, 25 октября 2007 года).

² См.: Шестаков Д.А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 2 (21). — С. 59—65; его же: Введение в криминологию закона. — СПб., 2011.

³ Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. — С. 20.

помощи жертвам сексуального насилия, сбора и хранения данных об осуждённых за сексуальные преступления. Однако, как говорится в известной русской поговорке: «Ложка дёгтя бочку мёда портит». Так и в случае с рассматриваемой Конвенцией, говорить о ней, как о благе, не приходится!

В преамбуле к Конвенции говорится, что Стороны Конвенции, подписывая её, учитывают безусловность того, что:

— каждый ребёнок имеет право на такие меры защиты со стороны семьи, общества и государства, которые необходимы в силу его положения как несовершеннолетнего;

— все формы сексуального насилия в отношении детей пагубно влияют на здоровье ребенка и его психосоциальное развитие;

— должны учитываться нормы ст. 34 Конвенции о правах ребёнка⁴ по защите от всех форм сексуального совращения;

— необходимо подготовить всеобъемлющий международный документ, посвящённый профилактическим, защитным и уголовно-правовым аспектам борьбы со всеми формами сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в отношении детей.

Резюмируя преамбулу Конвенции, получаем: государствами понимается, что дети — несовершеннолетние, в силу чего легкоранимы, и их психосоциальное развитие должно быть защищено от всех форм сексуального совращения.

Данные положения преамбулы реализуются, в том числе, в одной из целей Конвенции, предусматривающей предотвращение сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в отношении детей (подп. а ч. 1 ст. 1 Конвенции). Под сексуальным насилием в отношении детей Конвенция понимает действия, указанные в статьях 18–23 Конвенции (непосредственно само сексуальное насилие (ст. 18), преступления, касающиеся детской проституции (ст. 19), преступления, касающиеся детской порнографии (ст. 20), преступления, касающиеся участия ребёнка

в порнографических представлениях (ст. 21), *совращение детей* (ст. 22), домогательство в отношении детей с сексуальными целями (ст. 23)).

Столь подробно следует остановиться на том, что понимает Конвенция под сексуальным насилием, которому она должна противодействовать, в связи с тем, что в ст. 6 Конвенции «*Просвещение детей*», завуалировано, но нормативно читаемо, закреплено совершение государством деяний в отношении детей, фактически являющихся преступлением, предусмотренным ст. 22 Конвенции — *совращением детей*. В статье 6 оно именуется «просвещением», но de facto — это *совращение*! Где глаза и совесть законодателя, принимающего для народов России такие Конвенции и законы?

Разберёмся детальнее, в чём же заключается преступность данной нормы. Статья 6 гласит, что каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, направленные на обеспечение включения в программы начального и среднего школьного образования информации для детей об опасностях, связанных с сексуальной эксплуатацией и сексуальным насилием. Такая информация даётся в более широком контексте *полового воспитания*, и в ней особое внимание уделяется ситуациям повышенной опасности, в особенности связанным с использованием новых информационных и коммуникационных технологий.

Комментируя данную норму, условно разделим её на три составляющие. Первая — вред от информирования о сексуальной эксплуатации и сексуальном насилие. Для психологов должно быть совершенно очевидным негативное воздействие на психику детей и их формирующийся, ещё хрупкий внутренний мир информирования о сексуальной эксплуатации и сексуальном насилие. Данная информация, в первую очередь, выступает в качестве фактора, нарушающего нормальное психосоциальное развитие детей. Для понимания вреда от подобного информирования, предполагаемого для проведения, в том числе и в начальных классах (1–4 классы), обратимся к методу сравнения и через него к известному молодёжному выражению: «Капля никотина убивает лошадь, а хомячка раз-

⁴ Конвенция ООН о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1.

рывает на куски». Для детей это информирование как для хомячка литр никотина ...

Закономерны вопросы: «Перед включением в российскую правовую систему столь разрушительной (преступной?) нормы проводились ли какие-либо социологические, психологические, криминологические исследования возможного влияния на детей подобных «образовательных программ»? Учитывая, что ст. 22 Конвенции под соращением детей понимает умышленное склонение ребёнка к наблюдению сексуального насилия или деятельности сексуального характера, даже не участвуя в них, не являются ли данные программы преступными программами по соращению детей? По-моему мнению, являются!

Вторая составляющая — усиление негативного влияния информирования через целенаправленное усиленное внимание к ситуациям повышенной опасности, в особенности связанным с использованием новых информационных и коммуникационных технологий. Фактически своими нормами «законодатель» создаёт условия для того, чтобы дети открыли «ящик Пандоры» — те страницы глобальной сети Интернет, которые ещё более ускорят необратимое разрушение от «информирования» нормального психосоциального развития детей вследствие обращения к ситуациям опасности в Интернете (простыми словами, многочисленным сценам разврата, коими напичкана глобальная сеть).

Третья составляющая — в результате применения «образовательных программ» будет причинён существенный вред семейным отношениям (в масштабах государства — институту семьи в целом): возможно возникновение страхов, основанных на сексуальном насилии, у детей перед родителями, что, помимо прочего, может выступать как популяризирующий фактор гомосексуальных семей. Со значительной степенью вероятности мы будем наблюдать нарастающую семейную десоциализацию,⁵ что является существенным криминогенным фактором.

Таким образом, применение правил ст. 6 Конвенции «Просвещение детей» пря-

⁵ См.: Шестаков Д.А. Семейная криминология. Криминофамилистика. — СПб., 2003. — С. 134—148.

мо противоречит одной из главных целей Конвенции — предотвращению сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в отношении детей (п. «а» ст. 1 Конвенции), так как фактически является сексуальным насилием — соращением детей.

Взаимное противоречие международных нормативных актов о защите детей от сексуального насилия. Согласно ст. 34 Конвенции о правах ребёнка, *государства — участники Конвенции обязуются защищать ребёнка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального соращения.*

Нормы же Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия содержат положения, являющиеся по существу правилом применения сексуального насилия в отношении детей — соращения детей. Таким образом, нормы данных Конвенций противоречат друг другу, соотносясь между собой как антикриминогенные и преступные. Нормы Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия, регламентирующие «просвещение детей», можно классифицировать как *преступные нормы против здоровья и нравственности населения.*

Руководствуясь нормами ст. 34 Конвенции о правах ребёнка (ратифицирована СССР, правопреемницей которого является Россия), согласно которой наше государство должно защищать детей от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального соращения, ст. 4 Конвенции, предусматривающей, что каждая Сторона принимает все необходимые законодательные или иные меры, направленные на предупреждение сексуальной эксплуатации и сексуального насилия в отношении детей, а также обращаясь к *своей совести законодатель не должен был ратифицировать Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия* до тех пор, пока в её структуре присутствуют преступные нормы о соращении детей. Кстати, Конвенцию до сих пор не ратифицировала и Германия — почти во всех отношениях передовая европейская держава, а также иные государства, например, Великобритания, Италия, Норвегия, Польша, Португалия, Швеция.

Материалы расширенного заседания Совета Санкт-Петербургского международного криминологического клуба от 8 февраля 2013 года «Право противодействия преступности и законопроекты четырех кодексов в Республике Казахстан» (продолжение)

УДК 343.9
ББК 67.51

*Г.Н. Горшенков**

**ОДНИ И ТЕ ЖЕ РИФЫ ПОМОЖЕТ ОБОЙТИ ВДУМЧИВОСТЬ
(к анализу норм уголовного законодательства УК РК)**

Выжимка: Многие трудности, возникающие на пути законотворческой мысли, порождаются недостаточным вниманием к разработкам криминологической науки. Между тем, криминология выражает дух закона, которым должно быть проникнуто всё евразийское законодательство.

Ключевые слова: вдумчивость; дух закона; реформа уголовного законодательства.

G.N. Gorshenkov

**THOUGHTFULNESS WILL HELP TO AVOID THE SAME REEFS
(to the analysis of the norms of the criminal legislation
of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)**

Summary: Many difficulties arising on the way of a law making thought are caused by insufficient attention to the developments of the criminological science. Meanwhile, criminology expresses the spirit of the law by which the Eurasian legislation must be penetrated.

Key words: thoughtfulness; spirit of law; reform of criminal legislation.

С большим интересом прочитал материалы расширенного заседания Совета Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, в частности, суждения Д.А. Шестакова о законотворческой работе, проводимой в Республике Казахстан.¹ Да, собственно, не только об этой важной работе, а в равной мере и — об отечественной законотворческой мысли, которая, по мнению учёного, «натолкнулась на одни и те же рифы». И это обстоятельство учёный объясняет рядом

факторов, в числе которых — стремление подогнать реформы под западный образец, игнорируя самобытность и наработки криминологической теории. В этом стремлении, как мне кажется, не хватает одной важной составляющей, без которой невозможно системное мышление, — вдумчивости.

Вдумчивость — способность ума проникать дальше, чем в «простую», видимую сущность вещей, — в её глубинную материю, открывать в ней ранее не замеченные признаки, различия. Вдумчивость позволяет нам осмысливать вещи через призму благоразумия и ответственности, проникая в суть истинных, в том числе научных идей, благодаря чему мы плодотворно участвуем в творческом поиске, устремляясь к новому, замеченному (нередко заворазивающему) в чужом опыте, при этом прикидывая целесообразность и вариативность его применения, сравнивая с открытиями в собственном опыте.

* Геннадий Николаевич Горшенков — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Нижний Новгород, Россия). E-mail: gen7976@yandex.ru

© Г.Н. Горшенков, 2013

¹ См.: Шестаков Д.А. Реформа или стилизация? (О проекте УК РК) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 2 (29). — С. 15–21.

Обратимся к тем самым, «одним и тем же рифам». Между прочим, с одной стороны, как ни покажется странным, это обстоятельство пробуждает у меня чувство удовлетворения: то, о чём думаем мы, россияне и граждане Казахстана, во многом совпадает. Сходятся и наши устремления к лучшему общественному устройству, поскольку нас сближает и роднит многое из того, что составляет нашу общую многовековую историческую культуру.

А, с другой стороны, данное обстоятельство печалит: в нём просматривается одинаковая «методологическая безответственность» в выборе путей, ведущих к тому самому «лучшему общественному устройству». Именно в *выборе*, а не *прокладывании* новых путей. Прокладывать свой собственный путь «самобытной реформы» — дело очень не простое. Безусловно, проще воспользоваться чужим «путепрокладчиком» и «кроить» в (уголовном) законотворчестве по лекалам Запада. Но насколько удачным в таком случае будет национальный «пошив» закона?

Когда-то мудрый основоположник классического направления на «утренней заре» уголовной теории Ш.Л. Монтескье писал о том, что «законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в *чрезвычайно редких случаях* (выделено мной — *авт.*) законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа».²

Эта истинная идея. Она и ныне правит умами прогрессивных правоведов и политиков. Анализируя законопроектные мысли евразийских правоведов и политиков, Д.А. Шестаков пишет: «Нам... нужно больше думать о собственной евразийской перспективе вместо того, чтобы только копировать подсовываемые нам не всегда приемлемые для нас западные нормы».³

Вот в этом, в частности, и выражается значимость духа самобытности, или, гово-

ря образами Монтескье, «духа закона». От этого не уйти. Идея самобытности органически входит в методологию реформаторства. А методология — это и есть, прежде всего, универсальный принцип научности, в том числе и — политико-правового мышления. Однако приходится доказывать очевидную истину: эффективность регулятивного механизма возможна только при условии его научного обеспечения. Например, что касается криминологических наработок, то они, как и в целом результаты научных исследований, выступают (в случае их истребования) уже не только, как знания сами по себе, а как особого рода ресурс (и ресурс весомый), который также необходим наравне с другими ресурсами для совершенствования и развития практики.⁴

Высказывается много интересных идей, подходов, проектов и т.п., направленных на оптимизацию (реформирование) уголовного законодательства; слово «реформа» ныне не сходит с уст политиков, управленцев, в том числе и в правовой сфере... Всё это закономерно и свидетельствует о движении научной и политической мысли в чрезвычайно важном направлении. Только, представляется, политическая мысль при этом чуждается (если не побаивается конкурирующей силы) мысли научной. Показательным примером тому служит отношение инициаторов проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к критике данного проекта. Документ обсуждался, в частности, на специально посвящённой этому важному вопросу всероссийской научно-практической конференции, которую организовали Санкт-Петербургский университет МВД России и Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга. Однако критические выступления опубликованы не были. Материалы конференции... без

² Монтескье Ш.Л. О духе законов (кн. 1, гл. 3). URL: <http://knigosite.ru/library/books/12547> (дата обращения: 07.03.2013).

³ Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28). — С. 49.

⁴ См.: Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / Под ред. Г.А. Аванесова. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. — С. 166.

вести пропали.⁵ В серьёзных организациях это бывает. Например, даже тома уголовных дел исчезают неизвестно куда.⁶

Можно согласиться, что данное событие всего лишь «мелочь», которая не идёт ни в какое сравнение с антипатией к (явно критической) криминологии вообще, наблюдаемое, в частности, со стороны Министерства образования и науки РФ. В такой ситуации криминологам сложно призывать к вдумчивости политиков, управленцев, не желающих или не способных воспринимать происходящее в сфере противодействия преступности вдумчиво.

Обратимся, в частности, к идее смягчения наказания.⁷ Прежде всего, заметим, она — из тех истинных идей, которые правят миром. Но вот по отношению к определённым (радикальной ориентации) идеологам антикриминальной политики эта идея бессильна. И это не удивительно, т.е. нормально.

В современной идеологии антикриминальной политики выделяются три основных аспекта: а) *реагирование* на преступность как свершившийся факт, б) *предусмотрительное (превентивное)* воздействие на детерминанты преступности и в) *ликвидация* последствий преступности, т.е. прежде всего возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда и устранение угрозы совершения нового преступления.

Между тем, идеология антикриминальной политики — это выработка и последующая реализация *консолидирующей концепции* в сфере противодействия преступности или назовём это по-другому:

⁵ См.: Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности. — С. 49.

⁶ См., например: Толмачёв А. Как у ростовских судей пропадают уголовные дела. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?text=пропало%20уголовное%20дело&url=http://www.info-p> (дата обращения: 17.04.2013); Шевелев А. Снова не обошлось без сотрудников полиции. URL: <http://policemagazine.ru/forum/showthread.php?t=4343> (дата обращения: 17.04.2013).

⁷ См.: Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 154–161.

борьбы с преступностью, контроля над преступностью и т. п.

Первый аспект представляется наиболее сложным. В реагировании на преступность правоприменитель оказывается перед нелегким вопросом — определения и обеспечения ответственности и наказания. При этом важно не забывать о другой истине: *реакция на зло не отличается добротой*. И если в этом постараться все-таки представить доброту, то она будет той самой, которой мостят (а чаще всего мстят) дорогу в ад.

Физический закон гласит: сила действия равна силе противодействия. Человеческий ум этот закон «переводит» в социальный: сила противодействия должна быть больше силы действия. Так устроена человеческая природа. Не зря говорят, «сила есть, ума не надо». Но в нашем случае речь идёт не о человеческой природе, а о человеческом — *правовом* — рассудке: «ум есть, силы не надо». К сожалению, ложная истина в верховенстве «права силы» заметно преобладает в социально-правовом мышлении политиков. Однако это говорит не столько о силе радикализма, сколько о слабости антикриминального политического мышления.

В ранний период становления уголовной теории были несравнимо сложнее, мне кажется, времена, в которых *криминологически обоснованная* «уголовно-правовая революция» победила инквизиторское право. Гуманизм взял верх над деспотизмом. Такая относительная «лёгкость», как я понимаю, оказалась на волне общественного мнения и правосознания. Был создан благоприятный фон, который можно охарактеризовать словами Ч. Беккариа — «деспотизм общественного мнения», т.е., как я понимаю, социальной справедливости, точнее просвещённого принципа справедливости. Этот «высоконравственный деспотизм».

Ныне о таком можно разве что научно фантазировать, как, например, мастерски это делает Д.А. Шестаков, возводя на пьедестал противодействия преступности рациональный либерализм в виде Основ единого законодательства о противодействии преступности, который предусматривает доминирующим в системе законодатель-

ства Кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности.⁸

В современной научной сфере имеют место «вихри (положительно) враждебные», которые устраивают наши коллеги, представители критической криминологии, но они, эти вихри ограничиваются рамками «политического стакана». Например, меня просветили «единороссы», озабоченные «обнажением их тела «размандачиваемыми» депутатами, в их отношении к нынешней политике противодействия коррупции. Анализируя непростую ситуацию в депутатском корпусе (в частности, в связи с уходом из законодательной власти потенциально «размандаченных») и оберегаясь от того, чтобы не запачкать эту власть, тем более с падением рейтинга Единой России, некоторые политики с надеждой заявляют: «Антикоррупционная кампания — это сейчас та история, которая даёт наибольший прирост рейтинга». Вот он, «великий» политический смысл дела государственной и в целом общественной важности.

Вместо того, чтобы поднимать волну всенародного движения (по примеру просветильно-гуманистического времени) против хотя бы коррупции, политическая воля обеспокоена опасностью возникновения этой (считайте, 9-го вала) волны, которая несёт в себе запоздалое озарение: «Так вот где таится погибель моя!».

По мнению пронизательного гендиректора ВЦИОМа, «если люди поймут, что это кампанейщина, то (депутатский — *авт.*) рейтинг будет падать».⁹

Раньше меня удивляло, почему на протяжении только моего восприятия временного периода (30 лет) на все криминологические инициативы о принятии закона о профилактике (принципиально не важно, какой здесь будет употреблён термин) *преступлений*, в ответ слышится только «скрежет» так называемого политического

мышления, точнее недовольного «политического воледвижения».

Сегодня, вроде бы, с таянием снега начинает оттаивать и политическое благоразумие. Только, в отличие от естественной природы, в природе человеческой такое оттаивание занимает невероятно длительный период. Так со времени действовавшего в России Устава о предупреждении и пресечении преступлений прошло столетие, прежде чем наступило упомянутое таяние в виде обсуждаемого сегодня упомянутого проекта закона о профилактике (вместе взятых) правонарушений. А на протяжении всего этого столетия криминологи активно доказывали необходимость принятия такого закона, предлагали соответствующие законопроекты.¹⁰ И ныне обсуждаемый закон вызывает немало недоумений, о чём я, в частности, упомянул выше. Затяжная пора. Может быть, — настолько, что окончательное оттаивание не закончится и к началу очередных заморозков, а то и устойчивых морозов.

При этом меня не покидает назойливая мысль о традиционном игнорировании проектировщиками (в положительном смысле этого слова) закона о профилактике правонарушений (надо полагать, и преступлений), криминологических наработок, о которых не мог не сказать Д.А. Шестаков. В последние годы пренебрежительное отношение правоохранительных управленцев к криминологическим рекомендациям воспринимается даже как брезгливое (о чём могу судить, исходя из практики деятельности Российской криминологической ассоциации и своего скромного опыта).

Не созрел наш практический разум к пониманию того, что рождается в мире «чистого разума». Великий мыслитель И. Кант писал: «Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко устано-

⁸ См.: Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности. — С. 50.

⁹ Если люди поймут, что это кампанейщина, то рейтинг будет падать. URL: <http://kogrossia.ru/expert/6664-eesli-lyudi-poymut-cto-eto-kampayneychina-to-reyting-budet-padat.html> (дата обращения: 14.02.2013).

¹⁰ См., например: О перспективах совершенствования правового регулирования деятельности по предупреждению преступлений / В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.А. Плешаков и др.; проект Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. — 2011. — 16 августа.

вить по результатам».¹¹ В том числе — по результатам внедрения тех самых криминологических наработок, которые, однако, остаются не востребованными практикой. Особенно это бывает наглядно в тех случаях, когда правоприменительная практика удивительно быстро реагирует на авторитетное политическое указание или общественное мнение, не будучи к тому профессионально подготовленным.

Такое отношение к науке невольно мифологизирует её несостоятельность. Это, во-первых. А, во-вторых, в данном контексте «законопроектная мощь» оказывается направленной в лабиринт проб и ошибок.

Давайте вдумчиво рассмотрим «экстремистскую» идею «возбуждения ненависти либо вражды» (ст. 282 УК РФ) и «возбуждения социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной розни» (ст. 164 УК РК). Однако обратимся не к ныне действующей норме, а к проектируемой. В ст. 181 «проектного» УК Республики Казахстан к этим уголовно-правовым признакам добавлен ещё один — *сословный*.¹²

Сразу же возникают недоумённые вопросы юридино-лингвистического характера. Во-первых, почему в УК РФ «ненависть» и «вражда» определены в качестве альтернативных признаков? Союз «либо» в данном контексте выражает разделительные, т.е. взаимоисключающие отношения. В то время, как эти два слова выражают две степени одного смысла — «вражды». Ненависть — это «чувство сильной вражды».¹³ Однако это как бы попутное замечание.

Во-вторых, какое «наказательное» значение имеют перечисленные (в ст. 181 УК РК и ст. 173 позднего проекта УК РК) виды-признаки розни (вражды, ссоры):

социальная, национальная, родовая, расовая, сословная, религиозная? И почему исключены другие возможные виды розни, например, *возрастная* (аксакалов нужно особо уважать) или *половая* (в котором — прекрасное, с одной стороны, и мужественность, — с другой) и т.д.

Так вполне логично задуматься об особой важности признака половой принадлежности. И есть тому бесспорные основания. В частности, можно обратиться к Посланию Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства». В нём содержится прямое обращение к женщинам, которых Президент определяет как опору семьи, опору государства: «Мы должны оберегать наше *материнство*, — говорит Президент. — Меня тревожит ситуация с ростом бытового насилия над женщинами и детьми в семьях. Неуважительного отношения к женщине не должно быть. И сразу же скажу, что такое насилие должно пресекаться предельно жёстко».¹⁴ Кстати, в УК РФ такой признак предусмотрен.

При желании число подобных признаков можно увеличить: *политическая, властная, языковая, умственная неполноценность* и др. Так в чём особенность характеристики каждого из (содержащихся в законе или предполагаемых в нём наличествовать) признаков, которые должны служить критериями в определении характера и степени общественной опасности? Мне кажется, все они представляют разновидность одного, кстати, довольно абстрактного признака, который обозначен политико-философским термином «социальная рознь», даже проще — «рознь». И никакого особенного значения указанные факультативные признаки не имеют.

В ч. 1 ст. 282 УК Российской Федерации это, казалось бы, учтено законодате-

¹¹ *Кант И.* Критика чистого разума (Предисловие ко второму изданию). URL: <http://philosophy.ru/library/kant/01/000.html> (дата обращения: 03.04.2013).

¹² Досье ИТС на проект Уголовного кодекса Республики Казахстан (новая редакция) (на 10 января 2013 года). URL: <http://www.zakon.kz/4526064-dose-its-na-proekt-ugolovnogo-kodeksa.html> (дата обращения: 21.03.2013).

¹³ *Ожегов С.И., Швецова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., дополненное. — М., 1997. — С. 408.

¹⁴ Послание Президента Республики Казахстан — лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан — 2050»: «новый политический курс состоявшегося государства». URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-natsii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstan— (дата обращения: 15.04.2013).

лем, который предусмотрел: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды». Зато эта лаконичность «перечёркивается» далее, по существу, теми же факультативными признаками объективной стороны: «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». В отношении последнего признака не могу не выразить особого недоумения: каким образом термин «социальная группа», признанный в социологии как «наиболее общий и бесцветный термин» может служить в качестве критерия юридической оценки преступности деяния?

Обращаю внимание на, казалось бы, непринципиальную разницу в дефинициях статьи, излагающих правовую норму в отношении возбуждения розни (вражды). Читаем:

«1. Умышленные действия, направленные на возбуждение...» (ст. 181 УК РК и ст. 173 — окончательного варианта проекта).

«1. Действия, направленные на возбуждение...» (ст. 282 УК РФ).

Очевидно, если в первом случае неосторожность действий исключается как субъективный признак, то во втором случае оказывается не так всё просто. «Действия, направленные...», могут и не иметь умысла, причём ни прямого, ни косвенного, но возбуждают эту самую рознь. И лингвистическая экспертиза может усмотреть это, скажем, в тексте. В данном случае, образно говоря, «в одну кучу сваливаются две совершенно разные вещи: виновные деяния, которые в принципе нужно пресекать и за которые можно привлекать к ответственности, и спонтанные процессы, с которыми бороться — это значит в каком-то смысле проводить объективное вменение».¹⁵

В правоприменительной практике таких примеров оказалось столько, что этой практике, слепо не воспринимавшей протестующую и просветляющую научную мысль, вынужденно был приставлен «поводырь» в виде Постановления Пленума

Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В пункте 8 документа разъясняется: «Не является преступлением, предусмотренным статьёй 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду...».¹⁶

А теперь посмотрим на способы совершения указанного деяния, предусмотренные обоими кодексами, памятуя о том, что способ может характеризовать степень общественной опасности и может выступать в виде обстоятельства, квалифицирующего деяние.

Опять же в ч. 1 ст. 282 УК РФ читаем: «Действия., совершённые публично или с использованием средств массовой информации».

В ч. 1 ст. 181 (173) УК РК определено: «Если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а равно путём изготовления или распространения литературы или иных носителей информации...». Опуская юридическую строгость, «высушивающую» литературный язык, обратимся к тому, что означают термины: а) «публично», б) «с использованием средств массовой информации», в) «с использованием информационно-коммуникационных сетей».

При этом «а равно путём изготовления или распространения литературы или иных носителей информации» можно было бы оставить без рассмотрения, поскольку они не играют принципиальной роли. Больше того, признак «иных носителей информации» нивелирует все предыдущие. Между тем, это вовсе не равнозначные признаки. Например, вновь вводимый в норму признак «путём изготовления» по

¹⁵ *Осинов А.* Противодействие этнической дискриминации в России: проблемы и выбор приоритетов. URL: <http://www.igpi.ru/info/people/osipov/discrim.html> (дата обращения: 27.02.2013).

¹⁶ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 года. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49612.htm (дата обращения: 08.12.2011).

смыслу является не способом совершения деяния, а подготовлением к нему (ст. 25 УК РК (обоих проектов)).

Таким образом, в проекте данной нормы предлагается совместить несовместимое: а) признак «путём изготовления», характеризующий приготовление к приготовлению и б) признак «с использованием средств массовой информации». Более того, данный признак («б») является *квалифицирующим*, что, отметим, и учтено в проекте УК РК.

В связи с этим позволю себе сделать небольшое отступление и кратко напомнить о специфике двух основных признаков: публичности и использовании средств массовой информации (СМИ).

Например, в криминологии массовых коммуникаций¹⁷ в числе видов коммуникации выделяются: 1) межличностная, 2) групповая, 3) публичная, 4) массово-коммуникативная. Как видим, в двух первых случаях информирование предполагает весьма ограниченный, т.е. узкий круг лиц, образно говоря, «штучный товар».

А вот при публичной коммуникации сообщение адресуется уже широкому, но относительно определённом кругу лиц, т.е., например, присутствующим на лекции, митинге и т.п.

Наконец, информация может быть адресована неопределённому кругу лиц, или («беспредельно») массовым аудиториям с помощью *специальных* средств передачи информации (высшая степень публичности). «Специальных» означает определённых Законом РФ «О средствах массовой информации» и соответствующим Законом Республики Казахстан «О средствах массовой информации». Особенности последствий массово-информационного акта состоят, в частности, в следующем. При условии, что многие люди чрезвычайно доверительно относятся к печатному, электронному слову (к тому же это слово облекается, как правило, в образную, привлекательную форму, усиливающую убедительность), сведения, возбуждающие негативные чувства (протеста, вражды и т.п.) людей вос-

принимаются ими «как истина в последней инстанции».

При этом необходимо учитывать эффект массового восприятия: то, что можно объяснить одному человеку, группе лиц, невозможно сделать в отношении большой массы людей. К тому же восприятие первого слова, сказанного в прессе, далеко не всегда может быть переориентировано. Кроме того, второго, опровергающего слова может и не последовать вовсе.

Массово-информационное сообщение не имеет пределов в своём развитии, а, следовательно, совершённое с использованием СМИ преступление как бы получает своё продолжение и во времени: экстремистского характера публикация в газете может быть прочитана неоднократно даже спустя длительное время. Информация остаётся на носителе, доступном для каждого желающего. Очевидно, деяние «с использованием средств массовой информации» можно отнести как претендующее на «статус» *длящегося преступления*.

Надо сказать, уголовное законодательство и Российской Федерации, и Республики Казахстан эту особенность СМИ учитывают и предусматривают соответствующий способ совершения преступления в ряде статей Особенной части как обстоятельство, квалифицирующее содеянное. Например, в ч. 2 ст. 128¹, в ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 354 — УК РФ; в ч. 2 ст. 130, ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 370 и др. УК РК (последний проект).

Но и в этих нормах (в том и другом Кодексе) термины использованы таким образом, что это также вызывает недоумение. Я имею в виду тот же ляпсус юридико-лингвистического характера, подобно тому, который наблюдается в ст. 282 УК РФ. Так в большинстве случаев публичный способ определён как способ совершения деяния, предусмотренного частью первой. Однако он содержится и в части второй (?!), предусматривающей деяние с отягчающим обстоятельством, поскольку совершается «с использованием средств массовой информации». Получается парадокс: действия *публичные*, но в то же время — «с использованием средств массовой информации». Например, ст. 157 УК РК

¹⁷ Поясню, что я «коммуникацию» понимаю как сообщение, передачу (информации) — от лат. communicatio.

«Пропаганда и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»:

«1. Пропаганда и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны...»

2. То же деяние (но при отсутствии публичности — *авт.*), совершённое с использованием средств массовой информации...».

То же самое находим в аналогичной норме, ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»:

«1. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны...»

2. Те же деяния, совершённые с использованием средств массовой информации...».

Больше того, представляется, что традиционное определение информационных способов совершения преступлений требует переосмысления. Сегодня все мы хорошо понимаем, какую активную роль играет в нашей жизни Интернет. И самой массовой его частью выступает новый вид — так называемой «гражданской журналистики», основным выразителем которой являются блоги, или Интернет-дневники. Их авторы, или блогеры каких только текстов не создают, «раскручивают» новостные события, устраивают дискуссии и т.п., буквально бесконтрольно. Например, правоохранительный контроль практически невозможен из-за отсутствия надлежащей правовой базы.¹⁸

Сегодня, с ростом числа интернет-пользователей растёт и преступность. По данным Group-IB (Группа Информационной Безопасности — первой в России негосударственной компании по расследованию инцидентов, включая преступления, в сфере высоких информационных технологий), годовой ущерб от преступлений в этой сфере превышает 60 миллиардов рублей. В 2012 году количество хищений денег, совершённых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий выросло на 60 с лишним процентов.¹⁹

¹⁸ См.: Рышклина Ю. Конференция в МГИМО. URL: <http://www.scilla.ru/news.php?ChapterID=10&NewsID=2430> (дата обращения: 11.08.2012).

¹⁹ См.: Шадрин Т. Интернет-оборона // Российская газета. — 2013. — 18 апреля.

Сегодня получает глобальное распространение новый способ социальной организации, который основан, в частности, на использовании информационных технологий, например, флэш-моб (толпа-вспышка) — заранее спланированная массовая акция и организованная, как правило, посредством современных социальных сетей. Важно заметить, что флэш-моб успешно отрабатывался в «цветных революциях» на постсоветском пространстве, где показана его высокая эффективность как инструмента смены правящих режимов.²⁰

Возвращаясь к анализу признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 (173) УК РК, следует заметить, что все эти признаки, в которых выражены особенности носителей информации (представляют ли они субъектов *межличностной*, доступной третьим лицам информации или выступают элементом высоких технологий), *не имеют уголовно-правового значения в определении преступности и наказания деяния*. Что произойдёт от того, если вместо *открытого перечня* видов розни оставить «просто» *рознь*? Имея такой относительно широкий набор факультативных признаков, правоприменитель обязан будет непременно задумываться над их конкретизацией (нередко это невозможно сделать без соответствующей, например, лингвистической экспертизы), чтобы определить свой окончательный выбор на какой-то «точке» в диапазоне между «штрафом в размере до одной тысячи месячных расчётных показателей» до «лишения свободы на срок до семи лет» и мотивировать его.

В связи с этим возникает и такое подозрение. Выводя дифференцированную оценку, акцентирующую внимание на характере — «национальной», «родовой», «расовой», «сословной», «религиозной» — розни, не сеем ли мы тем самым соответствующие семена, которые впоследствии засоряют «сорняковыми» всходами поле Гражданского согласия?

²⁰ Сундиев И.Ю. «SNBIC-конвергенция как генератор смены парадигмы социальных трансформаций. URL: <http://www.i-nett.com/2012/11/14/snbic-konvergenciya/> (дата обращения: 21.04.2013).

Далее. Мне импонирует обсуждаемое предложение в отношении применения уголовного закона против юридических лиц. Особенно понравилась последовательность Д.А. Шестакова в утверждении идеи «*безвозмездного обращения негосударственного юридического лица в собственность государства (конфискацию)*».²¹ Действительно, не надо ничего разрушать. Тем более, полагаю, у этих юридических лиц отработана неплохая технология. Да и штаты, действительно, подобраны и на-

учены. И в плане предупреждения подобного поведения собственников это было бы, действительно, заметно отрезвляющей мерой.

Интересной представляется предложенная Дмитрием Анатольевичем «конституционная» идея внутренне согласованного антиуголовного законодательства.²² Нынешний модельный Уголовный кодекс, мне кажется, сильно смахивает на российский УК. В общем-то, я и размышлял в основном в русле именно этой идеи.

²¹ Шестаков Д.А. Реформа или стилизация? (О проекте УК РК). — С. 18.

²² Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности. — С. 50.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*П.А. Кабанов**

ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ КАК МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Выжимка: В качестве наиболее распространённых типов политических преступников выделяются: особо опасный, опасный и случайный. Основными видами политических преступников являются: международный политический преступник, политический террорист, политический убийца, мятежник, тоталитарный преступник, электоральный преступник, информационный (массово-коммуникативный) преступник, политический коррупционер и политический мошенник.

Ключевые слова: криминологическая типология, криминологическая классификация, политический преступник.

Р.А. Кабанов

TYPOLGY AND CLASSIFICATION AS METHODS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF POLITICAL CRIMINALS IN THE MODERN RUSSIAN POLITICAL CRIMINOLOGY

Summary: The most widespread types of political criminals are dangerous special, dangerous and accidental. The main kinds of political crimes are international political criminals, political terrorists, political assassins, rebels, totalitarian criminals, electoral criminals, information (communicative) criminals, political corrupt officials and political swindlers.

Key words: criminological typology; criminological classification; political criminal.

Личность является предметом изучения многих наук, каждая из которых исследует её с помощью как общенаучных, так и собственных методов познания в целях получения о ней новых знаний. Среди общенаучных методов познания человека и его деятельности особое место занимает группировка, которая включает в себя такие соподчинённые и взаимосвязанные методы, как типология (типологизация) и классификация.

* Павел Александрович Кабанов — доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института противодействия коррупции ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права» (г. Казань), член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Набережные Челны, Россия). E-mail: kabanov@mail.ru

© П.А. Кабанов, 2013

Под типологизацией обычно понимают умение находить, подмечать в окружающем типичное, повторяющееся, а затем, адекватно увиденному, его классифицировать.¹ Этот метод позволяет обнаруживать группы схожих между собой людей в виде логических моделей — так называемых идеальных типов.² В отечественной криминологической науке под типологизацией (типологией) преступника понимается сведение однообразных (типичных) образцов преступного поведения в наиболее общую её модель (тип).

¹ Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т.1. Теория и методология. — М., 2003. — С. 17.

² Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2004. — С. 27.

Как отмечали зарубежные криминологи ещё в XIX веке, родовой тип нельзя видеть глазами, его можно представить себе лишь мысленно.³ При типологизации преступников во внимание берутся, прежде всего, собственно криминологические признаки: криминальная мотивация, степень криминогенной заражённости или общественной опасности, её глубина и стойкость, характер направленности. Также учитываются и другие качества личности,⁴ которые повторяются. Вариантов типологии может быть предложено множество, в зависимости от оснований дифференциации преступников и целей проведения научного исследования.

Классификация, как общенаучный метод познания человека и общества, основана на группировке людей по тем или иным относительно устойчивым критериям. В криминологической науке классификации подвергаются многие объекты, составляющие её предмет, в том числе и преступники. Классификация преступников как метод познания лиц, совершивших преступления, представляет собой группировку атрибутивных, то есть неотъемлемых признаков этих лиц. Эти признаки носят внешний, формальный характер; например: социально-демографические (пол, возраст, образование, профессия и др.); собственно-криминологические (вид преступного деяния, формы вины, роль в преступлении, повторность преступления и др.).⁵ Классификация преступников возможна и по иным основаниям (параметрам), об этих особенностях криминологического познания писали ещё в XIX веке зарубежные криминологи.⁶

³ Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М., 2004. — С. 149–150.

⁴ Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. — Н. Новгород, 2004. — С. 229; Горшенков Г.Н. и др. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / Под общ. ред. В.П. Сальникова. — СПб., 2001. — С. 63.

⁵ Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. — 2-е изд., доп. — Н. Новгород, 2007. — С. 34.

⁶ Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М., 2004. — С. 53–55.

Невзирая на общность классификации и типологии преступников как методов криминологического познания они отличаются друг от друга не только по содержанию оснований, но и целями использования. Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, самым важным отличием классификации от типологии является то, что первая даёт описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) — его объяснение.⁷ В.Н. Бурлаков, описывая криминогенную личность, указывает, что по сравнению с классификацией типология находится на более высоком уровне абстракции. Её базисом (или критерием типологизации) являются свойства, которые определяют, в конечном счёте, характер развития искомого явления и, будучи объективно существующими, проявляются не иначе, как через систему более простых, элементарных признаков. Таким образом, заключает учёный, типология отражает качественно однородную совокупность проявлений своего объекта, все единицы которой имеют общую закономерность развития.⁸

Однако научное исследование личности преступника не может ограничиваться только одним из указанных методов. Необходимо их сочетание, поскольку эти методы дополняют друг друга и позволяют исследователю на разных уровнях обобщения изучать наиболее характерные свойства личности преступника. Вместе с тем в отдельных учебных криминологических работах происходит неоправданное отождествление указанных научных методов криминологического познания.⁹

Криминологической типологии и классификации в отечественной криминологии стали подвергаться не только личность преступника в рамках общей теории, но и отдельные виды преступников

⁷ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. — М., 2004. — С. 91; Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. — СПб., 2004. — С. 145.

⁸ Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: проблемы моделирования. — СПб., 1998. — С. 31.

⁹ Криминология: Учебное пособие / А.В. Боков, С.А. Садовников, Е.А. Антонян и др.; Под ред. проф. С.М. Иншакова. — М., 2005. — С. 211.

в рамках частных научных направлений. Например, профессор М.Г. Миненок разработал и предложил типологию личности расхитителя,¹⁰ Т.В. Пинкевич выработала типологию и классификацию экономических преступников,¹¹ В.Н. Бурлаков — организованных преступников.¹² Этот перечень группировки преступников традиционных научных направлений можно было бы и продолжить. Что же касается отдельных, относительно новых научных направлений криминологического знания, то здесь об использовании типологии и классификации преступников сведений не приводится.¹³ С учётом изложенного можно констатировать, что в отечественной криминологии в достаточной мере уделяется внимание типологии и классификации преступников, однако во вновь формируемых научных направлениях — отраслях и частных криминологических теориях этому вопросу внимания уделяется недостаточно.

К числу формирующихся новых научных направлений относится и политическая криминология, в рамках которой до настоящего времени достаточно полно и обстоятельно не разработаны ни типология, ни классификация политических преступников. Имеются лишь наиболее общие представления и суждения по этому вопросу профессора С.М. Иншакова, высказанные им в учебной литературе, что не лишает их научной ценности, но они

¹⁰ Миненок Г.М. Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология: Учебное пособие. — Калининград, 1980. — С. 60—65.

¹¹ Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: Монография. — М., 2003. — С. 163—177.

¹² Бурлаков В.Н. Развитие преступности и социальный контроль // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 1. — С. 143—147.

¹³ Старков О.В. Криминопенология: Учебное пособие. — М., 2003; Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминопенология: религиозная преступность / Под общ. ред. О.В. Старкова. — СПб., 2004; Шестаков Д.А. Семейная криминология: Кримиофамилистика. 2-е изд. — СПб., 2003; Горшенков Г.Н. Криминология массовых коммуникаций. — Н. Новгород, 2003; Тангиев Б.Б. Экокриминология (oikoscriminologos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. ред. В.П. Сальникова; предисл. Д.А. Шестакова. — СПб., 2005.

нуждаются в некотором дополнительном научном обосновании, уточнении и объяснении. Учитывая позитивный опыт наших предшественников, мы попытаемся предложить собственные подходы к формированию типологии и классификации политических преступников.

Согласно общепринятой в отечественной криминологии типологизации и классификации преступников, мы вначале попытаемся рассмотреть и описать основные типы политических преступников, а уже затем произведем их классификацию. Как уже ранее отмечалось, типологизация преступников может происходить по трём основным критериям: по субъективному критерию — мотиву совершения преступления¹⁴ и объективным критериям — по характеру направленности преступной деятельности и степени общественной опасности лица, совершившего преступление, или степени его криминального заражения. Эти критерии в полной мере относятся и к типологизации политических преступников.

Типологизация политических преступников по субъективному критерию — мотиву совершения преступления — в отечественной криминологической науке ещё не достаточно разработана, но зарубежными специалистами она уже длительное время активно используется. Так, известный немецкий криминолог Г.Й. Шнайдер на основе мотивационного подхода выделяет два следующих типа политических преступников:

- 1) по убеждению и
- 2) по ложно усвоенному убеждению.

По его мнению, первый тип политических преступников обычно уверен, что совершаемые им преступления необходимы для блага общества и государства или каким-то образом оправданы их интересами. Он не считает себя преступником, представляя себя идеалистом, альтруистом, неким политическим пророком, мессией. Этой категории преступников

¹⁴ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М., 2004. — С. 83; Лунеев В.В. Криминологическая классификация преступлений // Советское государство и право. — 1986. — № 1. — С. 126.

присуща искренняя вера в истинность и справедливость своего политического credo, и преданность своей идеологии,¹⁵ иначе называемая политической одержимостью, то есть стремлением человека повторять одно и то же злодеяние¹⁶ или группу однородных по своим целям и мотивам политических преступлений. Иногда эту группу преступников именуют «идейными», поскольку они действуют ради торжества известной моральной или социальной идеи.¹⁷

В отличие от политического преступника по убеждению, политический преступник по псевдубеждению преследует в своей деятельности только личные цели; его «политические убеждения» служат лишь ширмой для саморекламы. Он совершает преступления из стремления установить или утвердить свою власть и/или политическое влияние из авантюристических побуждений или ради собственной политической карьеры. Таких политических преступников В.В. Лунеев справедливо называет лицами, которые «ловят рыбку в мутной воде», — честолюбцами, авантюристами, любителями политических скандалов, двуличными субъектами, провокаторами.¹⁸ Это люди, выступающие под радикальными политическими лозунгами, афиширующие себя и способные совершить политическое преступление, если и поскольку оно им лично выгодно.¹⁹ По мнению Г.Й. Шнайдера, эту категорию политических преступников следует рассматривать как наиболее опасную, так как

под маской идеалиста такие политические преступники скрывают мощную криминальную энергию,²⁰ приносящую огромный, а порой и невосполнимый вред личности, обществу и государству.

К первому виду политических преступников, на наш взгляд, следует отнести политических террористов, смертельно ранивших 1 марта 1881 года Российского Императора Александра II в целях изменения формы государственного управления в России, ложно полагавших, что с помощью актов политического терроризма можно добиться поставленной цели и изменить форму государственного устройства.

Ко второму виду политических преступников следует отнести известного террориста прошлого века, называвшегося в средствах распространения сведений «террористом века», «профессиональным революционером», «марксистом-ленинцем» Ильича Рамиреса Санчеса Карлоса, неоднократно совершавшего помимо актов организованного политического терроризма и террористические акции (похищение людей, захват заложников) в целях последующего получения денежного выкупа от заинтересованных в их освобождении физических и юридических лиц.²¹

Разумеется, мотивационный подход не исчерпывается указанной типологией. Политическое целеполагание одних лиц (организаторов, подстрекателей) не всегда предполагает наличие политических мотивов у другой категории лиц (исполнителей и пособников). Вторые чаще реагируют на иные мотивы, которые формируются не только внешней средой, но и личными потребностями. В отдельных случаях для вдохновителей (организаторов и подстрекателей) политической преступной деятельности дополнительный или второстепенный характер имеет иная мотивация (корысть, национальная ненависть или вражда, месть, зависть и др.). Эти мотивы

¹⁵ Шнайдер Г.Й. Криминология. Пер. с нем. — М., 1994. — С. 438.

¹⁶ Голлэндер. Причины преступности / Пер. с англ. // Тюремный вестник. — 1908. — № 4. — С. 366–367.

¹⁷ Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. — М., 2007. — С. 254.

¹⁸ Лунеев В.В. Политическая преступность // Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1999. — С. 333.

¹⁹ Лунеев В.В. Политическая преступность // Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — М., 2004. — С. 323.

²⁰ Шнайдер Г.Й. Криминология. Пер. с нем. — М., 1994. — С. 438–439.

²¹ Сабов А. Новый Ильич: между волком и шакалом // Российская газета. — 1998. — 6 января; Лукьянов Ф. Убийственный выстрел в миллион долларов // Российская газета. — 2000. — 15 сентября.

исследователям также не следует игнорировать.

По мнению С.М. Иншакова, весьма продуктивной выступает типология по характеру мотивации. По этому основанию он выделяет:

- идеологический тип;
- религиозный тип;
- корыстный тип;
- властный тип (стремящийся к обладанию властными полномочиями);
- трусливый тип (изменяющий Родине по трусости).²²

Действительно, подобная типология крайне важна для оценки мотивов поведения тех исполнителей и пособников политических преступлений, которые совершают преступления под воздействием организаторов и подстрекателей, добивающихся достижения, в первую очередь, политических целей.

В качестве основания типологизации политических преступников используется такой критерий, как криминальная заражённость или общественная опасность. По степени общественной опасности или криминальной заражённости личности политического преступника можно выделить и предложить три типа политических преступников: особо опасный, опасный и случайный.

Особо опасный тип политического преступника — это самые опасные политические преступники, для которых характерны внутренняя тяга к совершению повторных политических преступлений, активность к созданию собственными усилиями условий для совершения тяжких и особо тяжких политических преступлений. Для этих лиц совершение политических преступлений становится профессией. Как правило, такие лица занимают руководящие должности в террористических или экстремистских преступных организациях. Они отчетливо представляют негативные последствия своей противоправной деятельности и стремятся к достижению политических целей противоправными

средствами. Ярким представителем особо опасного типа политического преступника, судя по описаниям средств распространения сведений, являлся глава международной террористической организации «Аль Кайда» Усама бен Ладен.

Опасный тип — это политические преступники, совершающие тяжкие насильственные политические преступления и являющиеся, как правило, активными участниками незаконных вооруженных формирований. В качестве самостоятельных преступлений они могут совершать индивидуальные политически мотивированные террористические акты или диверсии из мести органам государственной власти либо их представителям или за денежное вознаграждение по инициативе других лиц.

Случайный тип — это политические преступники, совершающие политические преступления под давлением жизненной ситуации. Они являются второстепенными участниками политической преступной деятельности, выполняя второстепенные, как правило, пособнические функции и не представляют большой общественной опасности. По мнению В.В. Лунева — это второстепенные массовые участники политических акций, действующие обычно под влиянием более зрелых и авторитетных инициаторов и руководителей. По его мнению, часто это случайные члены толпы, собравшиеся на митинг или демонстрацию и под воздействием минутных настроений способные совершить преступление (массовые беспорядки, вандализм, нападение на представителей власти и т.п.). Они тоже руководствуются политическими мотивами, но отличаются от первых двух типов политических преступников тем, что их политическая мотивация поверхностная, случайная, неустойчивая. Среди них бывает много незрелой молодежи, нередко психопатических, экзальтированных личностей.²³

²² Иншаков С.М. Криминологическая характеристика и предупреждение политической преступности // Криминология: Учебник / Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2005. — С. 433.

²³ Лунев В.В. Политическая преступность // Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1999. — С. 334; *Его же*. Политическая преступность // Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — С. 323–324.

По характеру направленности политической преступной деятельности, связанной со способами совершения политических преступлений, можно предложить ещё одну типологию политических преступников: а) лица, совершающие политические преступления, сопряжённые с применением насилия и б) лица, совершающие политические преступления, не сопряжённые с его применением. Ещё Аристотель в своей работе «Политика» писал, что политические преступления совершаются либо путём насилия, либо путём обмана.²⁴ По этому основанию можно разделить всех политических преступников на две большие криминологические категории (группы): политических насильников (*политических экстремистов*) и *политических мошенников*. Такой подход не встречает каких-либо серьёзных возражений со стороны научного сообщества, а наоборот находит поддержку отдельных его представителей²⁵ и средств распространения сведений.²⁶ Хотя второй тип политического преступника отечественные криминологи иногда именуют иным политико-криминологическим термином — «политические авантюристы»,²⁷ что не исключает необходимости подобной типологизации.

По мнению С.М. Иншакова, среди политических преступников можно выделить: 1) *патриотов* (тех, кто преступной деятельностью стремится укрепить Отечество, избавить его от порочной политической системы и порочных политических деятелей); 2) *врагов государства* (тех, чья деятельность направлена на осла-

бление государственной безопасности, утрату суверенитета, территориальной целостности, причинение экономического ущерба).²⁸ Цель совершения патриотами политических преступлений — соответствие государственной политики интересам народа, которая характеризуется бескорыстием преступного поведения. Враги государства, как правило, совершают политические преступления из корыстной заинтересованности, реже по идеологическим и религиозным мотивам.²⁹ Предложенная Аристотелем и интерпретированная С.М. Иншаковым типология, на наш взгляд, хотя и может быть использована для научных целей, но имеет ряд недостатков. Во-первых, трудно назвать преступника, даже если он совершает преступление во благо идеи или ради благополучия отдельных социальных групп термином «патриот» — лицом, действующим в интересах всего народа, общества или дела.³⁰ Поскольку совершение им преступления, ответственность за совершение которого устанавливается самим же обществом и государством, лишает его этого доброго имени. Во-вторых, вызывает сомнение использование термина «враг государства», оно содержит в себе больше оценочное политико-эмоциональное отношение к лицу, совершившему преступление, чем описывает его типичные или типовые признаки, пригодные для исследования личности политического преступника.

Предпочтительней, на наш взгляд, выглядит типология политических преступников, основанная на способах совершения преступлений. Она нам представляется более универсальной и этимологически точной, и мы в последующем будем придерживаться именно её, дав предварительно этим двум типам соответствующие определения.

По нашему мнению, политическими насильниками (*политическими экстреми-*

²⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х томах. — М., 1983. — Т. 4. — С. 527—536.

²⁵ Бурлаков В.Н. Развитие преступности и социальный контроль // Правоведение. — 2002. — № 1. — С. 147—148.

²⁶ Политические мошенники (редакционная статья) // Рабочий класс. — 2009. — Октябрь. — № 38 (477).

²⁷ Кудрявцев В.Н. Популярная криминология. — М., 1998. — С. 102; Бурлаков В.Н. Современные направления в отечественной криминологии (семейная, экономическая, пенитенциарная и политическая криминология) // Криминология: Пособие для подготовки к экзамену / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. — СПб., 2003. — С. 25.

²⁸ Иншаков С.М. Криминология: Учебник. — М., 2000. — С. 221.

²⁹ Иншаков С.М. Криминология: Учебное пособие. — М., 2002. — С. 236—237.

³⁰ Современный словарь иностранных слов. — М., 1993. — С. 450; Различие между демагогом и патриотом // Дух журналов. — 1820. — Кн. 7. — С. 63—78.

стами) следует считать тех людей или социальные группы (субъектов политики), которые для достижения политических целей (личных или групповых) используют любые насильственные методы, запрещённые действующим российским и/или международным уголовным законодательством (захват заложников, похищение людей, пиратство, терроризм, вооружённый мятеж, насильственные захват или насильственное удержание власти, военную агрессию, геноцид и т.п.).

Политическими мошенниками можно условно назвать всех тех лиц, которые совершают преступления для достижения своих (личных и/или групповых) политических целей, используя различные формы обмана (политическую коррупцию, фальсификацию официальных документов, обман избирателей и т.п.).

Типологию политических преступников можно продолжить и по такому критерию, как состояние их психического здоровья. По мнению известного немецкого ученого Ганса фон Гейтинга, среди политических преступников имеются лица с психическими отклонениями, которых иногда именуют *личностью с психо- или социопатологическим развитием*.³¹ Они являются непреклонными фанатиками и идеологическими «благодетелями человечества», которые в течение всей жизни накапливают в себе многочисленные психические недостатки, и некоторые из них довольно легко используют дезорганизацию в обществе. Политический преступник, по его мнению, действует, преследуя, прежде всего, интересы собственной политической карьеры, в ходе которой он благодаря процессу интеракции обретает стремление к власти, развивает в себе нетерпимость к людям и чувство собственного превосходства.³² По другим данным, лица с психическими отклонениями совершают около 40 % покушений на жизнь глав государств. Страдали психическими заболеваниями террористы, покушавшиеся на жизнь таких

политиков как: Л.И. Брежнев (В. Ильин), Б.Н. Ельцин (Кислов), М.С. Горбачёв, А.И. Лукьянов (А. Шмаков).³³ Тем самым подтверждается вывод, сделанный ещё в начале XX века известным итальянским криминологом и антропологом Ч. Ломброзо, о том, что большинство психически нездоровых людей способны совершать в большей мере из всей массы политических преступлений — политические убийства.³⁴ При этом, по мнению Ч. Ломброзо и его ученика Р. Ляски, из всей массы обследованных ими 50 участников «Парижской коммуны», названных ими «нравственно помешанными» и «бунтарями», пятеро (или 10 %) по медицинским параметрам и психическому состоянию были отнесены к категории «сумасшедшие».³⁵ Здесь мы видим, что эти авторы расширили категорию психически нездоровых преступников, дополнив её новой категорией — бунтарями.

Отечественные специалисты начала XX века, анализируя пенитенциарную статистику, отмечали, что в местах лишения свободы в общей структуре душевно больных преступников политические преступники составляли лишь 5,5 %. Среди них было 2,2 % осуждённых за государственные преступления и 3,3 % осуждённых за преступления против общественного спокойствия и безопасности.³⁶ Современные зарубежные исследователи также отмечают наличие психических отклонений у некоторых категорий политических экстремистов, в частности у такого их вида, как террористы.³⁷

Обращая внимание на влияние психических отклонений, необходимо одновременно отметить, что их наличие у человека автоматически не приводит к совершению

³¹ Молокоедов В. Организованная преступность и терроризм: взаимосвязь финансовых основ. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=983&more=1&c=1&tb=1&pb=1> (дата обращения: 01.03.2013).

³² Цит. по: Шнайдер Г.И. Указ. раб. — С. 439.

³³ Террор и антитеррор: Покушения, взрывы, убийства / Сост. Т.И. Ревяко. — Минск, 1997. — С. 25.

³⁴ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. (Параллель между великими людьми и помешанными) / Пер. с итал. — Минск, 1998. — С. 231.

³⁵ Ломброзо Ч., Ляски Р. Указ. раб. — С. 34–36, 127.

³⁶ Парвев П. Статистика душевно-больных преступников за 1913 год // Тюремный вестник. — 1914. — № 12. — С. 2128–2134.

³⁷ Бартол К. Психология криминального поведения / Пер. с англ. — СПб., 2004. — С. 296.

политических преступлений. На индивидуальном уровне можно говорить лишь о возможности совершения политического преступления психически нездоровыми лицами, и только на высоком статистическом уровне криминогенность этих лиц может проявиться ярко и неизбежно. Нужно заметить, что влияние психических расстройств на совершение политических преступлений можно рассматривать только в определённой сложной политической обстановке или длительном политическом конфликте, в условиях политической стабильности они проявляются реже.

Рассмотренные типологии политических преступников, как и другие, существующие в криминологии, носят условный характер. Не каждый политический преступник может быть однозначно отнесён к тому или иному типу. В реальной жизни можно увидеть в их среде представителей смешанных или промежуточных групп.

Как мы уже отмечали, помимо типологии существует и другой метод группировки политических преступников — криминологическая классификация, подразумевающая их деление на группы по иным основаниям, например, по видам совершаемых ими преступлений. Классификация политических преступников по видам совершённых ими преступлений подразумевает выделение их в однородные группы. Среди политических экстремистов можно выделить несколько видов:

1. *Международный политический преступник* — лицо, совершившее международное насильственное политическое преступление либо способствовавшее его совершению.

2. *Политический террорист* — лицо, совершившее акт политического терроризма либо способствовавшее его совершению, одним из видов которого является политический убийца.³⁸

3. *Мятежник (бунтарь или бунтовщик)* — лицо, принимавшее активное участие в совершении захвата власти или вооружён-

ного мятежа либо способствовавшее их совершению.

4. *Тоталитарный преступник* — лицо, принимавшее активное участие в осуществлении политических репрессий в отношении значительной части населения государства, гражданином которого он является.

5. *Электоральный преступник* — лицо, совершившее насильственное электоральное преступление (акт электорального экстремизма (электорального терроризма, электорального вандализма и т.д.) либо способствующее его совершению.

Политические мошенники могут быть условно классифицированы в зависимости от совершённых ими политических преступлений на следующие категории: *политических коррупционеров* — лиц, для совершения актов политической коррупции использующих подкуп и иные коррупционные методы и средства, а также *политических мошенников* (в узком смысле слова) — лиц, использующих политический обман или злоупотребление доверием в качестве средства достижения политических целей.

Уголовно-правовые критерии криминологической классификации политических преступников можно продолжить и таким критерием, как характер преступной деятельности: в группе лиц, в составе организованной преступной группы, в составе экстремистского сообщества, в составе террористической организации. Кроме того, возможна классификация политических преступников в зависимости от роли, которую они выполняют в осуществлении преступлений или преступной деятельности: организатор, подстрекатель, исполнитель, пособник.

Классификация политических преступников необходима и возможна не только по уголовно-правовой квалификации содеянного деяния, но и по иным критериям. Например, на основе использованных для совершения политического преступления средств. Если для совершения политического преступления используются средства распространения сведений то можно говорить об *информационном (массово-коммуникативном) политическом преступнике*.

³⁸ О политических убийствах см.: Данилов А.П. Латентность политических убийств в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — 1 (16). — С. 150—162.

Политических преступников можно классифицировать и по таким постоянным социально-демографическим признакам, как профессиональная или служебная деятельность.

По мнению С.М. Иншакова, по профессиональному или должностному статусу политические преступники классифицируются следующим образом:

- государственный деятель;
- военачальник;
- разведчик (как политический, так и экономический);
- диверсант (лицо, организующее или совершающее разрушения и повреждения различных объектов в одной стране в интересах другой);
- террорист (лицо, специализирующееся на уничтожении политических и государственных деятелей, представляющих опасность для иностранного государства);
- агент влияния (лицо, занимающее государственную должность и использующее должностные полномочия в пользу другого государства).³⁹

Безусловно, подобная классификация политических преступников продуктивна и может быть использована для их исследования. Однако вызывает сомнение включение в число профессионалов диверсантов и террористов, ведь это представители профессиональной преступности, как и профессиональные убийцы, которых в этой классификации не оказалось. Данное положение не исключает того факта, что отдельные государства используют свои вооружённые силы или подразделения специальных служб для проведения тер-

рористической деятельности или диверсионной работы как внутри государства, так и за рубежом.

Следует отметить, что наиболее часто употребляемой криминологической классификацией являются половозрастные характеристики преступников, их социальный статус, образование, профессиональная принадлежность и другие, которые сами по себе в одиночку не представляли бы криминологического интереса, если бы они не были связаны между собой. Эти социально-демографические данные, как правило, образуют криминологическую характеристику или «обзорный портрет» личности среднестатистического политического преступника. Однако до настоящего времени крупных научных исследований, посвящённых криминологической группировке политических преступников, не проводилось, что следует рассматривать как перспективное направление современной российской политической криминологии, а точнее её раздела — криминальной политической антропологии.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, существует несколько относительно самостоятельных типов и видов политических преступников, требующих дополнительных исследований с использованием других методов. Во-вторых, типология и классификация политических преступников как методы научного познания должны способствовать выработке эффективных мер предупредительного воздействия на однородные группы лиц однородными средствами.

³⁹ Иншаков С.М. Криминология: Учебное пособие. — М., 2002. — С. 237.

КРИМИНОЛОГИЯ СРЕДСТВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ

УДК 343.9
ББК 67.51

А.М. Смирнов*

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ НА ПРЕСТУПНОСТЬ И ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН САМОСТОЯТЕЛЬНО РЕАГИРОВАТЬ НА НЕЁ

Выжимка: Самое существенное влияние на готовность граждан к самосуду оказывают художественные и анимационные фильмы про супергероев.

Ключевые слова: средства распространения сведений; преступность; самосуд, супергерои.

А.М. Smirnov

THE EFFECTS OF MASS MEDIA ON CRIME AND CITIZENS' READINESS TO RESPOND

Summary: The most significant influence on the citizens' readiness to lynching is exerted by feature and animated films about super heroes.

Key words: mass media; crime; lynching; super heroes.

Ни для кого не секрет, что средства распространения сведений оказывают сильное влияние на сознание и мировоззрение граждан, формируют их взгляды и убеждения. Эту уникальную способность СМИ применяли и применяют власть и «сильные мира сего» для формирования взглядов и убеждений, императивов поведения заданной группы людей или общества в целом. Данное «оружие» широко используется как в мирных целях, так и для реализации антисоциальных (преступных) намерений. Как справедливо отметил А.Г. Горшенков, СМИ как один из факторов мощного воздействия на сознание и волю людей могут быть использованы равно как во благо обществу, его культуре, нравственности, так и во вред этим важным сферам социальной жизнедеятельности.¹

* Александр Михайлович Смирнов — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: niifsin_smirnov@mail.ru.

© А.М. Смирнов, 2013

¹ Горшенков А.Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 1999. — С. 3.

То, что мы наблюдаем на экранах телевизоров, в кинотеатрах, слышим по радио, читаем на рекламных щитах незаметно для нас становится частью нашей жизни, приобретает характер традиционности и необходимости, приобщает нас, особенно детей и молодёжь, к заданным моделям поведения. Исследователи в области массово-правовой информации отмечают, что по масштабу охвата адресатов и силе психологического воздействия на них, СМИ особенно эффективны как институт манипуляции.²

Вопросам влияния средств распространения сведений на преступное поведение людей уделяется достаточно много внимания. Среди отечественных криминологов следует указать Д.А. Шестакова, положившего начало разработке основ и методологии изучения влияния информации на сознание и поведение граждан,³ а также

² Сочнев Д.В. Молодёжь, СМИ и правоохранительные органы: оптимизация взаимодействия. — Н. Новгород, 1999. — С. 69.

³ Роль художественной литературы и средств массовой информации в профилактике правонарушений и преступности // «Общественное мнение в борьбе с правонарушениями» / Под ред. прокурора

Г.Н. Горшенкова, сформировавшего в России криминологию массовой коммуникации — как самостоятельную отрасль науки о преступности.⁴

В рамках настоящей статьи основное внимание уделено проблеме культивирования средствами распространения сведений готовности граждан самостоятельно, без обращения в специально уполномоченные государственные органы, с помощью насилия решать свои проблемы — вершить самосуд. *Самосуд* в нашем понимании — негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное реагирование граждан в форме возмездия на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций.⁵

Криминологи неоднократно акцентировали внимание на том, что в мире кино, телевидения и популярного «чтива» в последнее время доминирует криминальная тематика. По некоторым подсчётам по российскому телевидению в день показывается до 20—30 криминальных сюжетов зарубежного или отечественного производства, которые зеркально отражаются в криминальной действительности. Фильмы, книги, телепрограммы о насилии, убийствах, грабежах, мошенничестве и других преступлениях смотрятся и читаются с большим интересом, чем о тех или иных добродетелях. Усиливается криминализация зрелищ.

Если в Европе и США принимаются жёсткие меры по ограничению насилия и порнографии на телевизионных экранах, особенно в часы, когда телепередачи смотрят дети, в России люди через средства распространения сведений всё более возвращаются криминальными зрелищами,

после чего инстинктивно начинают тянуться к ним.⁶

Мы согласны с мнением К.Ф. Затулина, что современное российское телевидение не так преподносит проблему убийства. Сейчас не описывают и не показывают убийство так, как это было, например, в романе у Ф.М. Достоевского, а делают всё, чтобы оно было эффективным, зрелищным, привлекательным. У нас по телевизору показывают низкопробные боевики, где людей убивают просто так.⁷ Проповедуемый в зарубежных фильмах, практически ежедневно демонстрируемых российским телевидением, стиль жизни, основанный на власти денег, наживы, силы, стал в короткий срок как бы общепризнанным, как бы «официальным» в нашем обществе, особенно у молодёжи.⁸

Современные пресса, кино, телевидение, «попса» и приобретающий огромное влияние Интернет умышленно или по неведению пытаются (особенно в России) вернуть человека к примитивному исходному состоянию. Основной критерий успешности кино и телевидения — не ближайшие и отдалённые криминальные и аморальные разрушительные последствия, а рейтинг, а с ним прибыль, сверхприбыль. «Самый кассовый фильм» — высший критерий современного киноискусства. А он прямо и непосредственно зависит от уровня «балдения» систематически зомбируемых масс.⁹ Д.А. Шестаков справедливо замечает, что скоробогачество (олигархия) в России, как и во всём мире, контролирует

Ленинграда А.Д. Васильева. — Л., Ленинградский региональный совет правоохранительных органов, 1987. — С. 15—17.

⁴ Горшенков Г.Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. Сыктывкар, 1997; *его*: Криминология массовых коммуникаций. — Н. Новгород, Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2003.

⁵ Смирнов А.М. Самосуд в России. — М.: Изд-во «Юрлитинформ». — 2013. — С. 13.

⁶ См. об этом: Прогноз криминогенной ситуации в Российской Федерации на 1999 год / В.И. Селивестров и др. / Под общ. ред. А.И. Гурова М.: ВНИИ МВД России, 1999; Состояние преступности в Российской Федерации и её долгосрочный прогноз / П.Г. Пономарёв, Г.Ф. Коимшиди, Е.Н. Коновалова и др. / Под ред. П.Г. Пономарёва. М.: ВНИИ МВД России, 1998.

⁷ См.: Телевизионная программа «Открытая студия». URL: <http://video.mail.ru/mail/olimp6662/7848/11509.html> (дата обращения 10.05.2013).

⁸ Чабаняц М.Б. Криминологические аспекты влияния насилия и жестокости в средствах массовой коммуникации на агрессивное поведение несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2002. — С. 8.

⁹ Лунев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 152—153.

информацию через *прямую фальсификацию фактов, создание впечатления открытой дискуссии, дозирование информации*.¹⁰

Для современных отечественных средств распространения сведений сейчас стало весьма популярным транслировать передачи, которые преподносят самосудные расправы как средство развлечения. В качестве примера можно привести телепередачу «Дорожные войны», в которой с достаточной долей юмора показываются видеоролики самочинных расправ на дорогах с участниками дорожно-транспортных происшествий или нарушителей Правил дорожного движения.

В этой связи О. Костина справедливо отмечает, что телезрители воспринимают увиденное в качестве своеобразного карт-бланша для сведения счётов со своими обидчиками в реальной жизни. В частности, телевидение очень много делает для героизации такого явления как самосуд.¹¹ Например, несколько лет назад во Франции прошла серия убийств. Как выяснилось, накануне показывали фильм, в котором подросток-мститель расправлялся со своими обидчиками. В результате в течение двух недель поклонники своего кумира, подражая ему, убили шестерых сограждан. Причём оказалось, что убийства были совершены точно по тому сценарию, который был продемонстрирован молодежи с экрана.¹²

Всё это, в конечном итоге, формирует у российских граждан психологическую готовность применять насилие в повседневной жизни, совершать преступления, расправляясь с причинителями вреда без обращения к официальному правосудию.

Безусловно, наиболее сильное влияние средства распространения сведений оказывают на несформировавшееся сознание несовершеннолетних.

¹⁰ Шестаков Д.А. Тень и свет правовой журналистики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 4 (27). — С. 64–68.

¹¹ Месть имею. URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=6&cid=3&t=v> (дата обращения 25.03.2013).

¹² Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред Д.А. Шестакова. — СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс». — 2003. — С. 176. (автор главы — Г.Н. Горшенков).

Медианасилие превращается в наркотик, вызывающий у детей привыкание. В качестве примера можно привести дело, получившее большой общественный резонанс в Великобритании (1993 год). Двое десятилетних мальчиков, прогуливая школу, похитили двухлетнего ребёнка в торговом центре. Они ушли с ним за две мили, а затем, избив его до смерти, оставили на рельсах, чтобы его переехал поезд. При судебном разбирательстве данного дела судья, характеризуя личности подсудимых, в числе прочего отметил: «Я не сомневаюсь, что оба мальчика часто смотрели фильмы со сценами насилия и аберрантного поведения».¹³

Здесь же следует указать на новую моду среди несовершеннолетних выкладывать на Интернет-порталах и сайтах лично снятые видеоролики со сценами насилия над сверстниками. При этом наделяя их ореолом «крутизны». У просматривающих их подростков с большой степенью вероятности может возникнуть желание повторить нечто подобное. Как отмечает А.В. Спирина, высокоагрессивные дошкольники не проявляют эмпатии к жертвам насилия, после просмотра телепередач с элементами насилия ведут себя агрессивно. Все дети после просмотра телепередач с элементами насилия отражают увиденное в игровой и творческой деятельности, видят во сне персонажей-агрессоров и сцены с элементами насилия из телепередач, идентифицируют себя с экранными персонажами и копируют их поведение.¹⁴

Однако не все учёные и специалисты едины во мнении о влиянии средств распространения сведений на криминальное поведение детей и подростков. Так, например, А.В. Фёдоров обращает внимание, что как в США, так и в России, есть иная точка зрения, согласно которой указанная прямая причинно-следственная связь

¹³ Постановление Европейского суда по правам человека от 16 декабря 1999 г. «Дело Т. против Соединённого Королевства» // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁴ Спирина А.В. Влияние восприятия телепередач с элементами насилия на отрицательные эмоциональные состояния детей дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2009. — С. 8.

между экранным и реальным насилием отсутствует.¹⁵ Данное умозаключение, по нашему мнению, выглядит весьма сомнительно.

Самое же существенное влияние на готовность граждан к самосуду, по нашему убеждению, оказывают художественные и анимационные фильмы про супергероев. Основная зрительская аудитория указанных фильмов — дети и подростки, которые таким образом уже с малолетства приобщаются к саморасправному способу разрешения конфликтных ситуаций (реагируют на преступность).

Сюжет большинства фильмов про супергероев, в сущности, сводится к тому, что некое лицо узнаёт о наличии у него сверхвозможностей (или оно само себе их создаёт), в связи с чем начинает самостоятельно расправляться с лицами, которых на своё усмотрение считает преступниками (явными, потенциальными или предположительными). По сути, это явный самосуд, поскольку эти герои не облечены никакой властью, никакими официальными полномочиями по реагированию на преступность и антисоциальный образ жизни. Служители же правопорядка в данных фильмах представлены в целом в негативном свете: как непрофессиональные лица, не способные справиться с преступностью, халатно относящиеся к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Не сложно понять, какие выводы после просмотра подобных кинолент делают для себя дети и подростки — с плохими людьми (преступниками) следует разбираться самостоятельно на месте, без обращения к беспомощным полицейским. Этот способ более эффективен в противодействии антисоциальному образу жизни и позволяет повысить собственную самооценку, снискать среди людей славу героя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что средства распространения сведений оказывают сильное влияние на привыкание граждан к преступному образу жизни и их готовность вершить самосудные

расправы над преступниками. Например, согласно приведённым Р. Герасимовым результатам социологических исследований, главного героя художественного фильма «Ворошиловский стрелок» поддержали 95 % деревенских и 99 % городских жителей.¹⁶

Ликвидировать подобную практику представляется весьма сложной задачей, поскольку современное отечественное масс-медийное искусство не возможно без насилия. Вместе с тем, необходимо использовать все позитивные контркриминальные возможности средств распространения сведений для создания атмосферы нетерпимости граждан к любым элементам преступного образа жизни, а также возвращения веры в справедливое и эффективное правосудие, чтобы граждане предпочитали обращаться к официальному судопроизводству, нежели решали криминальные конфликты самостоятельно.

Для достижения поставленной цели весьма эффективно предложение А.Г. Горшенкова: «СМИ обладают мощнейшим потенциалом идеологического воздействия, убеждения, правового просвещения и воспитания населения. С помощью этих информационных средств необходимо формировать у граждан «антикриминальный оптимизм», «снимать» страх перед преступностью».¹⁷

Так, например, Г.Н. Горшенков выделяет четыре цели массово-коммуникативного воздействия СМИ в правоохранительной сфере: 1) повышение среди населения сознательного отношения к правовым нормам; 2) демонстрация стабильности правовой нормы (и неотвратимости её применения); 3) повышение престижа правовой системы; 4) распространение среди населения нормативной информации справочного характера.¹⁸

¹⁶ См.: Телевизионная программа «Открытая студия». URL: <http://video.mail.ru/mail/olimp6662/7848/11509.html> (дата обращения 10.05.2013).

¹⁷ Горшенков А.Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации. ... — С. 6.

¹⁸ Горшенков Г.Н. Средства массовой коммуникации: криминологический аспект: Учеб. пособие. — Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы. — 2003. — С. 42—43.

¹⁵ Фёдоров А.В. Влияние телеэкранного насилия на детскую аудиторию в США // США — Канада: Экономика, политика, культура. — 2004. — № 1. — С. 77—93.

Мы согласны с его же предложением о скорейшей реализации на законодательном уровне мер по разумному и достаточному ограничению демонстрации средствами распространения сведений актов насилия, сексуальных эпизодов, различных патологий человеческого поведения, огульного очернения государственной политики без предложения конструктивных предложений. В том же направлении следует С.У. Дикаев, предлагающий установить цензуру деятельности СМИ,

обеспечивающую использование СМИ не для устрашения населения, а для его воспитания.¹⁹

Вся сфера массовой информации, пишет Г.Н. Горшенков, нуждается в нравственном оздоровлении, и хорошо, если отныне в ней начнут реализовываться меры, направленные на мобилизацию общественных и государственных резервов по формированию у граждан, и прежде всего подрастающего поколения, необходимых нравственно-правовых ценностей.²⁰

¹⁹ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. — Санкт-Петербург: Издательство Юридический центр «Пресс». — 2006. — С. 290.

²⁰ Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. — С. 124.

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*А.Г. Филимонова**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОЙ СФЕРЫ

Выжимка: Внутренний разлад в семье может привести к насилию над детьми и престарелыми родителями, к совершению несовершеннолетними правонарушений, детской беспризорности.

Ключевые слова: криминогенные факторы семейной сферы; преступления несовершеннолетних; Кемеровская область.

A.G. Filimonova

REGIONAL PECULIARITIES OF SOCIAL, ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES AS CRIMINOGENIC FACTORS OF FAMILY SPHERE

Summary: Family discord can lead to child and elder abuse, juvenile crime, child homelessness.

Key words: criminogenic factors of family sphere; juvenile crime; Kemerovo region.

В сложном взаимодействии обстоятельств и процессов, порождающих преступность, существенную роль играют негативные компоненты семейных отношений. Сплетаясь определённым образом между собой, а также с иными криминогенными детерминантами, они обуславливают совершение преступлений.¹

Внутренний разлад в семье может привести к насилию над детьми, престарелыми родителями, часто ведёт к совершению несовершеннолетними правонарушений, детской беспризорности. В свою очередь семья связана с макроструктурой общества, с основными закономерностями его развития.²

С началом реформ 90-х годов XX века показатели развития Кемеровской области характеризуются обострившимися негативными тенденциями. По данным Управления ЗАГС по Кемеровской области, за 9 месяцев 2011 года в Кузбассе сыграны 18 269 свадеб, а развелось 10 927 пар. То есть из 100 браков распадается 60. Это многолетний средний показатель для Кемеровской области, которая по числу разводов уже несколько лет по итогам года занимает 3-е место в Сибири. Кроме общих причин данного явления, к специфическим, характерным для Кемеровской области, относятся занятость глав семей в сырьевых, добывающих отраслях экономики.

Несмотря на то, что за последние годы наблюдается высокий рост уровня рождаемости, за последние 15 лет коэффициент рождаемости в целом ниже, чем в среднем по России. Растёт показатель внебрачной рождаемости. Довольно часто в наше время от детей, рождённых вне брака, отказываются матери. В 2009 году в роддомах области было оставлено 138 малышей. Бо-

* Анаргуль Григорьевна Филимонова — адъюнкт-кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anaga42@mail.ru.

© А.Г. Филимонова, 2013

¹ Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003. — С. 117.

² Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика. — С. 122.

лее 80 % оставленных детей были рождены вне брака.

На практике не редко встречаются и факты совершения детоубийств. *Например, гр-ка Семисотова Т.С., не имеющая своего жилья, регистрации на территории Российской Федерации и постоянного места жительства, после расставания со своим сожителем Шевяковым М.Г. осталась проживать в г. Новокузнецке Кемеровской области в съёмном жилье со своей малолетней дочерью Семисотовой Ю.М., 30.05.2010 г.р. В результате возникшей личной неприязни к своей малолетней дочери убила её, утопив в баке с водой.*³

Проблемы внутрисемейных насильственных преступлений или, как с подачи феминистского направления стало в последние годы модным писать, проблемы «домашнего насилия» в российской семейной криминологии относятся к числу наиболее разработанных.⁴ Детоубийство продолжает оставаться одним из наиболее распространённых видов женских насильственных преступлений. С учётом высокой их латентности составляет достаточно большую долю в структуре совершаемых убийств.⁵ Подобные факты совершения преступлений О.В. Лукичёв обосновывает тем, что определяющим в характеристике детоубийства является состояние женщины, при котором её способности к рассуждению и оценке своих поступков ослаблены. Это состояние субъекта характеризуется эмоциональным стрессом; нервным потрясением; травматическим неврозом; реактивным состоянием, возникшим под влиянием психотравмирующих переживаний, аффективным переживанием.⁶

³ См. Архив Кемеровского областного суда за 2012 г. Уголовное дело № 2-71/12.

⁴ Шестаков Д.А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ, 1976. — № 11. — С. 116—121; *его*: Введение в криминологию семейных отношений. — Л., ЛГУ, 1980. Харламов В.С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям милицией подразделениями. — СПб., 2007.

⁵ Лукичёв О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — СПб., 1997. — С. 10.

⁶ Лукичёв О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства. — С. 11.

Смертность населения трудоспособного возраста в Кемеровской области в среднем превышает среднестатистические российские данные в 1,5 раза. Объяснением этому могут служить более тяжёлые условия работы (условия неблагоприятного климата): работа в отрасли добывающей промышленности связана с высокой степенью производственного травматизма (туда же можно отнести техногенные аварии и катастрофы), работа в шахтах всегда связана с высокой вероятностью развития профессиональных заболеваний, ведущих к ранней инвалидизации и смерти. Также необходимо учитывать наличие большого числа маргинальных элементов, бомжей, алкоголиков, наркоманов. Смертность населения в трудоспособном возрасте влечёт за собой распространение сиротства и количества неполных семей, уровень дохода в которых в связи с потерей кормильца резко падает. Тем самым формируются условия для увеличения масштабов безнадзорности и преступности несовершеннолетних.

Немаловажным является проблема регионального рынка труда, который во многом носит структурный характер: при наличии безработицы экономика области по некоторым специальностям и уровню квалификации испытывает кадровый голод. Явление безработицы, несбалансированность рынка труда оказывают неблагоприятное воздействие на социальное положение населения Кемеровской области. В данных условиях уязвимыми оказываются не только сами безработные, но и члены их семей.

В такой жизненной ситуации несовершеннолетние дети подросткового возраста особенно склонны к совершению противоправных поступков, употреблению алкоголя и наркотиков, уходам из дома, бродяжничеству, в свою очередь их безработные родители, находясь в состоянии постоянного стресса, гораздо более склонны применять «физические меры воспитания», такие как избиения, побои, запугивание жестами, пощечины и т.п.

Благополучие детей напрямую определяется наличием необходимых условий для их воспитания и развития в семье. Основная часть взрослого населения об-

ласти, в том числе женщины, имеющие несовершеннолетних детей, вынуждены трудиться в режиме полного рабочего дня, подрабатывать в свободное от основного вида занятости время. В результате, взрослые меньше времени проводят со своей семьёй, уделяют недостаточное внимание детям, что создает благоприятные условия для бесцельного времяпрепровождения последних, и в конечном

счёте ведёт к совершению ими противоправных действий.

Особенности вышеуказанных социально-демографических процессов, происходящих в Кемеровской области, не способствуют укреплению семейных отношений, оказывают негативное влияние на несовершеннолетних, способствуют совершению ими таких преступлений, как воровство, хулиганство, убийство и других.

3. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

УДК 343.9

ББК 67.51

*В.П. Соломин, * А.В. Лавренко, ** В.Ю. Сморгунова****

СОВРЕМЕННЫЕ УЛИЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА

Выжимка: Важной мерой, направленной на решение проблемы уличных преступлений, является профессиональное влияние образовательных учреждений в рамках объединения в этом направлении сил государства и общества.

Ключевые слова: уличные преступления; государственное управление образованием; общественное участие в образовании.

V.P. Solomin, A.V. Lavrenko, V.Y. Smorgunova

MODERN STREET CRIMES AGAINST CHILDREN AMID LEGAL, SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CRISIS OF THE SOCIETY

Summary: An important measure to deal with street crimes is professional influence of educational institutions in the frames of combining state and social forces in this direction.

Key words: street crimes; state control over education; social participation in education.

Одной из самых социально незащищённых категорий населения в современном обществе являются несовершеннолетние. Именно в последние годы наблюдается

рост числа зарегистрированных преступлений по отношению к детям в семье, на улице и в учебных заведениях. В связи с этим, защита прав и законных интересов детей является приоритетным направлением деятельности всех правоохранительных органов. Государство же должно решать эту проблему как одну из наиболее важных, поскольку детское население России в несколько раз меньше, чем, например, в США, а количество детей означает будущее страны.

По России в 2011 году в отношении детей и подростков было совершено 89,9 тысяч преступлений, а в первом полугодии 2012 года — 44,9 тысяч. Чаще всего в 2012 году несовершеннолетние становились жертвами преступлений против жизни и здоровья (37,5 %), против собственности

* **Валерий Павлович Соломин** — ректор ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почётный работник науки и техники РФ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rector@herzen.spb.ru

** **Андрей Валерьевич Лавренко** — руководитель Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Санкт-Петербургу, почётный работник Следственного комитета при прокуратуре РФ (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: aselisa@mail.ru

*** **Валентина Юрьевна Сморгунова** — декан юридического факультета ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: prof_smorgunova@mail.ru

© В.П. Соломин, 2013

© А.В. Лавренко, 2013

© В.Ю. Сморгунова, 2013

¹ Владимир Колокольцев и Павел Астахов подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере детской безопасности 25 октября 2012. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.mvd.ru/news/show_115085/ (дата обращения 20.03.2013)

(21,5 %), половой неприкосновенности (10,6 %).¹

За 5 месяцев 2012 года на территории Санкт-Петербурга зарегистрировано 574 преступления, совершённых в отношении несовершеннолетних.² За последние 5 лет количество преступлений, сопряжённых с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних, сократилось с 2959 в 2007 году до 1092 в 2011 году, в том числе грабежей — с 1230 до 328, разбойных нападений — с 491 до 89. В 2012 году в структуре преступлений, потерпевшими от которых явились дети, выделяются грабежи, которых в 2011 году совершено 145, разбойные нападения (46), совершаемые с целью завладения имуществом, преимущественно — мобильным телефоном, изнасилования (13), насильственные действия сексуального характера (50), развратные действия (11).³

В настоящее время ситуация с уличными преступлениями в отношении несовершеннолетних в России, Европе и США оказывается примерно одинаковой. Также особый общественный резонанс в последнее время вызывают преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Однако число уличных преступлений (грабежей и разбоев) традиционно остаётся значительным. Эта ситуация связана с наличием общих причин. Главной причиной роста количества уличных преступлений традиционно является социально-экономический кризис. Сегодня кризис наблюдается в трёх названных регионах, впервые этот кризис является глобальным, и причины и последствия у него будут практически одинаковыми. Кризис влечёт за собой рост уровня безработицы, что приводит к росту преступности. Увеличение безработицы в РФ на 100 человек приводит к появлению 44 но-

вых преступлений в год.⁴ Это в основном кражи, грабежи и разбои. Несовершеннолетние же оказываются наиболее «подходящими» жертвами по названным выше причинам. В США, несмотря на похожие прогнозы, уровень уличных преступлений пока не растёт, что связывается с серьёзными наказаниями вплоть до тюремного заключения на длительные сроки.

Но с другой стороны, безработица приводит к тому, что родители вынуждены проводить время в поисках работы или работать гораздо больше, чтобы не потерять ту работу, которую они имеют. Они меньше времени уделяют детям, их безопасности. В результате дети становятся жертвами уличных преступников, проводя много времени вне дома, особенно в вечернее и ночное время, не соблюдая основных правил безопасности.

Ещё одной связанной с безработицей причиной уличных преступлений является рост миграции. В России, как и в Европе отмечается рост правонарушений мигрантов, в особенности тех, которые потеряли работу. Третьей причиной уличных преступлений в России, Европе и США является наркомания. Наркоманы, а также люди, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, совершают более половины грабежей и разбоев. В этом случае единственной мерой, которую могут принять родители, которые хотели бы уберечь своих детей, — это научить их правилам безопасности на улице.

Именно сейчас, несмотря на внесение в законодательство Российской Федерации ряда существенных изменений, направленных на профилактику преступных посягательств в отношении несовершеннолетних и ужесточение ответственности за совершение указанных преступлений, ситуация в этой сфере продолжает оставаться неблагоприятной. Для работы с детьми, пострадавшими от преступных посягательств, требуются квалифицированные, специально подготовленные кадры детских и подростковых психологов и судебных экспертов. Необходимо особое внимание

² Родители, будьте внимательны к своим детям! (статистика преступлений за 5 месяцев 2012 года). URL: http://okrugmorskoy.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=789:roditeli-budte-vnimatelny-k-svoim-detyam-statistika-prestuplenij-za-5-mesyaczev-2012-goda&catid=74:2011-07-13-11-52-13&Itemid=292 (дата обращения 22.03.2013)

³ Родители, будьте внимательны к своим детям! (статистика преступлений за 5 месяцев 2012 года).

⁴ Увеличение безработицы приводит к увеличению преступности. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/697891/> (дата обращения 20.03.2013).

к детям, против которых было совершено преступное посягательство на всех стадиях уголовного процесса, поскольку именно дети чаще оказываются неподготовленными к насилию. Особенно это относится к детям из благополучных семей, которые часто психологически не готовы к жестокости со стороны общества.

Руководством Следственного комитета, с учётом повышенной общественной значимости этих преступлений и в целях их эффективного расследования, принято решение о создании в составе управления процессуального контроля за расследованием особо важных дел в федеральных округах отдела по контролю за расследованием преступлений в отношении несовершеннолетних.

В целом статистика показывает, что за последние годы количество преступлений против несовершеннолетних сокращается, однако их число всё равно остаётся внушительным, что вызывает серьёзную озабоченность. Наиболее резонансными преступлениями, конечно, остаются преступления против половой неприкосновенности, на которые средства массовой информации и правозащитники обращают особое внимание⁵. Однако наибольшую долю в общем количестве преступлений против несовершеннолетних, как можно заметить, в соответствии со статистикой, занимают уличные грабежи и разбой.

Такое положение дел естественно, если вспомнить, что дети потому часто оказываются жертвами, что не способны защитить себя. По этому показателю среди уличных преступников наиболее «популярны» женщины и несовершеннолетние. Также у этих категорий пострадавших менее развита реакция на происходящее, а, следовательно, они не только не могут успешно сопротивляться, но чаще всего не способны описать или опознать преступника.

Указанная статистика, между тем, только приблизительно отображает состояние совершения преступлений против несовершеннолетних, так как значительная их

часть не регистрируется. Это так называемая латентная, т.е. скрытая, преступность (по мнению экспертов, до 2/3 уличных правонарушений не попадает в поле зрения правоохранительных органов).⁶ Это связано с тем, что не всегда потерпевшие или их родители обращаются в правоохранительные органы. Например, считая, что такое обращение не будет зарегистрировано в связи с относительно небольшой ценностью отобранного имущества (например, головные уборы — 23% случаев), хотя для семьи стоимость такого имущества может оказаться значительной. Список предметов, которые могут заинтересовать потенциального преступника, достаточно велик: мобильные телефоны, планшеты и электронные книги, ювелирные изделия, куртка, шапка, ботинки, сумка, кошелек (даже если в нем не больше пяти рублей), пакет с продуктами и т.д. Неверие в защиту со стороны государства, в то, что сотрудники полиции зарегистрируют заявление, к сожалению, значительно снижает число обращений пострадавших. Например, если похищена шапка стоимостью около 500 рублей, то этот факт может вызвать в большей степени морально-психологические последствия, нежели правовые.

С одной стороны, людям часто стыдно обращаться в полицию с подобным заявлением, поскольку в народе бытует мнение, что полицейские должны заниматься более «серьёзными» преступлениями, и этот миф, к сожалению, часто поддерживается самими полицейскими, которые отказываются регистрировать подобные заявления. Также потерпевшим стыдно перед другими людьми: родственниками, соседями, друзьями. Потерпевшие несовершеннолетние часто не признаются родителям, что против них совершено преступление. Это связано с тем, что в нашем правовом сознании бытует миф о виновности потерпевшего. Многие жертвы чувствуют себя виноватыми, что впоследствии затрудняет общение с другими людьми. Поэтому несовершеннолетние жертвы преступлений нуждаются в серьёзной психологической

⁵ О критике уголовной политики в отношении половых преступлений против несовершеннолетних см.: Шестаков Д.А. Тень и свет правовой журналистики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 4 (27). — С. 64—68.

⁶ Увеличение безработицы приводит к увеличению преступности. URL: <http://vz.ru/news/2012/12/10/611098.html> (дата обращения 22.03.2013).

реабилитации. Между тем статистика показывает, что почти одна треть лиц, совершивших грабежи и разбой, в 29,7 % случаев задерживалась при сбыте похищенных вещей, часть преступников (до 70 %) задерживают «по горячим следам».⁷

Многие боятся психологических последствий обращений: допросов, разговоров со следователем. Ребёнку очень трудно общаться с незнакомыми людьми, особенно, если они являются представителями власти, и рассказывать о том, что уже нанесло психологическую травму.

По неофициальной статистике только 10 % пострадавших обращаются за помощью. Важной проблемой становится то, что значительная часть грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности, остаётся нераскрытыми, растёт число приостановленных уголовных дел. Правоохранительные органы допускают серьёзные ошибки при анализе имеющейся информации, планировании первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, выдвижении версий, организации взаимодействия и т.п., которые негативно влияют на уровень раскрытия и качество предварительного следствия. Во многом этому способствует непонимание правоохранительными органами специфики преступных действий, направленных против несовершеннолетних.

Всё это порождает ощущение безнаказанности у преступников, которые сами считают, что зачастую стоимость похищенного не настолько велика, чтобы полиция занималась такими случаями. Это становится причиной того, что количество данных преступлений остаётся примерно одинаковым, а преступники в течение долгого времени продолжают совершать грабежи и разбой в отношении несовершеннолетних.

Вместе с тем эта проблема имеет и другую сторону: довольно часто преступления против несовершеннолетних совершают несовершеннолетние же преступники (26 %), что ставит перед государством, пра-

воохранительными органами и обществом, по меньшей мере, два важных вопроса. С одной стороны, это охрана прав несовершеннолетних, особые меры, направленные на обеспечение их безопасности, разработка особых процессуальных мер, направленных на их защиту. С другой стороны, это разработка мер по профилактике преступлений несовершеннолетних. В частности, как отмечают сотрудники правоохранительных органов, обе стороны этой проблемы связаны с неорганизованностью досуга таких несовершеннолетних, а также с неразвитостью их правосознания. Среди преступников есть учащиеся школ, гимназий, колледжей. Учебные заведения в свою очередь устраняются от воспитательных функций, а потому также разделяют ответственность за то, что незанятые подростки совершают преступления. Агрессивная информационная среда также способствует развитию подростковой преступности. Психологически несовершеннолетние не могут осознать, что их действия причиняют реальную боль, не только физическую, но и психологическую. И связано это зачастую с тем, что поток информации, связанной с убийствами, причинением травм практически не контролируется.

Основными видами преступлений, совершённых подростками, являются преступления корыстно-насильственной направленности — кражи, грабежи. Причём чаще всего эти преступления направлены именно против таких же несовершеннолетних. Несовершеннолетний может быть привлечён к уголовной ответственности за грабеж и разбой только с 14 лет. Принцип гуманности не позволяет снизить возраст наступления уголовной ответственности. Однако это делает неэффективной нашу правоохранительную систему, поскольку от действий таких подростково-преступников страдают часто не только такие же несовершеннолетние, но и взрослые. Основная доля уличных преступлений, совершённых с участием несовершеннолетних, приходится на грабежи (23 % от общего числа совершённых), кражи (45 % от общего числа совершённых).⁸ В проти-

⁷ В.Н. Долинин, Н.В. Рачева. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: Учеб.-метод. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России. 2002.

⁸ Понятие и характеристика уличной преступности. URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=158> (дата обращения 20.03.2013).

водействии преступлениям подростков значительное место должно отводиться деятельности органов ювенальной юстиции и ювенальных судов, которые ещё не созданы, и неизвестно, будут ли созданы, поскольку общество относится к ювенальной юстиции неоднозначно.

Социально-экономический кризис способствует тому, что родители оказываются часто не в состоянии уделять достаточно внимания воспитанию детей. Однако, с другой стороны, мы наблюдаем последствия 90-х годов XX века. Современные родители — подростки тех времён, когда, благодаря бесконтрольному потоку информации и формированию роли преступника-героя⁹, жестокость и безразличие к боли стали практически повседневной нормой. Такие родители сегодня воспитывают новое поколение детей. Во многих случаях с ними необходимо проводить серьёзную профилактическую работу, поскольку такие граждане халатно относятся к своим обязанностям по воспитанию, в результате чего становятся косвенными виновниками преступлений против детей. Так, например, подростки часто находятся на улице и в общественных местах (в частности, в развлекательных заведениях) позже 22 часов без сопровождения взрослых. В данном случае они попадают в зону риска. Преступники часто посещают рестораны, кафе, бары, дискотеки, где выявляют лиц виктимного поведения, устанавливают с ними знакомство и совершают в отношении этих лиц преступления. 35,5 % уличных преступлений совершается в вечернее время — с пяти вечера до часа ночи на неосвещённых участках улиц. 37 % происходит в ночное время, а оставшиеся преступления приходятся на дневное время.¹⁰

Статистика свидетельствует, что с наступлением холодов в осенне-зимний период и сокращением светового дня количество преступлений, совершаемых на

улицах, возрастает. Местами концентрации основных видов уличных преступлений становятся набережные, лесопарковые зоны, плохо освещённые жилые массивы.¹¹ В целях профилактики подобных преступлений также особое внимание следует обращать на лиц, освобождённых из мест лишения свободы, предоставляя им «возможность для ресоциализации»,¹² которые по статистике наиболее часто совершают насилие по отношению к детям.

Здесь важно учитывать, что также вина родителей заключается в том, что они не научили детей элементарным правилам безопасности, а между тем «случайных» жертв таких преступлений в общем числе незначительное количество. Уличные воры, грабители и другие преступники ищут жертв с несколькими ключевыми характеристиками. Во-первых, это наличие и чрезмерная демонстрация (хвастовство) некоторых ценных вещей (дорогих телефонов, электронных игр, ювелирных украшений и денег). Во-вторых, это явные признаки рассеянности, невнимательности. Например, несовершеннолетним свойственно оставлять свои вещи, забывать о них, давать пользоваться своими вещами посторонним людям. В-третьих, дети сами по себе — наиболее удачная жертва, поскольку очевидно, что они не смогут оказать серьёзного сопротивления. Они не подготовлены физически.

В нашем государстве проблема существует не только в сфере профилактики преступлений, совершённых против несовершеннолетних, но и, как было отмечено ранее, в последующей реабилитации. Эта система не налажена у нас в полной мере ни по отношению к взрослым пострадавшим, ни по отношению к детям, против которых совершено преступление. Практика расследования преступлений выявила проблемы межведомственного взаимодействия в непосредственной работе с пострадавшим несовершеннолетним и

⁹ Шестаков Д.А. Влияние социальных ролей на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя // Правоведение. — 1976. — № 3. — С. 132–136.

¹⁰ Понятие и характеристика уличной преступности. URL: <http://www.blog.servitutis.ru/?p=158> (дата обращения 20.03.2013).

¹¹ Понятие и характеристика уличной преступности.

¹² Каждое 4-е жестокое преступление против детей не раскрыто. URL: <http://chinovnikam.net/content/21/2033/1.html> (дата обращения 03.03.2013).

его родителями, а также их последующей реабилитации. Нет чёткой координации в работе медицинских учреждений, служб социально-психологической помощи, экспертных и следственных органов.¹³ Необходимо помнить о ранимости детской психики, о том, что последствия преступлений против несовершеннолетних могут проявляться через десятилетия во взрослой жизни. Дети в силу своих возрастных особенностей имеют намного меньше, сравнительно с взрослыми, возможностей защитить себя, а физические и психические травмы, причинённые вследствие преступных деяний, могут иметь более серьёзные последствия, нежели аналогичные травмы у взрослых. Между тем в школах сокращается число детских психологов. На начало 2011 года на 48 тысяч школ приходилось 16 тысяч штатных единиц. А на начало 2012 года их осталось уже меньше 12 тысяч.¹⁴ Наблюдается недостаток педагогов и психологов, обладающих необходимым комплексом знаний и навыков для участия в проведении следственных действий с несовершеннолетними. Также не хватает специальных помещений для работы с несовершеннолетними.¹⁵

Именно в ситуации, где жертвами преступлений становятся дети, под угрозой оказывается будущее страны, и от того, насколько эффективно государство защищает несовершеннолетних, зависит, какое именно будущее его ожидает.

В целях сотрудничества в сфере безопасности несовершеннолетних министр внутренних дел России В. Колокольцев и Уполномоченный при Президенте России по правам ребёнка П. Астахов в конце октября 2012 г. подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере детской безопасности.

Несомненно, положительный эффект имеет и то обстоятельство, что правоохрани-

тельным органам и правозащитникам оказывают помощь добровольцы. Однако зачастую их деятельность оказывается нескоординированной. Вместе с тем их участие, например, на стадии реабилитации пострадавших, невозможно переоценить. Гражданское общество через это участие оказывается активно вовлечённым в процесс обеспечения безопасности детей и подростков.

Для повышения уровня защиты несовершеннолетних, против которых совершаются преступления, считаем важным предложить определённые меры:

В рамках воздействия на семью и на несовершеннолетних необходимо:

- оказывать воздействие на семьи, в особенности, с негативной морально-правовой характеристикой;

- работать с детьми, которые остались без родительской опеки (например, с детьми, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы);

- проводить с несовершеннолетними по месту учёбы занятия для изучения способов самозащиты от насильственных деяний. Для этого рекомендуется разработать и распространить брошюры, в которых описывались бы основные правила поведения и самозащиты в случае совершения противоправных действий, а также советы, каким образом можно избежать ситуаций, в которых реализуется противоправное посягательство;

- постоянно информировать население (родителей и детей) о совершённых преступлениях, жертвами которых стали несовершеннолетние.

В рамках принятия законодательных мер необходимо:

- ужесточить уголовную ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления против несовершеннолетних;¹⁶

¹³ СКР: за три месяца в России убито 200 детей, а 800 подростков стали жертвами педофилов. URL: <http://www.newsru.ru/crime/01jun2011/statkid.html> (дата обращения 20.03.2013).

¹⁴ Итоги. — 2012. — 20 февраля. — С. 25.

¹⁵ СКР: за три месяца в России убито 200 детей, а 800 подростков стали жертвами педофилов.

¹⁶ Не все криминологи соглашаются с подобными предложениями, идущими вразрез с всемирно-исторической тенденцией к смягчению репрессии. См.: Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. — С. 152; его: Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 154—161.

— усилить меры надзора на стадии предварительного расследования за лицами, совершившими преступления против несовершеннолетних, путём избрания в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу;

— закрепить невозможность применения условных наказаний, а также условно-досрочного освобождения лиц, совершивших такие преступления, а в последующем вести за ними контроль.

В рамках организации работы органов по защите прав несовершеннолетних необходимо:

— создать инфраструктуру для подготовки специалистов по работе с несовершеннолетними, в частности, с целью подготовки специалистов в области криминальной педагогики, профессионалов, обладающих юридическими и психологическими знаниями, которые могли бы сопровождать следственные действия с участием несовершеннолетних. Для этого необходимо установить более тесное взаимодействие между правоохранительными органами, правозащитниками и вузами;

— организовать работу комиссий по делам несовершеннолетних путём расширения сфер их деятельности, а также упорядочить деятельность социальных учреждений для защиты несовершеннолетних (центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, органов опеки и попечительства, центры психолого-педагогической помощи семье и детям, служба экстренной психологической помощи детям и подросткам, телефоны доверия и пр.);

— создать систему ювенальной юстиции в России, которая будет способствовать обеспечению прав и интересов несо-

вершеннолетних, с введением в штат суда социальных работников, психологов, врачей и педагогов.¹⁷

Одной из важных сторон в профилактике уличных преступлений в отношении несовершеннолетних, а также последующей реабилитации является сотрудничество между правоохранительными органами и вузами. Студенты юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, с одной стороны, получают обширные знания в сфере юриспруденции, что позволяет им стать профессионалами в правоохранительной деятельности. С другой стороны, студенты получают знания в области гражданско-правового образования, педагогические знания, а, следовательно, имеют возможность воздействовать на гражданское общество, способствуя его развитию. Проводить пропаганду правовых знаний, оповещать учащихся и их родителей о мерах безопасности, о правильном поведении на улицах можно и нужно с помощью студентов юридического факультета. В настоящее время, обучение школьной медиации, которое проводится на юридическом факультете, способствует снижению уровня конфликтности в обществе. Именно школьная медиация может явиться инструментом для психологической реабилитации пострадавших в результате нападений на улице, снизить у подростка ощущение себя жертвой, вернуться к нормальному социальному общению. Необходимо проводить как профилактическую, так и реабилитационную работу через юридическую клинику юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, что является основой для предотвращения последствий уличных преступлений против несовершеннолетних.

¹⁷ Уже в 1996 году в России ставился вопрос о создании молодёжной юстиции, основу которой должны были составить семейные суды. См.: Шестаков Д.А. Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье; *его*: Семейная криминология. Семья — конфликт — преступление. — С. 175, 249—250

УДК 343.9
ББК 67.51

*Ю.Ю. Комлев**

РЕСТРИКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИНИМИЗАЦИИ ДЕВИАНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЁЖИ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Выжимка: Теория рестриктивного социального контроля (ТРСК) ориентирована на контроль и превенцию, прежде всего, подростково-молодёжной девиантности.

Ключевые слова: социальный контроль; девиантность; молодёжь.

Y.Y. Komlev

RESTRICTIVE SOCIAL CONTROL: PRINCIPAL CLAUSES AND PERSPECTIVES OF MINIMIZATION OF CHILD AND YOUTH DEVIANT ACTIVITIES IN TRANSITIONAL SOCIETY

Summary: The theory of restrictive social control (TRSC) is directed to the control and prevention of, first of all, youth deviation.

Key words: social control; deviation; the youth.

Проблематика социального контроля над массовым социально опасным и личностно деструктивным девиантным поведением в современном обществе — объект постоянного внимания исследователей: криминологов, социологов, психологов. Социальный контроль над такими проявлениями девиантности как преступность¹ во всех её проявлениях, алкоголизм, наркотизм, проституция, гемблинг и суицидальное поведение приобретает статус чрезвычайно актуальной научно-практической проблемы, особенно в контексте обеспечения общественной и личностной безопасности в переходном российском обществе.

* **Юрий Юрьевич Комлев** — доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России. (Казань, Россия). E-mail: levkom@list.ru

© Ю.Ю. Комлев, 2013

¹ О понятии и цели контроля над преступностью см.: *Шестаков Д.А.* Криминология, краткий курс: преступность как свойство общества. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; издательство «Лань», 2001. — С. 143–146.

Теоретическая, прикладная и социальная значимость совершенствования социального контроля заметно возрастает в условиях гиперполяризации социальной структуры, что во многом определяет процессы социального исключения и девиантнизации.

Как известно, в экономически развитых странах основу модели социального неравенства по критерию дохода составляет средний слой. В современных кризисных условиях средний слой размывается, образуя бимодальную структуру, поскольку постепенно уменьшается число семей со средними доходами, сокращается доля получателей пособий по программам социальной поддержки или уэлфера (welfare — благосостояние). При этом наблюдается рост доходов топ-менеджеров и гонораров звёзд шоу-бизнеса.² Однако поляризация структуры общества на высший слой сверхбогатых «включённых» и значительные массы «новых бедных» — «исключённых»

² *Иванов Д.В.* Глэм-капитализм. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — С. 99.

из социальных перспектив происходит постепенно путём снижения реальных доходов из-за инфляции, роста потребления за счёт накоплений, кризиса кредитования, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности.

В России на рубеже XXI века произошло стремительное обнищание и «исключение» больших масс населения, как результат шоковой терапии по Гайдару и приватизации по Чубайсу, а также череды последовавших рыночных реформ, появления скоробогачей (олигархии) и государственно-бюрократического капитализма в условиях транзита от командно-распределительного социализма. В неоднородной и сверх поляризованной социальной структуре российского общества, несмотря на реформы, и сегодня доминирует низший слой. Процессы поляризации и исключения в переходном обществе продолжают: в нашей стране бедные беднеют всё больше, богатые становятся всё богаче. Чем дальше от столиц продвигаешься в глубинку, тем более заметны следы этих перемен. Поляризация общественной структуры порождает множественные предпосылки детерминации негативной девиантности, осложняет ситуацию с социальным контролем и общественной безопасностью, особенно в ювенальной среде.

«Исключённые» подростки и молодые люди — основа социальной базы негативной девиантности в российском обществе. Они нередко оказываются беспризорными, бездомными, всё чаще совершают не только акты уличного хулиганства, обычные кражи, но и более латентные социально опасные преступления. Многие из этих деликтов остаются латентными, но даже регистрируемая преступность убедительно свидетельствует о кризисе социального контроля над негативной девиантностью в молодёжной среде. Феноменология кризисных явлений в сфере социального контроля, не сдерживающего преступность, чаще всего именуется криминологами как «кризис наказания» (Т. Матисен, Н. Кристи и др.).

В сообществе «исключённых» без эффективного социального контроля существенно сужается сфера конструктивной

активности молодых людей и наряду с «*прерывистыми*» девиантными карьерами растёт риск карьер «*интенсивных*» на пути рецидивизма и профессионализации преступности. Неслучайно самый высокий процент рецидивной преступности фиксируется в возрастной группе от 22 до 24 лет. Так, по данным МВД России, при общем снижении объёма преступности в стране количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40 %. В структуре рецидивных преступлений половину составляют тяжкие и особо тяжкие, более 60 % от всей рецидивной преступности приходится на кражи, грабежи, разбои и хулиганство — составы, создающие наибольшие угрозы для личной и общественной безопасности.³

Наряду с криминальным поведением получают всё более массовое распространение саморазрушающие формы девиантности в молодёжной среде: алкоголизм и наркотизм, а также игромания (гемблинг). Начиная с 1990 года, наркотизация в России, по оценке С.Г. Олькова, стала развиваться с ускорением по экспоненциальному закону.

Изменить девиантную биографию, встать на путь исправления в условиях «кризиса наказания», определённой дисфункциональности институтов социализации и социального контроля для многих молодых — перспектива из числа маловероятных.

«Кризис наказания» в России был усилен возросшей дисфункциональностью правоохранительных органов. О ней убедительно свидетельствуют «синдром Евсюкова», «новый казанский феномен в Ом Дальний», многие другие системные сбои в работе правоохранительных органов.⁴ Дисфункции ОВД заявили о себе в отчуждении органов правопорядка от местных сообществ, общества в целом; в утрате общественного доверия к правоохранительной деятельности; в отсутствии

³ Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений. URL: <http://www.rbc-daily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708> (дата обращения: 01.03.2013).

⁴ См., например, Данилов А.П. Кущёвка. Миф и реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 2 (21). — С. 77.

гражданского контроля на местах за соблюдением законности и правопорядка; в коррумпированности определённой части рядового и начальствующего состава; в гипертрофированной централизации и бюрократизации управления МВД.

Вступление в силу ФЗ (2011) «О полиции», ФЗ (2011) «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы», принятие других нормативно-правовых актов, разработка проекта ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», выдвижение предложений по дальнейшему реформированию МВД в формате «Дорожной карты» во многом определяют социально ориентированный вектор и концептуально-правовые рамки реформы ОВД как ключевого института социального контроля.

Вместе с тем, реальная практика правоохранительной деятельности всё ещё остаётся в прежнем русле: реактивно-репрессивные меры в отношении, прежде всего, социально исключённых доминируют над превентивными формами контроля. Несмотря на некоторое снижение в последние годы, по данным Росстата, преступности несовершеннолетних доля возрастной группы от 14 до 30 лет в структуре лиц, совершивших преступления, остаётся чрезвычайно высокой. В частности, по данным Татстата, она стабильно составляет около 50 %. Причём на фоне общего снижения регистрируемой преступности по стране в целом и Республике Татарстан, в частности, сохраняется высокая доля рецидивизма в подростково-молодёжной среде. Словом, «кризис наказания» продолжается.

В современных условиях большинству российских девиантологов очевидно, что проблематика социального контроля над негативной девиантностью нуждается в основательном научном анализе, в выдвижении новой теории девиантного поведения и социального контроля.⁵

⁵ См.: *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

На кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России в течение достаточно продолжительного времени, с 1999 по 2010 гг., плодотворно проводились эмпирические исследования специфики и масштабов нормонарушающего поведения в молодёжной среде, связанного с употреблением психоактивных веществ, наркотиков, алкоголя. Наряду с эмпирическим обобщением девиантологической фактологии в рамках интегративной перспективы анализа был выполнен теоретический синтез, в результате которого постулированы основные положения теории рестриктивного социального контроля (ТРСК) над негативной девиантностью в среде подростков и молодёжи.

Основные методологические предпосылки, определившие концептуализацию рестриктивного социального контроля, состоят в следующем:

1. В мировой и отечественной девиантологии принято исходить из ряда фундаментальных положений: об отрицательной и положительной девиантности; о релятивности, сконструированности, дополнительности социальных норм и девиаций; о функциональности девиантного поведения; о социальном контроле как совокупности средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантности с целью их минимизации.

2. В современной девиантологии и криминологии широко используется теоретическая интеграция. Сторонники интегративного подхода полагают, что важнее сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга, аспектах девиантности и контроля. По мысли Г. Барака, в современной криминологии необходимо развивать «интегральную парадигму».

3. Цель теоретической интеграции состоит в выявлении общности положений двух и более теорий для того, чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории.

4. В зарубежных научных источниках широко представлены различные варианты типов теоретической интеграции,

разработанные в 70–90-е годы XX века. Примерами концептуальной интеграции являются: теория «концептуального поглощения» Р. Айкерса, теория «концептуальной интегративной рамки» Ф. Пирсона и Н. Уейнера. Д. Эллиот, М. Крон, Г. Каплан, Т. Торнберри, Ч. Титтл, А. Лиска разработали пропозициональные интегративные модели. Одной из первых в России синтетическую теорию преступности и девиантности на объединительной основе концепта социальной несправедливости предложила Т.В. Шипунова.

Исходя из зарубежного и отечественного опыта построения теорий социального контроля и девиантного поведения, обобщая оригинальный эмпирический материал, используя методологические принципы дополнительности, полицептуальности ТРСК концептуализируется как открытая методологическая рамка (framework).⁶ В её состав отбираются непротиворечивые и дополнительные концепты ряда монотеорий социального контроля на трёх уровнях социального сдерживания: *институциональном, групповом и личностном*. Прежде всего, это положения из профилактической концепции контроля Т. Парсонса, теорий сдерживания У. Реклеса, теории связей Т. Хирши и теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши. Опыт интеграции теоретических знаний на трех уровнях в моделях контроля представлен в работах Г. Барака, где он подчеркивает возможность объединения культурного взаимодействия индивидов, социальную экологию и взаимоотношения институтов.⁷

В рамках ТРСК на *институциональном* уровне для определения механизма сдерживания предлагается исходить из парсоновского положения о том, что в реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда и они настолько стабильны, что их невозможно полностью устранить из мотивационной системы ак-

торов. Механизмы социального контроля не элиминируют эти факторы, а приводят лишь к ограничению последствий их действия, обеспечивают восстановление равновесия с помощью противодействующих девиантности сил. Отсюда, при моделировании профилактического противодействия негативной девиантности, следует учитывать как функциональное так и дисфункциональное состояние институтов социализации.

На *групповом* уровне контроля акцент делается на положение из теории Т. Хирши о силе социальных связей, которые ориентируют индивида на модель конформного поведения при реализации специфических условий сдерживания ювенальной девиантности (привязанность, приверженность, вовлечённость, убеждённость). Теоретико-эмпирическую ценность здесь представляет такое условие сдерживания как вовлечённость в социальные контакты с группой. При этом вовлечённость следует рассматривать с двух сторон: во-первых, как проявление социальной связи с группой негативных девиантов, а во-вторых, связь с группой, в которой нормой является конформное поведение или нормы ориентированы на творческий процесс и позитивную девиантность.

На *личностном* уровне контроля интегрируется положение из теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши, которое подчёркивает профилактическую роль эффективного самоконтроля, как генерального фактора в механизме сдерживания девиантности. Из теории У. Реклеса абсорбируются положения о «внешнем» и, особенно, «внутреннем» сдерживании факторов девиантности. При этом, положение о позитивной Я-концепции (самоконтроль, стойкость, самооценка, развитие «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание и рационализм — ориентация на цель и приверженность нормативному поведению) дополняется концептом о негативной Я-концепции (неразвитый самоконтроль, нестойкость, низкая самооценка, неразвитые «эго» и «суперэго», отсутствие целеустремленности, низкие правосознание и рационализм). Тем самым, социализация рассматривается как со знаком плюс

⁶ Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. — Казань: КЮИ МВД России, 2009.

⁷ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. — 1998. — P. 286.

(нормативная), так и со знаком минус (девиантная).

Выделенные выше в открытую к развитию методологическую рамку переформулированные и дополненные положения существующих теорий контроля интегрированы вокруг концепта «*рестрикция*» (*ограничение*). Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлечённость индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции. Варьируя конечным числом ограничений различной направленности на выделенных уровнях контроля можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной подростково-молодёжной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков из деструктивного в конструктивное русло (конформизм и позитивную девиантность).

Таким образом, теория рестриктивного социального контроля ориентирована на контроль и превенцию, прежде всего, подростково-молодёжной девиантности. Рестриктивная концепция позволяет структурировать наборы разнонаправленных ограничений и варьировать их по количеству и направленности действия. При этом набор ограничений, который создаёт препятствия для развития дисфункций институтов социализации, следует оптимизировать в сторону увеличения. Например, в современных российских условиях существует острая необходимость в нейтрализации таких дисфункций институтов массовой коммуникации, как *тематизация криминала и насилия* (проявляется в доминирующем прокате фильмов с показом криминальных сцен насилия, агрессивного поведения и жестокости), «*наркотизация эфира*» (заявляет о себе как рост массовой апатии и инертности, как переход от «активного участия к пассивному знанию»)

и др. По мысли теоретика интегративно-го подхода Г. Барака, без ограничений и цензуры над жестокостью и насилием в фильмах и на ТВ не обеспечить выживания молодёжной среды.⁸

Типичными ограничениями указанных дисфункций СМК могут быть сокращение времени и мест просмотра, объёма телевизионных передач с элементами насилия. Подобные ограничения создадут предпосылки для снижения вероятности интериоризации образцов криминального досуга и поведения, увеличат время на занятия какой-либо конструктивной деятельностью.

Набор ограничений, которые дезорганизуют функциональность средств распространения сведений, наоборот, следует минимизировать. Уменьшение препятствий по реализации таких функций, как *корреляционная связь* (объяснение, интерпретация и комментирование значения событий и информации; социализация; координация различных форм социальной активности; обеспечение общественного порядка и согласия) и *обеспечение преемственности* (выражение образцов доминирующей культуры, укрепление и поддержка общих социальных ценностей), существенно повышает функциональность СМК. Иначе говоря, в сетке вещания программы с позитивной функциональной нагрузкой должны занимать лучшее эфирное, а не ночное время.

Набор ограничений на групповом уровне, который препятствует вовлечённости подростка в сомнительную уличную компанию, также необходимо оптимизировать в сторону увеличения. Это может быть переезд в другой район, каникулы в деревне или другом городе, отдых с родителями и т.п. Те ограничения, набор которых расстраивает конструктивную вовлечённость подростка в группу с конформным поведением или с нормами, ориентированными на творческий процесс и позитивную девиантность, следует минимизировать. Можно уменьшить препятствия для активности инициативных групп, объединённых конструктивными, познавательными или

⁸ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. – P. 272.

созидательными целями, или уличных футбольных, хоккейных и иных команд, создающих основу массового спортивного движения.

На уровне индивида также существенная роль принадлежит увеличению числа ограничений, которые препятствуют формированию негативной Я-концепции и девиантной социализации. Без выстраивания воспитательных и иных барьеров на пути формирования педагогически запущенных детей, трудно рассчитывать на потенциал самоконтроля. Минимизация набора ограничений, которые стоят на пути формирования позитивной Я-концепции и нормативной социализации, устраняя чрезмерную опеку, а также условия, которые формируют «домашних мальчиков», не готовых к житейским трудностям, повышает вероятность нормативной социализации и развитого самоконтроля.

Эффективное противодействие негативной девиантности в подростково-молодёжной среде трудно представить без комплекса сдерживающих (рестриктив-

ных) мер. Среди них: структурные преобразования в обществе, направленные на сдерживание процессов его поляризации; реализация сильной социальной и молодёжной политики, обуздание наркотизма и алкоголизма; политика удаления запретов и ограничений, сдерживающих конструктивную занятость подростков и молодёжи в спортивно-досуговой, творческой и профессиональной сферах.

Ряд выдвинутых рестриктивных положений прошли определённую эмпирическую апробацию в рамках исследовательских проектов по противодействию наркотизму подростков и молодёжи в Республике Татарстан. Некоторые из них в сфере общественной безопасности, безопасности дорожного движения, в работе СМИ, торговых организаций, рекламодателей были реализованы на практике в 2005–2012 годы и подтвердили свою жизнеспособность. Другие элементы рестриктивной теории контроля ещё предстоит подвергнуть оценке на эмпирическую обоснованность.

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*Л.В. Сердюк**

О РОЛИ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ХИЩЕНИЕМ

Выжимка: Необходимо усиление правового статуса и роли конфискации имущества в системе уголовной ответственности за преступления коррупционного характера.

Ключевые слова: коррупция; конфискация; криминализация экономики.

L. V. Serdyuk

ON THE ROLE OF PROPERTY CONFISCATION IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION CRIMES INVOLVING THEFT

Summary: Strengthening the legal status and role of the property confiscation in the system of criminal responsibility for corruption-related crimes is strongly needed.

Key words: corruption; confiscation; criminalization of economy.

Принятие ныне действующего Уголовного кодекса в 90-е годы XX столетия имело много искусственных препятствий со стороны лиц, участвовавших в распределении народного достояния. Для них законы, особенно уголовные, были просто невыгодны. Н.Ф. Кузнецова справедливо отмечала, что «криминализация экономики породила и частичную политизацию преступности».¹ Тем не менее, принцип справедливости был включён в УК РФ как подтверждение и гарантия принципов гуманизма и равенства всех граждан перед законом.

Один из разработчиков УК 1996 г. А.Н. Игнатов свидетельствовал, что при формировании нового уголовного законодательства учитывался опыт стран Запад-

ной Европы, особенно Германии и Франции. Касаясь этого вопроса, А.В. Наумов в то время писал о том, что, хотя и абсурдно считать возможным создание единого кодекса для всего мира, «но сближение по ряду принимаемых позиций, по всей вероятности, будет продолжаться».²

Однако сегодня уже можно заметить, что на основе развивающейся демократии, принципа гуманизма и искусственно создаваемой презумпции невиновности, уголовная политика России всё больше удаляется от зарубежного опыта по многим ключевым направлениям в противодействии опасным для общества преступлениям корыстного характера. В частности, это касается не только гуманизации уголовного наказания в отношении беловоротничковой преступности, но и применения такой сопутствующей наказанию уголовно-правовой меры, как конфискация имущества.

Практика показывает, что во многом применение ст. 104¹ УК РФ затруднено

* **Леонид Васильевич Сердюк** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Уфимского юридического института МВД России (Уфа, Россия) E-mail: leonid-pro@mail.ru

© Л.В. Сердюк, 2013

¹ Кузнецова Н.Ф. Политизация преступности и криминализация политики / В кн. Преступление и наказание. Криминализация России как социально-политическое явление. Материалы дискуссии. — М.: Альфа-М, 2004. — С. 59.

² Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. — М.: Юрист, 1998. — С. 8.

условиями, выраженными в части третьей данной статьи, где определено, что «имущество, указанное в частях первой и второй настоящей статьи, переданное осуждённому другому лицу (организации) подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий». Иными словами, если лицо, принявшее похищенное имущество, не знало, что оно добыто преступным путём, имущество фактически, видимо, признаётся добросовестно приобретённым, и конфискации не подлежит. Эта норма даёт коррупционерам, расхищающим государственный бюджет, возможность удерживать похищенное имущество в своём владении, и они сегодня вполне её используют.

«Коррупция сегодня — это не просто криминальные действия, это целый теневой рынок», — пишет М.П. Фомиченко. Отмечая немислимые откаты, составляющие от 20 %, а при армейских закупках — до 70 % от суммы сделки, автор делает справедливый вывод, что «это уже речь идет не об откатах, а о хищениях. В результате, на оставшиеся от бюджета 30 % страна планирует крепить оборону, строить дороги, развивать промышленность, медицину и образование». ³ Думается при такой ситуации конфискацию имущества в борьбе с коррупционными хищениями просто неразумно отодвигать на какой-то второстепенный или, как это делается сейчас, третьестепенный план.

В своё время М.Д. Шаргородский отмечал, что «конфискация имущества является одной из наиболее острых форм репрессии». ⁴ Надо признать, что когда-то в России конфискация действительно играла такую роль. Сегодня её роль в законодательстве и в правоприменительной практике несправедливо упрощена. Прав Б.Т. Разгильдиев, когда пишет, что сущность конфискации состоит «в создании фактической и правовой невозможности

владения и пользования «криминальным» имуществом». ⁵ Но, к сожалению, сегодня в России не реализуется в полном объёме ни правовая, ни фактическая возможности конфискации как меры уголовно-правового характера. Особенно это заметно в противодействии крупным криминальным хищениям, когда уголовные дела, даже если и возбуждаются, часто не доходят до суда.

В юридической литературе продолжают споры о роли и статусе института конфискации в уголовном праве. С.Г. Келина признаёт конфискацию как факультативную форму реализации ответственности, реализуемую наряду с основным наказанием. ⁶ А.В. Наумов придаёт конфискации ещё более весомый правовой статус в современном уголовном законодательстве, он пишет: «Российский законодатель фактически ввёл двухколейную систему уголовно-правовых санкций, известную большинству европейских стран (наказание и меры безопасности)». ⁷ Автор справедливо, на наш взгляд, отводит конфискации имущества фактически роль уголовно-правовой санкции, включая её в систему мер безопасности. Думается именно это должно определять не только её цели и задачи в уголовном праве России в борьбе с экономической преступностью современного характера, но и её содержание.

Категории «меры безопасности» и «двухколейность» системы уголовно-правовых мер ранее официально существовали в уголовном праве Франции. Эти меры носили превентивный характер, например, выражались в конфискации вредных или опасных орудий, которые могут служить средством совершения престу-

³ Фомиченко М.П. Проблема честности как главной категории демократии // Вопросы правоведения. — 2012. — № 4. — С. 17.

⁴ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. — С. 303.

⁵ Разгильдиев Б.Т. Глобальны ли иные меры уголовно-правового характера? В сб. Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27-28 мая 2010 г.). — М.: Проспект, 2010. — С. 796.

⁶ Келина С.Г. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права. В сб.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IV Международной н/п конференции. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2007. — С. 287.

⁷ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — С. 606.

пления. Хотя сегодня понятие «двухколейность» в уголовном праве данной страны не употребляется, но фактически используется в уголовном процессе (ст. 137 УПК Франции). Профессора Конт и Мэстрю Шамбон отмечали, что персональные меры безопасности направлены на правонарушителя, как носителя определённых криминальных тенденций. Главной целью мер безопасности является недопущение совершения индивидом нового преступного деяния.⁸

Думается, эта превентивная мера уголовно-правового характера, выраженная в форме конфискации всех видов и форм похищенного имущества у российского коррупционера, как носителя опасных криминальных тенденций, вполне соответствует указанной цели.

Некоторые криминологи справедливо, на наш взгляд, выступают за необходимость расширения применения конфискации имущества в сфере борьбы с экономическими преступлениями и за усиление её правового статуса. Например, Ф.Р. Сундуков пишет: «В интересах более решительного противодействия организованной преступности, коррупции, терроризму, ставших в России по существу национальным бедствием, следовало бы предусмотреть в УК РФ конфискацию у осуждённого за эти преступления и членов его семьи, совместно проживающих с ним, имущества и доходов от него, полученных в результате их совершения». Автор не ограничивается этим, он считает, что «конфискацию следовало бы распространить не только на имущество, которое проходит по конкретному уголовному делу, но и на имущество, законность приобретения которого не может объяснить виновный».⁹

Думается в последнем своём предложении автор выходит за пределы презумпции виновности, выдавая, как говорится, желаемое за возможное, так как российские

чиновники научились отмывать похищенное имущество, но в принципе, по нашему мнению, он прав. Надо согласиться с тем, что конфискация должна распространяться на весь объём похищенного имущества, в чьём бы владении оно ни находилось. Она не должна касаться лишь имущества семьи как такового. Другое дело, если похищенное имущество передаётся преступником под любым предлогом другим лицам, в том числе и членам семьи. Это следует, на наш взгляд, рассматривать как способ распоряжения похищенным и как способ его удержания путём сокрытия.

За восстановление в УК РФ полной конфискации (не обременённой обязанностью доказывать факт преступного происхождения конфискуемого имущества) ратует и А.П. Данилов, говоря о данной норме, как об институте восстановления социальной справедливости в российском обществе, разделённом на богатых — скробогачей (олигархов) — и бедных.¹⁰

Позиция Ф.Р. Сундукова вполне соответствует опыту Германии. Судебная практика этой страны идёт именно по пути расширенной конфискации, которая назначается на основании судебного убеждения при совершении преступных деяний и в том случае, когда существует лишь «большая вероятность» того, что данное имущество оказалось у виновного в результате совершения преступления. В главе седьмой Общей части УК ФРГ предусмотрены конфискация имущества и изъятие предметов преступного деяния. Законодательное предписание о расширенной конфискации там произошло в связи с усилением борьбы с нелегальной торговлей наркотиками и другими формами организованной преступности.¹¹ Дума-

¹⁰ См.: Данилов А.П. Конфискация: международные, российские, казахстанские уголовно-правовые нормы и требования жизни // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 2 (29). — С. 25–28.

¹¹ По свидетельству криминологов, исследовавших результаты борьбы с коррупцией в этой стране, и там положение в этом плане ухудшилось, «стране не хватает политической воли, чтобы действительно что-нибудь изменить». См.: Кури Х., Ильченко О.Ю., Данилов А.П. Проблема коррупции в Германии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 4 (23). — С. 56.

⁸ Conte P., Maistre du Chambon P. Droit penal/general. — Paris, 1998. — P. 237.

⁹ Сундуков Ф.Р. Конфискация имущества: национальный и международно-правовой аспекты. В сб.: Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27-28 мая 2010 г.). — М.: Проспект, 2010. — С. 200.

ется России сегодня уже пора обратиться к подобному опыту.

Согласно ст. 104¹ УК конфискация распространяется не только на похищенное имущество, но и на ту прибыль, которая имела место в результате неправомерного владения этим имуществом. В данном случае не имеет значения, касается ли это личного, коммерческого или государственного имущества, преобразованного расхитителями в многоэтажные виллы, яхты и даже самолеты в пределах России и за рубежом, оформленные на близких и не очень близких людей. Вместо части третьей данной статьи, на наш взгляд, необходимо примечание, в котором должны быть чётко определены цели конфискации, направленные, прежде всего, на реализацию принципа справедливости.

Для практического руководства судебных органов необходимо законодательное предписание о порядке реализации конфискации в расширенном виде при наличии обвинительного приговора суда. Во избежание произвола именно наличие обвинительного приговора должно являться гарантией законности конфискации похищенного имущества и любого дохода от этого имущества, в чьём бы владении оно ни находилось (за исключением имущества, подлежащего возвращению законному владельцу).

О.Н. Ведерникова мотивирует целесообразность расширения правовых рамок применения конфискации тем, что «данная мера даёт реальную возможность подорвать корни экономической преступности и поднять жизненный уровень населения».¹² Насчёт жизненного уровня населения, думается, автор роль конфискации преувеличивает, так как эта уголовно-правовая мера только косвенно касается такой цели (спасибо законодателю и за то, что он позволил возмещение убытков потерпевшему из похищенного имущества). Но первая часть ее тезиса действительно должна составлять основную цель конфискации предупредительного характера в системе мер безопасности.

¹² Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М.: Юрайт, 2010. — С. 465.

Вопрос о том, входит ли конфискация имущества в содержание уголовной ответственности или находится за её пределами, подробно рассмотрен Н.А. Лопашенко в её, надо отдать должное, интересной и полезной научной работе, специально посвящённой исследованию конфискации имущества. Автор достаточно детально обосновывает свою позицию о том, что конфискация не входит в содержание уголовной ответственности.¹³

Однако нам представляется, что с этой позицией можно поспорить, если подойти к этому вопросу логически. Нельзя отрицать, что в момент совершения преступления, связанного с хищением, параллельно с возникновением обязанности виновного лица понести наказание, у него также возникает обязанность на основании главы 15¹ УК вернуть похищенное в полном объёме. В данном случае одновременно у государства возникает право изъять это имущество из преступного владения силовым путём. За данное имущество лицо ответственно перед государством, и эта ответственность уголовно-правовая, поскольку предусмотрена уголовно-правовой нормой, а не рассматривается в порядке меры гражданско-правового или административного, или только уголовно-процессуального характера. Подрывая финансовую основу коррупционных объединений, конфискация тем самым играет, по нашему мнению, не только одну из главных ролей в восстановлении социальной справедливости, но также содержит и предупредительную функцию. Являясь в новом статусе приложением к наказанию, конфискация фактически преследует или, по крайней мере, должна преследовать и его цели, направленные на предупреждение преступлений, связанных с коррупционным произволом. Следовательно, конфискацию вполне можно признать одним из элементов уголовной ответственности. Приращение правового статуса конфискации только потому, что она сегодня выведена из системы наказаний, и недооценка ее антикриминогенной роли являются, на наш взгляд, необоснованными.

¹³ Лопашенко Н.А. Конфискация имущества. Монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 60–68.

Как справедливо пишет Д.А. Шестаков, именно полная конфискация могла стать эффективным средством возвращения государству похищенного у него имущества в ситуации, когда сам гигантский размер внезапно появившегося у лица имущества свидетельствует о криминальном пути его приобретения, а доказательств преступного приобретения конкретных сумм и предметов не достаёт.¹⁴

Анализируя практику противодействия экономической преступности нельзя не отметить также тот факт, что ряд антикоррупционных составов преступлений сегодня фактически бездействуют. В сфере борьбы с коррупцией экономического характера это, прежде всего, относится к ст. 289 УК РФ — «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» в отношении высокопоставленных лиц. Данной статьи как будто бы нет в Уголовном кодексе, когда представителя власти просто отстраняют за это деяние от высокой должности, не возбуждая уголовного дела. Мы не настаиваем на применении к этим лицам лишения свободы или даже исправительных работ, но при обязательном возбуждении уголовного дела кроме штрафа и отстранения от должности, целесообразно установить и конфисковать у них имущество, нажитое с использованием должностного положения, неважно на чьё имя это имущество зарегистрировано. Только при такой уголовной политике государство будет в полной мере выполнять свой долг перед своим народом в борьбе с криминальными хищениями коррупционного характера.

Сегодня практически бездействует и статья 285² УК, несмотря на то, что не только государственный бюджет, но и государственные внебюджетные фонды: социальный, медицинский и пенсионный используются часто не по назначению, что способствует их расхищению в крупных и особо крупных размерах путем злоупотре-

бления служебным положением. При этом нельзя не отметить, что презумпция невиновности в таких случаях доведена до абсурда. Расхитители невиновны пока не сказал суд, а суд молчит, так как дела просто до него не доходят по причине той же коррупции. Нецелевое расходование бюджетных средств, как свидетельствует практика, во многих случаях является формой мошеннических махинаций группового характера. В этом случае конфискация имущества также должна играть не последнюю роль при восстановлении справедливости наряду с наказанием.

Г.Н. Горшенков считает, что бороться с нравственно-правовым разложением, достигшим уровня национального позора, прежде всего административными, уголовно-правовыми и иными государственно-принудительными средствами непродуктивно. Автор предлагает в борьбе с коррупцией в форме взяток прокладывать путь уважения к закону через воспитание уважения к личности, обществу и государству.¹⁵

Очень верное предложение, но оно касается, на наш взгляд, лишь воспитания нашего молодого и пока ещё, ни в чём невинного поколения. Суть в том, через десять лет это поколение придёт на смену сегодняшнего чиновничьего аппарата страны, и хотелось бы, чтобы оно было более воспитанным, честным и справедливым.

Можно согласиться с Д.А. Шестаковым в том, что должен быть разный подход к получающим взятки и к коррумпированным чиновникам — расхитителям государственного бюджета. Это, несомненно, разные уровни коррупции, в том числе и по степени общественной опасности. В первом случае автор не усматривает «никакого смысла в лишении свободы лица, совершившего коррупционное деяние, если оно не содержит в себе состава хищения».¹⁶ Во втором — справедливо отмечается, что все послабления в уголовном

¹⁴ Шестаков Д.А. Реформа или стилизация (О проекте УК РК) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 2 (29) — С. 18; *Его же*: Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — СПб., 2006. — С. 273.

¹⁵ Горшенков Г.Н. Антикоррупционная политика в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2010. — № 2. — С. 17.

¹⁶ Шестаков Д.А. Кому какая коррупция // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 4 (23). — С. 46.

законодательстве в части коррупционных преступлений инициированы самой высшей властью страны. Автор делает вывод, что противодействие скоробогачам при нынешней власти невозможно, поскольку она составляет с ней единое целое.¹⁷

Фактически речь идёт о политической коррупции. Видимо с этим можно согласиться, но с некоторой оговоркой, так как это не вина сегодняшней власти. Данное единство власти со скоробогачами сложилось ещё в девяностые годы XX века, а нынешняя власть вошла в него поневоле, поскольку у неё уже не было выбора. Бороться с олигархией было уже поздно, с ней надо было налаживать определённое сосуществование, чтобы оставаться у власти. «Проблема коррупции и противодействия ей используются политиками в большей степени в целях повышения популярности своей партии, личного рейтинга, авторитета в массах», — справедливо отмечает А.П. Данилов.¹⁸

Впервые о политической коррупции сказал Аристотель, назвав политику коррумпированной, т.е. неправильной, испорченной. В то время речь шла о тирании. В наше время политическая коррупция приобрела новый смысл и новое содержа-

ние, однако, причины её формирования практически одни и те же. В этом плане надо признать, что в прошлом веке России не везло на властителей в её переходные периоды. Суть в том, что при завоевании власти они опирались не на весь народ, а лишь на его «неустойчивую», как принято говорить в криминологии, часть, готовую на всё ради любых изменений. Один из них в начале века бросил убийственный для России клич «Грабь награбленное», а в конце века новый «народный» вождь призвал эту же часть общества практически к тому же, только в более современной форме: «Берите свободы, сколько проглотите». Эти лозунги помогли вождям завоевать власть, но до сих пор народ пожинает плоды данной коррумпированной свободы, т.е. свободы той части общества, которой проблема совести не стала препятствием в криминальном обогащении за счёт народных средств.

«До сих пор считают, что право и юридические законы — одно и то же явление. Это ошибочное убеждение», — замечает Андо Лепс.¹⁹ Рассматривая современную уголовную политику российского государства, следует признать справедливость этого вывода.

¹⁷ Шестаков Д.А. Преступное вмешательство в политику суверенного государства: криминологические вопросы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 1 (24). — С. 25.

¹⁸ Данилов А.П. Факторы неэффективности антикоррупционной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — С. 69.

¹⁹ Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — С. 31.

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ЮРИЮ МИРАНОВИЧУ АНТОНЯНУ — 80 ЛЕТ!

Ю.М. Антонян родился в 1933 году в г. Тбилиси. В 1957 окончил юридический факультет Московского государственного университета. С 1957 по 1962 годы работал следователем в Ярославской области, оперуполномоченным уголовного розыска и начальником отделения милиции станции Москва-Ярославская Московской ж.-д. Затем — младший научный сотрудник ВНИИ МВД СССР, старший инспектор по особым поручениям МВД СССР, доцент Высшей школы МВД СССР. С 1978 года — профессор Академии МВД СССР, с 1981 — заместитель начальника отдела и главный научный сотрудник ВНИИ МВД СССР (РФ). С октября 2003 года — проректор Института гуманитарного образования. По совместительству — ведущий научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1970 году, докторскую — в 1976, звание профессора присуждено в 1978. В 1989 году ему присвоено звание заслуженного деятеля науки России. Ю.М. Антонян награждён орденом Почёта и 9-ю медалями СССР.

Он является автором около 400 опубликованных научных трудов, из них около 50 монографий (без соавторов — 24).

Это работы по криминологии, психологии, уголовному праву, философии, религии. В последние годы им опубликованы монографии: «Миф и вечность», «Человек и Бог, творящие друг друга», «Исследование Апокалипсиса» и др. По криминологии — «Криминология. Избранные лекции», «Личность преступника» (в соавторстве), «Причины преступности». Под научным руководством Ю.М. Антоняна защищены 50 кандидатских и 13 докторских диссертаций.

Юрий Миранович вспоминает: «Начав работать в милиции в конце 50-х годов двадцатого века, я застал ещё старую гвардию сыщиков и следователей. Это были годы профессиональной учебы, и приобретенные тогда навыки оказались необходимыми на всю жизнь. Мне довелось работать с людьми, которые не отличались большой грамотностью. Специалистов с высшим образованием тогда было буквально единицы. Но это были люди исключительно преданные делу, они работали с полной самоотдачей. О коррупции в собственных рядах мы даже не слышали, хотя работали за ничтожное вознаграждение. Переломным моментом в моей жизни был переход во ВНИИ МВД СССР. Вначале это тоже были годы учёбы — теперь уже научной. Тогда институт был в поиске самого себя,

ему остро требовалось определить, какого рода или уровня исследования следует осуществлять: фундаментальные или прикладные, рассчитанные только на практических работников, или ещё и на науку.

Руководители тогдашнего МВД и его служб не разбирались в науковедении и даже не очень чётко представляли себе, для чего нужна наука и что от неё ждать. А поэтому требовали, чтобы во ВНИИ проводились исключительно прикладные исследования без всякого теоретического мудрствования. Я, конечно, в те годы тоже не был в состоянии определить свою позицию по столь сложному (и для сегодняшнего дня) вопросу. Это потом мне стало ясно, что во ВНИИ нужны и те, и другие, что наиболее сложные проблемы практической деятельности по борьбе с преступностью невозможно решить без развернутых фундаментальных изысканий. Например, терроризм самоубийц совершенно невозможно объяснить без проведения именно фундаментальных исследований в области глубинной психологии, психиатрии, танатологии. А вот практические «выходы» подобных научных работ должны быть сугу-

бо прикладными, ясными и понятными и для сотрудников правоохранительных органов, и для законодательных институтов. Им не надо знать, какими теоретическими и методологическими путями учёные пришли к тому, что они предлагают, им важен результат. Так солдату или офицеру, использующим сверхсовременное оружие, совсем не обязательно знать о достижениях физики, положенных в основу его создания.

За время работы в институте я имел счастливую возможность работать с известными отечественными учёными, среди которых я бы особенно выделил Игоря Ивановича Карпеца, Николая Алексеевича Стручкова и Станислава Владимировича Бородину».

Профессор Антонян неоднократно выступал с содержательными докладами в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе.

Дорогой Юрий Миранович! Мы поздравляем Вас с юбилеем и посылаем Вам наши сердечные пожелания!

Совет Клуба

ГРИГОРИЮ ИОСИФОВИЧУ ЗАБРЯНСКОМУ – 75 ЛЕТ!

Г.И. Забрянский родился 6 июня 1938г. (между прочим, в один день с А.С. Пушкиным!). Окончил с отличием юридический факультет МГУ. Его учителями были крупнейшие отечественные юристы: А.А. Мишин, Н.Г. Александров, П.Н. Гаанза, А.Д. Денисов, Д.С. Карев, Н.Д. Дурманов, С.Ф. Кечежян, Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецова, В.Д. Меньшагин, С.С. Остроумов и др.

Учился он в очной аспирантуре легендарного Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (позже был переименован в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, а в настоящее время преобразован в НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ) в секторе общей теории криминологии, возглавляемый А.А. Герцензоном, а затем А.Б. Сахаровым. Научным руководителем его диссертации («Теоретические вопросы статистического учёта преступлений») был А.С. Шляпочников.

Работал следователем прокуратуры, преподавал криминологию на юридическом факультете КГУ (Краснодар) и на юридическом факультете МГУ, работал старшим, а затем ведущим научным сотрудником НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. Старший советник юстиции.

Последние 13 лет преподаёт в Россий-

ской академии адвокатуры и нотариата. В настоящее время — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата.

Автор более 100 научных работ, в том числе 12 книг (монографий и учебных пособий), из которых 9 без соавторов:

«Методика статистического изучения преступности» (1976 г.); «Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних» (1979 г.); «Актуальные проблемы профилактики преступлений в сельской местности» (1983 г.); «Криминологические проблемы села. Методология и методика исследования» (1990 г.); «Модель региональной программы предупреждения преступности несовершеннолетних» (в соавторстве 1996 г.); «Социология преступности несовершеннолетних» (1997 г.); «Снижение уровня судимости несовершеннолетних: новые подходы» (1999 г.); «Статистика преступности несовершеннолетних в России. Аналитический обзор» (в соавторстве 2000 г.); «Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности» (2000 г.); «Правонарушающее поведение несовершеннолетних: описание, объяснение, противодействие» (в соавторстве 2005 г.); «Методика статистического изучения преступности (введение в криминологическую статистику)» (2010 г.);

«Криминология несовершеннолетних (социология преступности)» (2013 г.).

Григорием Иосифовичем разработаны и изданы три учебно-методических комплекса по курсам: «криминология», «социология преступности несовершеннолетних», «правовая статистика».

В нашем журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра» опубликованы три статьи: «Преступность несовершеннолетних: статистико-криминологические этюды». «Этническая дискриминация в деятельно-

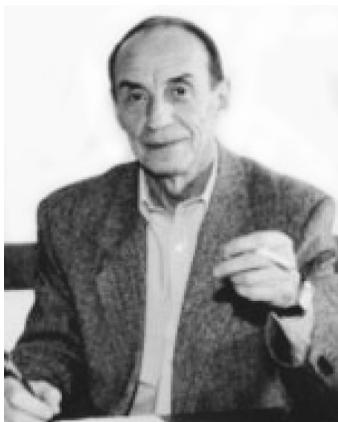
сти милиции: методика и результаты экспертного опроса». «Объяснение явления преступности несовершеннолетних (социологический подход)».

Труды Г.И. Забрянского отличает особая добросовестность, глубина и методическая безупречность. Им можно доверять.

От души поздравляем Вас, дорогой Григорий Иосифович, и посылаем самые лучшие пожелания.

Совет Клуба

ВИТАЛИЮ ЕФИМОВИЧУ КВАШИСУ – 75 ЛЕТ!

В.Е. Квашис родился 1 июля 1938 года в Киеве. В 1961 году окончил юридический факультет МГУ и поступил на работу в аппарат Президиума Верховного Совета СССР, где в течение шести лет занимал должность консультанта Секретариата Председателя Президиума. В 1966 окончил заочную аспирантуру МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и с 16 сентября 1967 года перешёл на научную работу в ВНИИ МВД СССР, где занимал должности старшего научного сотрудника, ведущего исследователя, заместителя начальника отдела, главного научного сотрудника. В 1983 году защитил докторскую диссертацию.

Профессору В.Е. Квашису присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки РФ», он награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За заслуги перед Отечеством», наградным оружием. В августе 2004 года уволен из органов внутренних дел по личной просьбе.

Более 20 лет В.Е. Квашис является членом Учёного совета ВНИИ, членом диссертационных советов ВНИИ и Московского университета МВД России. Он — автор и соавтор 18 монографий, учебных пособий и более 300 статей по проблемам уголовной политики, криминологии, уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права. Его труды опубликованы на украинском, армянском, таджикском, болгарском, чешском, немецком, французском, японском,

на английском и португальском языках.

С 1988 года В.Е. Квашис постоянно командировается за рубеж для участия в работе международных конгрессов и конференций, а также для чтения лекций в зарубежных университетах. С 1991 года он является экспертом Комитета ООН по предупреждению преступности, экспертом Совета Европы, с 1993 — экспертом Комитета по безопасности Государственной Думы РФ; с 1997 — членом Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы. В качестве эксперта и докладчика В.Е. Квашис участвовал в работе международных конгрессов и конференций в Австрии, Бразилии, Нидерландах, Польше, ФРГ, Венгрии, Франции, Италии, Южной Кореи, Испании, Канаде, Ирландии, Турции, Австралии, США, Японии, Великобритании, ЮАР, Таиланде.

С 1992 по 2002 годы — президент Российской Ассоциации поддержки жертв преступлений, с 1993 — член Европейского Форума защиты жертв, член Всемирного виктимологического Общества, член Американского криминологического Общества (ASC), член Академии уголовной юстиции США (ACJS). Профессор В.Е. Квашис выступал с лекциями в университетах Италии, Венгрии, ФРГ, Индии, Канады, Китая, США, Нидерландов, ЮАР, Японии.

В 1998 году он стал лауреатом Фонда МакАртур; в 2001 — лауреатом премии Правительства ФРГ (Программа

«ДААД»); в 2001–2004 годах на основе конкурсных грантов проходил научную стажировку в Институте зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка (Фрайбург, ФРГ). В 2002 году по направлению Комитета по безопасности Государственной Думы и МВД России стажировался в Тихоокеанском Центре безопасности Министерства обороны США (Гавайи). В 2004 стал лауреатом самой престижной премии, финансируемой Правительством США (Программа Фулбрайт) и в 2004–2005 годах проходил стажировку в Нью-Йоркском университете (John Jay College of Criminal Justice, SUNY). В 2000 в качестве эксперта МВД России участвовал в работе X Конгресса

ООН по предупреждению преступности (Вена); в 2005 — как эксперт в личном качестве — в работе XI Конгресса ООН (Бангкок, Таиланд). В 2004 году Академией проблем безопасности, обороны и правопорядка В.Е. Квашиш награждён золотой медалью им. М.В. Ломоносова.

Основные увлечения — шахматы, музыка (классика и джаз), путешествия. Любимые писатели и поэты — Н.В. Гоголь, О. Уайлд, Б. Шоу, И. Ильф и Е. Петров, Ф. Искандер, Ч. Айтматов, Е. Евтушенко, В. Высоцкий, Б. Окуджава.

Примите наши поздравления с юбилеем и наилучшие пожелания, дорогой Виталий Ефимович!

Совет Клуба

ЭДВАРДУ ГОНДОЛФУ – 65 ЛЕТ!

Мы познакомились с профессором Э.У. Гондолфом в 1992 году на международной конференции в Санкт-Петербурге. Ведущий специалист США по насилию в семье и автор первых статей и книг по семейной криминологии в СССР, конечно, не могли пройти мимо друг друга. Профессор Гондолф побывал у меня дома. С тех пор завязались наша дружба и сотрудничество. Вскоре профессор Эдвард организовал посещение мной Индианского университета в Пенсильвании.

У нас имеются совместные публикации:

— E.W. Gondolf, D.A. Shestakov. Spousal Homicide in Russia Versus the United States: Preliminary Findings and Implications // *Journal of Family Violence*. Vol. 12, No. 1, March 1997. — New York and London. P. 63–74;

— E.W. Gondolf, D.A. Shestakov. Spousal Homicide in Russia: Gender Inequality in a Multifactor Model // *Violence Against Women*. International and Interdisciplinary Journal. Vol. 3, No 5, October 1997. P. 533–546.

Эдвард Уильям Гондолф родился 24 мая 1948 года неподалёку от Филадельфии (штат Пенсильвания), на Восточном побережье США, где прошло его детство и юность. Обучаясь в школе, он посвящал много времени занятиям спортом: американскому футболу, баскетболу, являлся активным участником движения бойскаутов, имея в своём багаже длительные пешие походы. В Принстонском университете будущий профессор активно изучал социологию, в особенности социологию отклоняющегося поведения и социологию преступности. На последнем курсе обучения в составе футбольной команды Принстонского университета выиграл лигу чемпионов. В весенние семестры также играл в Университетской команде по регби. После окончания Принстонского университета Э. Гондолф работал в исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников в штате Техас, затем в штате Пенсильвания до своего переезда в Бостон для получения степени по общественной

психологии в Гарвардском университете, а затем по общественной социологии в Бостонском университете. В это время он также работает в общественном центре для молодёжи. Позже преподаёт криминологию в школе и колледже для учёных-христиан Принципия (Principia College) неподалёку от Сент-Луиса, пока не становится профессором социологии в Индианском университете (штат Пенсильвания), что неподалёку от Питтсбурга.

Первое время Э. Гондолф занимался изучением и анализом конфликтов, связанных с проектами общественного развития в Бостоне, Сент-Луисе, на Аляске, в республике Гватемала, в штате Махараштра (Индия). Во время преподавания принимал участие в новых программах в области домашнего насилия, пока не посвятил себя исследованию данного направления в начале 1980-х гг. Будучи научным сотрудником Психиатрического института и Клиники университетской питтсбургской медицинской школы, Э. Гондолф решил расширить своё исследование в ответ на случаи проявления насилия в женском центре в Техасе и в психиатрических отделениях скорой помощи в Питтсбурге. С конца 1980-х годов, на протяжении почти 25 лет, он был директором по исследованиям Средне-Атлантического института терапии зависимости, основанном при Университете Индианы в Пенсильвании. Совсем недавно он оставил данную должность, но продолжает исследовательскую

деятельность, пишет и читает лекции в качестве научного сотрудника этого института. Сейчас он живёт в Эвергрине (штат Колорадо), что рядом с Денвером и Скалистыми горами, вместе со своей женой Лесли и собакой Фиби. Это замечательное место для продолжения занятием его любимыми лыжами зимой и походами летом.

Как директор по исследованиям Средне-Атлантического института терапии зависимости (с 1990 по 2011 год) Э. Гондолф проводил грантовое исследование реакции судов, специалистов-психиатров, наркологов на семейное насилие. Он известен в качестве ведущего исследователя в области многоплановой оценки программ, корректирующих поведение обидчика в семье, финансируемых Центрами по контролю и профилактике заболеваний (CDC) с 1994 по 2001 год. В 2005 году он завершил четырёхгодичное клиническое исследование в области специализированного консультирования афро-американских мужчин, арестованных за насилие в семье, в рамках гранта Национального Института Юстиции (NIJ), и сравнительное исследование подобных случаев с похожими мужчинами в рамках гранта Пенсильванской комиссии по предупреждению преступности и правонарушений (PCSD). Совсем недавно им оценивалась эффективность дополнительного психиатрического лечения лиц, совершивших насилие в семье, в рамках гранта Национального Института Юстиции.

Наряду с несколькими монографиями и сборниками Э. Гондолф отразил итоги своих исследований и жизненного опыта в нескольких книгах о насилии в семье, в том числе, «Обидчик в семье: комплексный подход к предотвращению жестокого обращения с женой» (1985), «Женщины, подвергающиеся насилию в семье и страдающие от посттравматического синдрома: альтернатива лечению привитой беспомощности» (1988), «Психиатрический ответ на насилие в семье: выявление и противостояние пренебрегаемой опасности» (1990), «Оценка жестокого обращения с женщинами психиатрическими службами» (1998), «Коррекционные системы взаимодействия с обидчиком: проблемы, итоги и рекомендации» (2002).

Его последняя на сей день книга — «Будущее программ для обидчиков: переоценка научно-обоснованной практики» (2012). Он также опубликовал около 140 исследований и статей о мужчинах, которые совершили насилие в семье.

В настоящее время Э. Гондолф является почётным профессором социологии в Индианском Университете Пенсильвании, активным консультантом по совершенствованию уголовного правосудия в отношении государственного вмешательства в случаях насилия в семье и продолжает работать в качестве научного руководителя в нескольких оценочных программах США. Его жена Лесли работает в местной христианской церкви в качестве советника и целителя. Э. Гондолф помогает в свободное время в качестве духовного советника заключённым и является представителем церкви по вопросам духовности и медицины.

С 2001 года Эдвард Гондолф — член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. К нашей радости, он принимает участие на наших научных заседаниях:

- июнь 2001 г.: «25 лет семейной криминологии в России»;
- май 2002 г.: «Кризис наказания и проблемы ресоциализации»;
- октябрь 2003 г.: «Терроризм в контексте мирового социального насилия»;
- июнь 2007 г.: «Семейная криминология: новые исследования, совершенствование законодательства»;
- май 2013 г.: «Развитие криминологии в США в XXI столетии».

Профессор Гондолф — добросовестный и глубокий исследователь. Его выступления вызывают у слушателей неизменный интерес.

Как добрый и творческий человек Эдвард Гондолф излучает свет и тепло, способствуя человеколюбивой направленности работы в криминологии.

Дорогой Эдвард!

Будь здоров и радостен! Почаще бывай в Клубе на Мойке, где с интересом ждут твоих суждений и результатов новых твоих исследований.

Д. Шестаков

ЕСБЕРГЕНУ ОРАЗОВИЧУ АЛАУХАНОВУ — 55 ЛЕТ!

Е.О. Алауханов родился 19 мая 1958 года в городе Сарыагач Южно-Казахстанской области Казахской ССР (ныне — Сарыагаш Южно-Казахстанской области Республики Казахстан) в семье педагога. Ныне доктор юридических наук, профессор, учёный секретарь диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора юридических наук КазНУ. Член диссертационного совета Киргизско-российского славянского университета имени Б.Н. Ельцина.

В 1987 году окончил юридический факультет Ташкентского государственного университета. Впоследствии, в 1991 году, окончил Высшие милицейские курсы при Саратовской высшей школе МВД СССР, а в 1998 году — экономический факультет Международного казахско-турецкого университета имени Х. Ясави.

Трудовую деятельность начал в 1976 году учёником тракторной бригады совхоза «Красная звезда» Жанакорганского района Кызылординской области. В 1978—1980 годах проходил срочную службу в рядах Советской Армии. С 1981 по 1983 год работал секретарём судебного заседания Сарыагачского районного суда, с 1983 по 1991 — начальником юридического отдела Сарыагачского райсельхозуправления. С 1991 по 1993 год — оперуполномоченный УВД Южно-Казахстанской области, с 1993 по 1997 год — председатель Сарыагачско-

го районного суда, консультант министра юстиции Республики Казахстан.

В 1996 году Указом президента Республики Казахстан был назначен председателем коллегии по уголовным делам Южно-Казахстанского областного суда. В сентябре 1999 года баллотировался в депутаты Мажилиса Парламента Республики Казахстан по Сарыагашскому избирательному округу.

С 2000 по 2001 годы — начальник Управления юстиции Восточно-Казахстанской области. В 2001—2003 годах — начальник Департамента финансовой полиции по Восточно-Казахстанской области, в 2003—2004 годах — начальник Департамента финансовой полиции Мангистауской области. Полковник полиции.

В 2004—2005 годах — проректор по научной работе Алмаатинского экономического университета. С 2005 по 2006 год — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического университета (КазГЮУ). В 2006—2008 годах — профессор, председатель диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора юридических наук Академии МВД Республики Казахстан.

С 2008 по 2011 годы — заведующий кафедрой судебной власти и уголовного процесса Казахского национального университета (КазНУ) имени аль-Фараби.

С февраля 2011 года по август 2012 года — декан факультета журналистики КазНУ им. аль-Фараби.

С октября 2012 по настоящее время — заместитель директора по учебно-методической работе Института Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

Е.О. Алауханов автор более 300 научных трудов. Соавтор комментариев к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Подготовил и опубликовал учебник криминологии на казахском и русском языках. Стал одним из инициаторов теоретического осмысления проблем правовой журналистики в республике.

В 2005 году в Санкт-Петербурге вышла монография «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений» и в 2013 году учебник «Криминология». Подготовил более двадцати кандидатов и пять докторов юридических наук.

Есберген Оразович — Почётный профессор Казахстанской криминологической ассоциации, член Российской криминологической ассоциации, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Казахстан, член Союза писателей и журналистов Казахстана,

лауреат премии Союза журналистов Республики Казахстан имени Б. Каратаева (1995), главный редактор международного журнала «Наука и жизнь Казахстана», член редколлегий журналов «Фемида», «Әділсот», «Научный мир Казахстана», «Мысль», «Ақиқат», «Российский криминологический взгляд» и «Әділ KZ».

В 2010 году по решению Министерства образования и науки Республики Казахстан был удостоен звания «Лучший преподаватель ВУЗа-2010». Награждён медалями «Ерен еңбегі үшін» (2003), «Кодню Конституции Республики Казахстан» (2005), «ҚР Мәдениет қайраткері» (2004). Почётный гражданин Сарыагашского района Южно-Казахстанской области.

Заместитель председателя экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан. Действительный член (МЕАТР) Международной Евразийской Академии театра и радио (Москва).

Алауханов — плодовитый, перспективный криминолог, которого мы в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе высоко ценим.

Наши сердечные поздравления и всех Вам благ, дорогой Есберген Оразович!

Совет Клуба

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» — первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

При решении вопроса об опубликовании статьи предпочтение отдаётся тем статьям, в которых имеется связь с научной деятельностью невско-волжской научной школы криминологии и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, а именно присутствуют сопоставления с теоретическими положениями, результатами и предложениями нашей школы, и с выступлениями учёных, прозвучавшими на заседаниях клуба.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии с учётом сопоставления с теоретическими положениями, результатами и предложениями невско-волжской криминологической школы, выступлениями учёных, прозвучавшими на заседаниях клуба или опубликованными в нашем журнале.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук — 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук — до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук — до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле — по 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм. Шрифт — Times New Roman; размер шрифта основного текста — 14, сносок — 12; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы

нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц — внизу, посередине, на каждой странице. Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

5. Статья должна быть снабжена выжимкой (аннотацией) и ключевыми словами на русском языке, а также переводом названия статьи, ключевых слов и выжимки на английский язык (объём до 700 знаков с пробелами). Выжимка не должна содержать в себе вводящих уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п..

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материалов статьи.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя ответственного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размеще-

на на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) — до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) — до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) — до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) — до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

1. В течение 3 (трёх) дней с момента поступления в редакцию статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется уведомление о поступившей в редакцию статье.

2. Поступившая статья рассматривается редакционной коллегией в течение 30 (тридцати) дней.

3. По истечении установленного в п. 2 срока редакция сообщает автору об удовлетворении его заявления об опубликовании или об отказе в публикации.

4. Статья может быть отправлена автору на доработку.

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ПРИ ОПУБЛИКОВАНИИ СТАТЬИ

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей. В случае отказа в публикации статьи редакция обязана уведомить автора.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

*С уважением,
редколлегия журнала*

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, выжимки (аннотации) и ключевых слов

В.В. Лунеев*

PUSSY RIOT В ХРАМАХ РОССИИ

Выжимка: Действия Pussy Riot являются хорошо спланированной операцией по уничтожению российской государственности через дискредитацию Русской православной церкви.

Ключевые слова: религия; оппозиция; либерализм; государственность.

V.V. Luneev

PUSSY RIOT IN RUSSIAN CHURCHES

Summary: Pussy Riot's actions is a well-planned campaign to destroy Russian statehood through the imputation of the Russian orthodox church.

Key words: religion; opposition; liberalism; statehood.

Сведения об авторе в начале публикации

* **Виктор Васильевич Лунеев** — доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: luneevvv@yandex.ru

© В.В. Лунеев, 2013

Примеры оформления ссылок

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 27 (4). — С. 60.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 54–55.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 3.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ... докт. юрид. наук. — Л., 1986. — С. 15.

Интернет-документы:

<http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир. URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Хасавюрт: милицейские машины смяло будто фольгу. URL:

<http://news.mail.ru/incident/4651624/> (дата обращения: 25.11.2012)

Книга без ответственного редактора:

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. — М., 2001. — С.147.

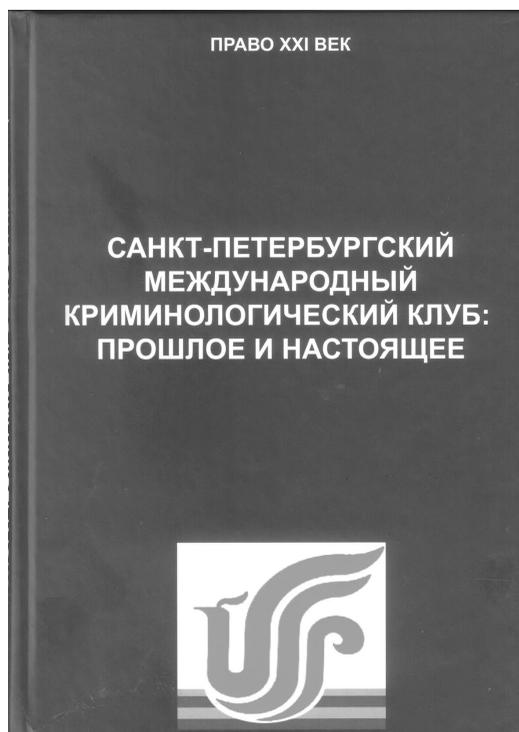
Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. — 2012. — 10 октября. — С. 6.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012.

В книге освещены основные направления деятельности единственного в своём роде научного сообщества — Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Представлены летопись Клуба с 1981 года по настоящее время, а также летопись публикаций в его журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Документально отражены острые обсуждения проблем преступности, в которых принимали участие Ханс-Йорг Альбрехт, Ю.М. Антонян, В.А. Бачинин, В.Н. Бурлаков, М.М. Бабаев, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Э. Гондолф, Г.Н. Горшенков, А.П. Данилов, С.У. Дикаев, А.И. Долгова, У. Зибер, С.М. Иншаков, П.А. Кабанов, Г.Л. Касторский, В.В. Колесников, А.В. Комарницкий, Х. Кури, Н.А. Лопашенко, И.Н. Лопушанский, О.В. Лукичёв, Г.С. Мауленов, С.Ф. Милюков, В.А. Номоконов, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, В.И. Поклад, А.Л. Сморгунова, Б.Б. Тангиев, В.С. Харламов, Д.А. Шестаков и многие другие.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

ЖУРНАЛ «РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Уважаемые читатели и авторы!

Редакционная коллегия ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» приглашает Вас к сотрудничеству. Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати 8 апреля 2004 г. (Свидетельство ПИ № 77-17902) и включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по праву, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук. В редакцию журнала входят: О.В. Старков (главный редактор); В.Н. Орлов (помощник главного редактора); А.Я. Гришко, И.М. Мацкевич, Э.Ф. Побегайло (заместители главного редактора); Е.О. Алауханов, В.М. Анисимков, М.М. Бабаев, А.Я. Вилкс, Л.А. Воскобитова, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, А.Б. Джурич, Д.А. Корецкий, А.Н. Костенко, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, С.Ф. Милуков, М.Г. Миненок, М.С. Нарикбаев, В.А. Номоконов, А.И. Рарог, В.И. Селивёрстов, С.Л. Сибиряков, О.В. Филимонов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов (члены редколлегии); Д.В. Закаляпин, Э.Л. Сидоренко, А.П. Скиба (ответственные секретари); А.О. Магуза (ассистент журнала).

Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника. На страницах журнала представлены более 50 рубрик.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в печатном или рукописном виде Орлову Владиславу Николаевичу по почтовому адресу: 121357, г. Москва, ул. Кременчугская, 22, кв. 17; 2) в электронном виде по адресам: olegstar@mail.ru; olegsuperstar@yandex.ru; vlad-orlov@mail.ru. О том, будет ли опубликована его или их статья, авторы могут узнать по тел.: 8-915-092-99-45 у главного редактора журнала Старкова Олега Викторовича или же по тел.: (495) 445-14-13; 8-915-051-16-15 у помощника главного редактора журнала Орлова Владислава Николаевича.

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 3 (30), 2013

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,55.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в ЦКП «Регион-Про»
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru